

ТОМ 12, № 2, 2026

eISSN 2414-1143

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научный альманах стран Причерноморья

Социальная и политическая философия / Философская антропология,
философия культуры / Религиоведение / Теория и история культуры /
Научная жизнь / Наследие прошлого: кавказоведение

www.science-almanac.ru

DOI: 10.23947/2414-1143

Научный альманах стран Причерноморья

Рецензируемый теоретический и научно-практический журнал

eISSN 2414–1143

Издается с 2015 года

Периодичность – 4 выпуска в год

DOI: 10.23947/2414-1143

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

5.7.7 – Социальная философия (философские науки)

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)

5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

5.10.1 – Теория и история культуры (культурология)

<i>Регистрация:</i>	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 –61316 от 07 апреля 2015 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, CyberLeninka, EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAJI, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Данные об издании доступны в каталогах научной информации: Google Scholar, OCLC WorldCat, Socionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z
<i>Сайт:</i>	http://science-almanac.ru
<i>Адрес редакции:</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail:</i>	science-almanac@mail.ru
<i>Телефон:</i>	+ 7 (908) 506–19–06
<i>Дата выхода</i>	30.06.2026
<i>№ 2, 2026 в свет:</i>	

Science Almanac of Black Sea Region Countries

Peer-reviewed theoretical and scientific-practical journal

eISSN 2414–1143

Published since 2015

Periodicity – 4 issues per year

DOI: 10.23947/2414-1143

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science (Ph.D.), for the degree of Doctor of Science (Ph.D. (Advanced Doctorate)) (List of State Commission for Academic Degrees and Titles) in the following scientific specialties should be published:

- Social philosophy (philosophical sciences)
- Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences)
- Theory and history of culture (culturology)

Registration:

Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77 – 61316 dated April 7, 2015 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Indexing and Archiving:

RSCI, CyberLeninka, Indexed by international databases: EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAJI, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Edition data available in scientific information catalogs: Google Scholar, OCLC WorldCat, Socionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z

Website:

<http://science-almanac.ru>

Address

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

of the Editorial Office:

E-mail:

science-almanac@mail.ru

Telephone:

+7 (863) 273–86–63

Date of publication

30.06.2026

No. 2, 2026:

Редакционный совет

Месхи Бесарион Чохоевич, доктор технических наук, профессор, главный редактор, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Анди Пушкэ, доктор экономических наук, профессор, Университет «Данубиус» (Галац, Румыния);

Буриан Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, Институт стратегических исследований Европейского университета Молдовы (Кишинев, Молдова);

Квеситадзе Гиорги, доктор биологических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Метрели Роин Викторович, доктор исторических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Несмеянов Евгений Ефимович, доктор философских наук, профессор, первый заместитель главного редактора, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Узнародов Игорь Миронович, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Яблоков Игорь Николаевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация).

Редакционная коллегия

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный, Российская Федерация);

Амонашвили Шалва Александрович, доктор психологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Балабанов Виктор Иванович, доктор технических наук, профессор, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва, Российская Федерация);

Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация);

Гуриева Лира Константиновна, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал) (Владикавказ, Российская Федерация);

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация);

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация);

Камалова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Кожевников Сергей Борисович, доктор философских наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Мустафаева Маида Ганифаевна, доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация);

Оленич Тамара Станиславовна, доктор философских наук, профессор, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Силагадзе Автандил, доктор экономических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили (Тбилиси, Грузия);

Склярова Елена Константиновна, доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Тихомирова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва, Российская Федерация);

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, доктор исторических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация).

Editorial board

Besarion Ch. Meskhi, Doct. Sci. (Engineering), professor, Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Andy Pusca, Doct. Sci. (Economics), Danubius University (Galac, Romania);

Alexander D. Burian, Doct. Sci. (Law), professor, Institute for Strategic Studies of the European University of Moldova (Chisinau, Moldova);

Giorgi Kvesitadze, Doct. Sci. (Biology), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);

Roin V. Metreveli, Doct. Sci. (History), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);

Evgeny E. Nesmeyanov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, First Deputy Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Igor M. Uznarodov, Doct. Sci. (History), professor, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Igor N. Yablokov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Editorial board

Vakhit Kh. Akaev, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences (Grozny, Russian Federation);

Shalva A. Amonashvili, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);

Victor I. Balabanov, Doct. Sci. (Engineering), professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation);

Vadim N. Goncharov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation);

Lira K. Gurieva, Doct. Sci. (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch) (Vladikavkaz, Russian Federation);

Albert K. Dudayti, Doct. Sci. (History), professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetarurov (Vladikavkaz, Russian Federation);

Alexander G. Ivanov, Doct. Sci. (History), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);

Olga N. Kamalova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Sergey B. Kozhevnikov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);

Maida G. Mustafaeva, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation);

Tamara S. Olenich, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Don State Technical University (DSTU) (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Silagadze Avtandil, Doct. Sci. (Economics), professor, Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia);

Elena K. Sklyarova, Doct. Sci. (History), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Ekaterina G. Tikhomirova, Doct. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russian Federation);

Tamara U. Elbuzdukayeva, Doct. Sci. (History), professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation).

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Российская монархия: природа, характер, этапы развития** 7
В.А. Лихотинский
- Практика социально-политической модернизации западного
цивилизационного ареала: глобализация, модели и стадии модерна** 12
О.Ю. Керимов
- Информационное противостояние в современных войнах** 18
И.Ю. Партышев

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Информационные технологии как катализатор развития и поддержки
творческого потенциала личности обучающегося** 24
Е.Б. Ивушкина, Н.И. Морозова, И.Б. Кушнин
- Глобальные цифровые знаки и семиотическая культура молодежи
Черноморского региона в условиях глокализации** 29
Ю.А. Петрова
- Структура профессионально-личностной подготовки педагогов
к формированию диалогизации образовательного процесса** 34
А.А. Кузубов
- Формирование правовой культуры через
современную систему образования** 42
О.Г. Казанцева, И.А. Семенцова
- Комплементарность экологических прав человека и природы:
концептуальное измерение прав окружающей среды
в рамках международной системы и экологической политики РФ** 47
Н.А. Ковтун

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Культурологическое значение анималистики советских мастеров
живописи на примере уникальной экспозиции ДГТУ** 53
И.П. Гуржиева, А.М. Ермаков
- Политический и эстетический контекст революционных праздников
Советской России** 63
Т.О. Бердник Ю.С. Комаристая
- История и перспективы организации научно-популярного туризма
в сельских районах Ростовской области** 69
В.С. Макаренко, С.А. Чернова

Contents

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- Russian Monarchy: Nature, Character, and Stages of Development** 7
V.A. Likhotinsky
- The Practice of Socio-Political Modernization
in the Western Civilizational Sphere: Globalization, Models,
and Stages of Modernity** 12
O.Yu. Kerimov
- Information Warfare in Modern Conflicts** 18
I.Yu. Partyshev

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

- Information Technology as a Catalyst for Developing
and Nurturing Students' Creative Potential** 24
E.B. Ivushkina, N.I. Morozova, I.B. Kushnir
- Global Digital Signs and Semiotic Culture of Youth
in Black Sea Region in Conditions of Glocalization** 29
Yu.A. Petrova
- Structure of Teachers' Professional and Personal Training for the Formation
of the Educational Process's Dialogization** 34
A.A. Kuzubov
- Formation of a Legal Culture Through a Modern Education System** 42
O.G. Kazantseva, I.A. Sementsova
- Complementarity of Environmental Rights of Human and Nature:
Conceptual Measurement of Environmental Law within the Framework
of the International System and Environmental Policy
of the Russian Federation** 47
N.A. Kovtun

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- Cultural Significance of Animalier Art of Soviet Painting Masters
on the Example of the Unique Exhibition of DSTU** 53
I.P. Gurzhieva, A.M. Ermakov
- The Political and Aesthetic Context of Revolutionary Celebrations
in Soviet Russia** 63
T.O. Berdnik, Yu.S. Komaristaia
- History and Prospects of Popular Science Tourism's Organization
in Rural Areas of Rostov Region** 69
V.S. Makarenko, S.A. Chernova

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 329.18

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-7-11>

Российская монархия: природа, характер, этапы развития

В.А. Лихотинский

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ lva1000@mail.ru

Аннотация

Введение. Современный этап политической истории характеризуется тем, что Россия всё более осознаёт себя ядром иной, не западной, евразийской цивилизации. В этой связи представляется актуальным глубокое исследование идентичности нашей страны, специфики её политической культуры и связанных с ней политических традиций, имеющих многовековую историю.

Материалы и методы. Материалом исследования являются исторические сведения, касающиеся развития российской государственности и её политических институтов. Применяются психоаналитический, культурно-антропологический, сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования. Архетипы как содержание коллективного бессознательного являются психическими отпечатками многовекового исторического опыта. Центральную роль в русской политической культуре играло проявление архетипа отца (царя-батюшки). Этот архетип стал основой мифа о «добром царе», миф в свою очередь – основой российской монархии как политической традиции. Российской монархии в начале её истории была присуща родовая династичность, которая позднее была заменена на семейную династичность предполагающую передачу власти от отца к сыну. Характерной чертой самодержавия было наличие при царе совещательного органа. Чаще всего в качестве такого органа выступала Боярская дума. Периодически Боярской дума пополнялась новыми членами и таким образом трансформировалась в Земский собор. Превращение самодержавной власти в имперскую власть абсолютного монарха сделало возможным строительство масштабного полиэтнического и поликонфессионального государства.

Обсуждение и заключение. Опора на психоаналитический и антропологический методы в процессе исследования политических традиций предполагает глубокое постижение их сущности. Архетип отца народа (царя-батюшки) выражает себя в мифе, с которым связано существование монархической формы правления как традиции, имевшей огромное значение для политической истории России. Российская монархия была важнейшим элементом государственности, во многом определившим её характер. Тщательное осмысление и использование на практике исторического опыта может сыграть положительную роль в деле решения задач, стоящих перед современным российским государством.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, архетип, миф, политическая традиция, традиционное общество, самодержавие, абсолютизм

Для цитирования. Лихотинский В.А. Российская монархия: природа, характер, этапы развития. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):7–11. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-7-11>

Original Theoretical Research

Russian Monarchy: Nature, Character, and Stages of Development

Vladislav A. Likhotskiy

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ lva1000@mail.ru

Abstract

Introduction. The current stage of political history is characterized by the fact that Russia is increasingly aware of itself as the core of another, not Western, Eurasian civilization. In this regard, an in-depth study of our country's identity, the specifics of its political culture and related political traditions that have a centuries-old history seems relevant.

Materials and Methods. The research material is historical information regarding the development of Russian statehood and its political institutions. Psychoanalytic, cultural anthropological, comparative-historical methods are used.

Results. Archetypes as content of the collective unconscious are the psychic imprints of centuries-old historical experience. The core role in the Russian political culture was played by the manifestation of the archetype of the father (Father the Tsar). This archetype became the basis of the myth of the “good tsar”. The myth, in turn, became the basis of the Russian monarchy as a political tradition. The Russian monarchy, at the beginning of its history, was characterized by patrimonial dynasticism, which was later replaced by family dynasticism involving the transfer of power from father to son. A characteristic feature of the autocracy was the presence of an advisory body under the tsar. Most often, the Boyar Duma acted as such a body. Periodically, the Boyar Duma was replenished with new members and, thus, transformed into the Zemsky Sobor. The transformation of autocratic power into the imperial power of an absolute monarch made it possible to build a large-scale multi-ethnic and multi-confessional state.

Discussion and Conclusion. Reliance on psychoanalytic and anthropological methods in the process of studying political traditions presupposes a deep comprehension of their essence. The archetype of the father of the people (Father the Tsar) expresses itself in the myth, with which the existence of a monarchical form of government is associated, as a tradition that was of great importance for the political history of Russia. The Russian monarchy was the most important element of statehood, which largely determined its character. Deliberation and practical use of historical experience can play a positive role in solving the problems facing the modern Russian state.

Keywords: collective unconscious, archetype, myth, political tradition, traditional society, autocracy, absolutism

For Citation. Likhotinsky V.A. Russian Monarchy: Nature, Character, and Stages of Development. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):7–11. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-7-11>

Введение. Современный этап политической истории характеризуется окончательным крахом иллюзий относительно возможности России встроиться в западную цивилизацию на равных правах со странами Западной Европы и Северной Америки. Дело здесь не только в том, что Россия является ядром иной, не западной, евразийской цивилизации, но и в том, что Запад, по причине имманентно присущего ему расизма, способен относиться к остальному миру только с позиций колониальной политики. В этой связи представляется актуальным глубокое исследование цивилизационной идентичности России, специфики её политической культуры и связанных с ней политических традиций, имеющих многовековую историю.

Материалы и методы. Материалом исследования являются исторические сведения, касающиеся развития российской государственности и её политических институтов. Используемые методы: психоаналитический (К.Г. Юнг), культурно-антропологический (М. Элиаде, Б. Малиновский), сравнительно-исторический.

Результаты исследования. Основатель аналитической психологии К.Г. Юнг выдвинул идею о существовании глубинного слоя человеческой психики, имеющего коллективный характер. Это коллективное бессознательное включает, по его мнению, три уровня: этнический, расовый и общечеловеческий. Как глубинная психическая система, существование которой не осознаётся, оно состоит из так называемых «архетипов». Согласно Юнгу, архетипы являются психическими отпечатками многовекового исторического опыта. Они образуют фундамент культур и, возвращая народы к изначальному, придают смысл современности [1, с. 37]. В своих работах Юнг писал об особой разновидности архетипов, которую он назвал «persona» [2, с. 63–65]. Такая разновидность архетипов, по мнению исследователя, является совокупностью социальных ролей. Для нас она представляет особый интерес в силу того, что выступает базовым элементом политических мифов.

Центральную роль в русской политической культуре, на наш взгляд, играло проявление архетипа отца (царя-батюшки). Монархическое мировоззрение русского этноса формировалось многие века. Даже после ликвидации монархии государственная власть продолжала сохранять персонифицированный характер, чему весьма способствовал культ большевистских вождей.

В истории народов архетипы часто проявляют себя как базовый элемент мифа. По мнению выдающихся западных антропологов Б. Малиновского и М. Элиаде, миф является сакральным преданием о далёком прошлом. Для человека традиционного общества миф как сакральное предание выполняет функцию легитимации любых жизненно важных элементов культуры, в том числе политических институтов [3, с. 27].

Исторически сложившаяся русская политическая мифология несёт в себе, на наш взгляд, три основополагающих мифа. Во-первых, это миф о высшем, трансцендентном «царстве», царём которого является Создатель. Оно является прототипом земного отечества, рассматривается как «небесная родина», в которой торжествует добро и Правда. Во-вторых, миф о Святой Руси – хранительнице религиозной истины. В-третьих, миф о «добром царе» – защитнике русской земли, веры и хранителе идеала Правды. «Добрый царь» в народном сознании расценивался как исполнитель божественной воли, как носитель высшей Правды, то есть истины, данной Богом, истины, являющейся этической основой народного существования.

Монарх представляется не только как политическая или религиозная фигура, но и как важный элемент мироздания вообще («светится одно солнце на небе, а царь на русской земле»). Как у сакральной фигуры, у него особая

связь с прошлым. Царь выступает в качестве наследника героев прошлого и выполняет их миссию в настоящем, что символизируют специальные атрибуты (скипетр, держава, шапка Мономаха).

Унаследованные от предков архетипы как содержание коллективного бессознательного проявляют себя в мифологии. Мифология же становится идейной основой и средством легитимации традиции народа. Миф в традиционном обществе оказывает значительное влияние на жизнь людей. Он определяет не только культовые действия, но и поведение, а также деятельность в других сферах жизни, в то числе, в политике. Миф о «добром царе» – защитнике русской земли, веры и хранителе идеала Правды стал, по нашему мнению, культурной основой российской монархии как политической традиции.

По мнению Э. Шилза, деятельность в русле традиции на деле есть импровизация на унаследованную от предков тему. Трактовка традиции всегда зависит от её носителей. Она не является чем-то статичным в силу того, что её носители стремятся к её усовершенствованию [4, с. 27]. Традицию можно определить как зафиксированный в коллективных стереотипах опыт, который концентрируется и повторяется в человеческих общностях. Сложное общество, включающее в себя ряд подсистем, можно рассматривать как систему традиций. Центральным, системообразующим звеном такого комплекса выступает совокупность мировоззренческих установок, касающихся фундаментальных проблем человеческого существования, культурного и социального порядка. Такое звено определяет значимость различных аспектов человеческого существования и их роль в культурной и политической идентификации общества. В аграрных обществах традиция выступает в качестве главной социальной связи между людьми. Производство здесь примитивно и неразвито. По этой причине традиция для всех сфер жизни имеет определяющее значение. Так возникает специфическое мировоззрение и соответствующий ему образ жизни – традиционализм.

По мнению В.П. Макаренко, ему присущи следующие характеристики:

1) Доминирующей формой мировоззрения является религия. Она выполняет нормативно-регулирующую функцию (параллельно со светским правом или самостоятельно).

2) Мир в традиционалистском мировоззрении отражается как нечто однородное и нерасчленённое. Социальный порядок – как естественное продолжение божественного миропорядка.

3) Главным свойством социального порядка считается его неизменность.

4) Нет критики социального порядка, как и нет индивидуальной свободы, связанной с выбором вида деятельности и модели поведения.

5) Образ жизни каждого поколения определяется образцами, унаследованными от предков.

В таком обществе прошлое отражается во множестве традиций и освящается. Все традиции рассматриваются как одинаково важные. По этой причине изменение какой-либо одной из них расценивается как угроза всему социальному порядку. Власть считается священным делом в силу того, что она поддерживает этот порядок. Социальный контроль осуществляется над всеми сферами жизни. Конфликты оцениваются как нарушения естественного порядка. Возврат к исходному состоянию общества выступает здесь как средство разрешения всех возможных противоречий.

Такой образ жизни подробно описан в своих сочинениях этнографами и антропологами XIX – XX вв. Соответствующее мировоззрение присуще аграрным обществам на разных стадиях их развития. Традиционалистский образ мышления может быть присущ как городскому, так и сельскому населению. Он не осознаётся до тех пор, пока не возникает внутренняя или внешняя угроза. Типичной реакцией представителя традиционного общества на возможность модернизации являются слова: «Я должен жить так, как жили мои отцы и деды. Не мы это придумали и не нам и отменять» [5, с. 39–41]. Основной политической традицией России, уходящей корнями в глубины этнической психологии и культуры, на наш взгляд, является монархическая форма правления, претерпевшая длительную эволюцию, но сохранившая свою суть.

Принцип единоличной власти в отечественной политической культуре начал формироваться ещё при родоплеменном строе, где его носителями выступали старейшины. Позднее, в процессе многовекового развития экономических, политических и религиозных институтов единоначалие наиболее полно воплощается в монархии, частично в деятельности глав советского государства и президентов современной России.

В далёком прошлом старейшины родов (некоторых из них даже называли князьями) не могли сформировать единой и равноудалённой от всех родовых общин власти. По этой причине было принято решение о призвании на княжение Рюриковичей. Важно здесь то, что власть получил целый род. Вклад родового княжения в создание самодержавия заключался в том, что оно установило принцип династичности власти, непривычный для сознания большинства людей той эпохи. Родовая династичность, при которой власть передавалась от старшего брата к младшему, позднее была заменена на семейную династичность, предполагающую передачу власти от отца к сыну. Таким образом, монархия приобрела важное качество: прочную преемственность, сводящую к минимуму возможности для политической конкуренции [6, с. 206–209].

К XV в. авторитарно-монархический способ организации государственной власти слал доминирующим в русских княжествах. Он обладал чрезвычайно важным в те времена преимуществом – позволял более успешно вести войны. Такая необходимость была вызвана борьбой с остатками Золотой орды и оказала серьёзное влияние на

развитие Московского царства. В конце XV в. Москва становится командным центром военного лагеря, опирающегося на русский север и действующего на три «фронта»: западный, южный и восточный [7, с. 116].

В результате сложных политических процессов, связанных с прекращением конкуренции среди представителей рода Рюриковичей, выработалась самодержавная форма монархии, ярчайшим воплощением которой стало правление Ивана IV. Иван Грозный первым полно выразил идеал самодержавия, который вырабатывался московскими князьями после освобождения от ордынской зависимости. Характер царской власти, по его мнению, определяется христианской идеей её божественного происхождения. Такая идея предполагает безусловное повиновение монарху даже в случае, если царь действует несправедливо и жестоко. Иван IV, сравнивая российское самодержавие с европейскими монархиями, критикует их за то, что они в какой-то степени являются носителями зачатков демократии.

Важнейшее значение здесь имеет способ вступления на престол. Настоящая монархия, по мнению Ивана IV должна быть наследственной, а не выборной [8, с. 107]. Кроме того, власть государя должна быть единой и не ограничиваться даже властью святительской. Весьма опасным, по мнению Грозного, является ограничение самодержавия боярством, которое, по его словам, выступает в качестве источника мятежей и всевозможных политических бедствий. Подданные могут отказаться от повиновения в единственном случае – если государь делает что-либо против религии. При этом царь ни перед кем не должен нести ответственности. Самодержец ответственен только перед Богом.

Характерной чертой самодержавия было наличие при царе совещательного органа. Чаще всего в качестве такого органа выступала Боярская дума. Её членами были думные дьяки, думные дворяне, бояре. Царь ежедневно принимал бояр. В некоторых случаях он доверял Боярской думе самостоятельно вырабатывать политические решения, которые в обязательном порядке предоставлялись ему для утверждения. Дума не была полноценным органом власти в современном смысле слова. У неё не было постоянного состава и регулярных заседаний. Помимо этого, у Боярской думы отсутствовала чётко обозначенная сфера деятельности. Можно сказать, что Боярской дума являлась послушным орудием царской власти и в тоже время она давала возможность аристократии принимать участие в выработке политических решений. Периодически Боярской дума пополнялась новыми членами и таким образом трансформировалась в Земский собор, в котором участвовали все сословия государства.

Помимо обычного состава Боярской думы, Земские соборы включали в себя епископат и иных «советных людей». В нём участвовали также представители местной выборной власти – дворяне и купцы из городов, посадов и слобод. Кроме того, в заседаниях принимали участие представители «уездных людей», то есть свободные крестьяне. Любые вопросы государственного значения могли составлять сферу компетенции Земских соборов. Среди них могли быть вопросы присоединения новых территорий, войны и мира и т. д. Соборы 1593 и 1613 гг. даже избирали царей.

При царе Алексее Михайловиче важнейшие решения принимались на соборных заседаниях. В 1649 г. Земский собор составил Соборное уложение – свод законов, регламентировавший государственное, административное, гражданское и уголовное право в России. В 1650 г. в Пскове произошло восстание. Для принятия решения о том, что делать с мятежниками царь приказал: «быть собору на псковском воровском заводе». На Земском соборе 1653 г. принималось решение о включении Малороссии в состав России. Очевидно, что компетенция соборов была очень широкой. В тоже время их решения имели только рекомендательное значение, за исключением ситуаций междуцарствия, когда Земский собор становился носителем верховной государственной власти [6, с. 247–250].

Абсолютная монархия отлична от самодержавной. Ей присуще предельное сосредоточение власти в руках верховного правителя. В мировой практике абсолютизм, как правило, возникал в процессе перехода от феодализма к капитализму. Его специфической особенностью является наличие мощного бюрократического аппарата в сочетании с ликвидацией любых сословно-представительных учреждений. Трансформация русского самодержавия в абсолютизм сопровождалась попытками государства контролировать различные стороны общественной и даже частной жизни. Абсолютизм осуществлял военную экспансию ради расширения территории и выхода России к морям. Кроме того, происходило ужесточение крепостного права [9, с. 83–84].

Становление абсолютизма в России обычно связывают с эпохой Петра Великого. Вполне справедливым, на наш взгляд, является мнение, согласно которому суть петровских реформ заключается в переходе российской государственности к абсолютизму [10, с. 433]. В 1721 г. после победы России в Северной войне Пётр I принял титул «Отца отечества, Императора Всероссийского». Так Россия официально становится империей. После того, как Россия утвердилась в качестве империи, т.е. полиэтнического государства с большой территорией, русский царь перестаёт быть «только русским царём». Он равноудалён от всех народов империи, так как невозможно не отстранившись от своего этноса быть правителем всех остальных. Император не может идентифицировать себя только как представителя государствообразующего народа [11, с. 109].

Можно сказать, что становление имперской власти абсолютного монарха сделало возможным строительство масштабного полиэтнического и поликонфессионального государства. В дальнейшем такое государство уже не могло существовать без абсолютной монархии и связанного с ней унитарного территориального устройства.

Обсуждение и заключение. Опора на психоаналитический и антропологический, сравнительно-исторический методы в процессе исследования политических традиций России предполагает постижение их сущности и

культурно-исторических особенностей. Здесь важно иметь в виду, что одним из центральных архетипов коллективного бессознательного, нашедшим выражение в российской политической культуре, является архетип отца (царя-батюшки). Этот архетип нашел выражение в соответствующем ему мифе, с которым в свою очередь связано существование монархической формы правления как традиции, сыгравшей огромное значение в политической истории России.

Российская монархия претерпела длительную эволюцию, тесно связанную с ростом могущества государства. В её процессе произошел переход от княжеской власти первых Рюриковичей к абсолютистской власти последних Романовых. Основной тенденцией в рамках такого развития было постепенное сосредоточение максимума властных полномочий в руках царя. Попытка же перехода к конституционализму в начале XX в. привела к краху монархической формы правления.

Российская монархия как традиция была важнейшим элементом политической культуры страны, во многом определившим её особенности. Тщательное осмысление и использование на практике опыта этого политического института может сыграть положительную роль в деле решения задач, стоящих перед современным российским государством.

Список литературы / References

1. Юнг К.Г. *Архетип и символ*. Москва: Ренессанс; 2023. 304 с.
Jung C.G. *Archetype and Symbol*. Moscow: Renaissance, 2023. 304 p. (In Russ.)
2. Юнг К.Г. *Бог и бессознательное*. Москва: Олимп; 2021. 546 с.
Jung C.G. *God and the Unconscious*. Moscow: Olimp, 2021. 546 p. (In Russ.)
3. Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва: Академический Проект; 2024. 222 с.
Eliade M. *Aspects of Myth*. Moscow: Academic Project, 2024. 222 p. (In Russ.)
4. Лурье С. *Историческая антропология*. Москва: Аспект Пресс; 1997. 448 с.
Shils E. *Tradition*. (Quoted from S. Lurie, *Historical Anthropology*, Moscow: Aspect Press, 1997, 448 p. (In Russ.))
5. Макаренко В.П. *Политическая философия*. Ростов-на-Дону; 1992. 160 с.
Makarenko V.P. *Political Philosophy*. Rostov-on-Don, 1992, 160 p. (In Russ.)
6. Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. Москва: Облиздат; Амир; 1998. 672 с.
Tikhomirov L.A. *Monarchical Statehood*. Moscow: GUP Oblizdat, TOO Amir, 1998, 672 p. (In Russ.)
7. Милюков П. *Очерки по истории русской культуры*. Ч. 1. Население, экономический, государственный и словесный строй. Санкт-Петербург; издан. журнала «Мир Божий»; 1896. 465 с.
Milyoukov P. *Essays on the History of Russian Culture*. Part 1. Population, Economic, State, and Social Structure. Saint Petersburg: magazine edition “The World of God”, 1896. 465 p. (In Russ.)
8. Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Москва: Независимая газета; 1993. 421 с.
Pipes R. *Russia under the old regime*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1993. 421 p. (In Russ.)
9. Исаев И.А. *История государства и права России*. Учебник. Москва: Юристъ; 1994. 608 с.
Isaev I.A. *History of the state and law of Russia*. Textbook. Moscow: Jurist, 1994. 608 p. (In Russ.)
10. Гумилёв Л.Н. *От Руси до России*. Москва: АСТ; 2008. 559 с.
Gumilev L.N. *From Rus to Russia*. Moscow: AST, 2008. 559 p. (In Russ.)
11. *Христианство: Энциклопедический словарь*: В 3 т., Т. 2. Москва: Большая Российская энциклопедия; 1993. 863 с.
Christianity: Encyclopedic Dictionary: In 3 volumes, V. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1993. 863 p. (In Russ.)

Об авторе:

Лихотинский Владислав Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), lva1000@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Likhotinsky Vladislav Alekseevich, Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, “Department of Philosophy and World Religions”, Don State Technical University, (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), lva1000@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 14.02.2026

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.5

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-12-17>

Практика социально-политической модернизации западного цивилизационного ареала: глобализация, модели и стадии модерна

О.Ю. Керимов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

✉ ug-igrushka@rambler.ru

Аннотация

Введение. Рассматривается проблема социально-политической модернизации западного цивилизационного ареала в условиях глобализации. Актуальность исследования обусловлена кризисом универсалистских моделей западного модерна, пересмотром линейно-прогрессистских интерпретаций исторического развития и необходимостью философского осмысления практик модернизации в условиях многоукладного глобального мира. Целью статьи является исследование и репрезентация практики социально-политической модернизации Запада в корреляции с глобализационными процессами, моделями и этапами развития модерна. В рамках поставленной цели решаются задачи анализа глобального контекста модернизации, исторических примеров и аналогий модернизационного развития государств и обществ, а также особенностей теоретического моделирования в социально-гуманитарных науках.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют ретроспективный и компаративный анализ, философская герменевтика и методы идеально-типического моделирования.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлена специфика глобального контекста модернизации, проанализированы типология и волны глобализации, их восходящие и нисходящие тренды в корреляции с различными «путями» модерна. Показано, что процессы глобализации оказывают существенное влияние на формы и модели социально-политической модернизации, а также на характер философских интерпретаций модерна.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что глобализация выступает не только как процесс интеграции и унификации социетальных практик, экономик и моделей политического управления, но и как форма распространения западного либерально-капиталистического модерна. Обоснована методологическая значимость анализа практик модернизации и ограниченность универсалистских концепций прогресса в условиях современного глобального развития.

Ключевые слова: модернизационные модели, модернизационный дискурс, развитие, прогресс, глобализация

Для цитирования. Керимов О.Ю. Практика социально-политической модернизации западного цивилизационного ареала: глобализация, модели и стадии модерна. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):12–17. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-12-17>

Original Theoretical Research

The Practice of Socio-Political Modernization in the Western Civilizational Sphere: Globalization, Models, and Stages of Modernity

Oleg Yu. Kerimov

Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Rostov region, Russian Federation

✉ ug-igrushka@rambler.ru

Abstract

Introduction. This paper examines the issue of socio-political modernization in the Western civilizational sphere in the context of globalization. The relevance of this study stems from the crisis of universalist models of Western modernity,

the reevaluation of linear-progressive interpretations of historical development, and the need for a philosophical understanding of modernization practices in a multi-structured global world. The aim of the article is to examine and represent the practice of the West's socio-political modernization in correlation with globalization processes, models, and stages of modern development. Within the framework of this objective, the study addresses the analysis of the global context of modernization, historical examples and analogies of the modernization of states and societies, as well as the characteristics of theoretical modeling in the social sciences and humanities.

Materials and Methods. The methodological framework of this study is based on retrospective and comparative analysis, philosophical hermeneutics, and ideal-typical modeling methods.

Results. This study identifies the specific characteristics of the global context of modernization and analyzes the typology and waves of globalization, as well as their upward and downward trends, in relation to various "paths" of modernity. It is shown that globalization processes have a significant impact on the forms and models of sociopolitical modernization, as well as on the nature of philosophical interpretations of modernity.

Discussion and Conclusion. It is concluded that globalization functions not only as a process of integration and standardization of social practices, economies, and models of political governance, but also as a means of spreading Western liberal-capitalist modernity. The methodological significance of analyzing modernization practices and the limitations of universalist concepts of progress in the context of contemporary global development are substantiated.

Keywords: modernization models, modernization discourse, development, progress, globalization

For Citation. Kerimov O.Yu. The Practice of Socio-Political Modernization in the Western Civilizational Sphere: Globalization, Models, and Stages of Modernity. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):12–17. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-12-17>

Введение. В условиях ускоряющихся глобализационных процессов проблема социально-политической модернизации приобретает особую актуальность, поскольку традиционные интерпретации модерна, сформированные в рамках западноцентричных концепций прогресса, сталкиваются с нарастающими теоретическими и практическими противоречиями. Современный этап мирового развития характеризуется кризисом универсалистских моделей модернизации, которые длительное время рассматривались как нормативные и применимые к различным историко-культурным контекстам. Это обуславливает необходимость философского осмысления модернизации не только как теоретического конструкта, но и как совокупности исторически реализованных социально-политических практик.

Проблематика данного исследования заключается в том, что в социально-политической философии модерна нередко интерпретируется в отрыве от глобального контекста и реальных исторических форм его практической реализации, что приводит к абсолютизации отдельных моделей и недооценке альтернативных путей развития. В условиях формирования многоукладной глобальной мир-системы становится методологически значимым анализ корреляции между процессами глобализации и различными моделями модернизационного развития. При этом особое внимание требует западный цивилизационный ареал как источник доминирующих концепций модерна и как пространство их исторической апробации.

Целью данной статьи является исследование и репрезентация практики социально-политической модернизации западного цивилизационного ареала в корреляции с процессами глобализации, а также с моделями и этапами развития модерна. Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда исследовательских задач. В их числе анализ специфики глобального контекста модернизации и его влияния на трансформацию социально-политических структур государств и обществ. Существенное значение имеет рассмотрение исторических примеров и аналогий модернизационного развития, позволяющих выявить как универсальные, так и контекстуально обусловленные черты модерна. Отдельной задачей является исследование практической реализации различных моделей модернизации и их философской интерпретации. Кроме того, в рамках статьи ставится задача анализа теоретико-методологических оснований моделирования модернизационных процессов в социально-гуманитарных науках. Реализация поставленных целей и задач направлена на уточнение методологических границ и эвристического потенциала философского анализа модерна в условиях современного глобального развития.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют ретроспективный и компаративный анализ, философская герменевтика и методы идеально-типического моделирования, позволяющие рассматривать модерн как исторически обусловленную и теоретически сконструированную форму социального развития [1, с. 345; 2; 3, с. 84; 4–6].

Результаты исследования. В корреляции с темой исследования модернизационных моделей развития процесс глобализации выступает не только констатацией интеграции и унификации социетальных практик, экономик и моделей политического управления в мировом масштабе, а, по мнению многих ученых, как развитие обозначенных процессов по западному образцу модерна. Глобализация, таким образом, является процессами трансформации и переструктурирования обществ, которые могут иметь поступательный и революционный характер.

Хронологически данный процесс в основном фиксируется начало эпохи великих географических открытий, Нового времени, индустриализации и т. д., поскольку речь идет о становлении современного западного хроно-

топа модернизации и его глобального влияния на мир-систему. Так, например, И. Валлерстайн обосновывает процесс модернизации и глобализации посредством распространения влияния западной капиталистической экономики на другие страны, создания системы «центр-периферия» [7], начало которой можно проследить уже в середине XV – начале XVI в. С Валлерстайном солидарен Р. Робертсон [8], который также началом пяти стадий глобализации считает XV в.

Э. Гидденс [9] и У. Робинсон [10] считают глобализацию специфическим современным феноменом, который связан с научно-технической революцией, развитием информационных технологий и коммуникаций в глобальном масштабе, переходом в конце XX в. к новым укладам экономики, капитализмом в его империалистической фазе и далее. Й. Терборн [11, 12] в качестве основного маркера глобализации выделяет интенсивность процесса распространения не только технологий, но и религий, социально-политических образцов и т. д., которые пересекают континентальные границы и приобретают универсальное мировое значение в организации государств обществ. В данной трактовке глобализация хронологически начинается значительно раньше XV в. (в IV–VIII вв. нашей эры). Вместе с тем поистине мировой масштаб глобализация приобретает в связи с завоевание европейцами Америки, которая стала источником богатств для колониальных держав и предопределило их мировое господство не только в экономике, но и политике, культуре, науке и т. д.

Для нашего исследования важно подчеркнуть корреляцию между сущностью глобализации как трансконтинентальной, межгосударственной интеграции и унификации и сущностью западного модерна, который в данной интерпретации приравнивается западными учеными к процессам прогрессивного развития обществ на основании принципов европоцентризма, с присущими ему установками и моделями экономики, культуры, искусства, социально-политической организации и т. д.

Й. Терборн, выделяя стадии и волны глобализации, указывает на соответствующие им «пути модерна» [12]:

– «органическая модернизация», инициированная Великой французской революцией 1789 г., которая стала началом и предпосылкой победы модерна в Европе.

– Путь Нового Света, который проложили американские поселенцы. Он во многом был путем распространения ценностей и моделей европоцентризма на американском континенте.

– «Третий путь к модерну – это путь колониальной травмы: отождествления с агрессором или восстание против него» [12].

– Четвертый путь реактивной модернизации. «В рамках данного пути – реактивной модернизации – модерн был завезен частью внутренней элиты, чувствовавшей сильную внешнюю угрозу своей территории, и навязан сверху населению, по-прежнему следовавшему традиционной ориентации» [12].

– Пятый путь – гибридный, поскольку он ориентирован на сочетание различных вариантов развития и моделей модерна, который был апробирован, например, Китаем.

Если попытаться выделить некоторые этапы, стадии эволюции модерна как практики исторического развития, то можно выявить следующие этапы:

– Классический капитализм, классический западный модерн, опирающийся на богатства, которые Англия, Франция, Португалия, Италия, Испания награбили в колониальную эпоху во время большой и малой «конкисты», характеризующейся насаждением прогресса «варварам», которых цивилизовали, выкачивая из колоний ресурсы, приносящие метрополиям беспрецедентные в истории прибыли. Классический «первый» модерн, таким образом, опирался на индустриализацию в экономике, на линейно-прогрессивный подход в социально-политических науках, принципы европоцентризма, с присущим им обоснованием превосходства западного пути развития, рынка, институтов и практик завоевания, переделки мира, получения в распоряжение все новых территорий капиталистическими державами. Немаловажно, что в самоописаниях Запада практика первого модерна была представлена как историческая материализация концептов демократии, просвещения, рынка, справедливости, свободы, рационализации, становление личностного начала целерационального человека и т. д.

Согласимся, что на практике «стратегии Запада в условиях распада колониальной системы всё чаще сводятся к прямому сдерживанию растущих центров силы, приостановке их современного развития» [13].

Поздний модерн как социально-политическая теория на практике сталкивается с тем, что технологии распространяются в мировом масштабе значительно более высокими темпами, чем их изначально разрабатывал и осваивал коллективный Запад, и страны, которые в колониальную эпоху позиционировались в экономике и социально-политических науках как отсталые, домодерные, варварские и т. д., начинают ускоренными темпами преодолевать технико-технологический и социально-экономический разрыв с европейскими державами, которые уже миновали этап классического капитализма. Соответственно такой критерий прогресса классического модерна, как социально-экономическое превосходство и уровень развития технологий перестает быть достаточным обоснованием деления обществ на прогрессивные и отсталые, подрывает основания апологии Запада как подателя универсальных ценностей в глобальном масштабе и его завоевательной колониальной и неоколониальной политики.

– Империалистический этап западного капитализма и концепции модерна, а затем и глобальный этап на практике подтверждает в политической проекции, что происходит пересмотр капиталисткой мир-системы, модели «центр-периферия», поскольку незападные общества демонстрируют значительный прогресс по критериям ур-

банизация, эффективность труда, социальное государство, устойчивый рост и т. д., а капиталистический Запад, напротив, потрясают кризисы и стагнация.

В философии нисходящий тренд в развитии Запада обосновывает, с одной стороны, концепция «заката западного мира» Шпенглера [14], которая диагностирует смерть фаустовской «души культуры» и переход к стадии цивилизации-умирания, а, с другой стороны, – философия марксизма [15], которая считает империализм финальной стадией развития капитализма, за которой неминуемо и объективно следует его разрушение силами формирующегося и развивающегося как политический субъект пролетариата.

События Второй мировой войны, ведущая роль СССР в победе над фашизмом практически предотвратили очередной передел мира по западному образцу, неокOLONиальная политика которого изменилась по своим методам и технологиям претворения в жизнь идеи западного господства и превосходства, но по содержанию осталась прежней – разрушительной и завоевательной по отношению ко всему, что не соответствует интересам империалистических западных элит и нормативному западному образцу прогресса и развития. Историческая практика эволюции обществ западного модерна и незападных государств, часть которых пошла по социалистическому пути, показала, что идеалы свободы, выбора, роста социально-экономического благосостояния и политического демократического устройства не имеют реальной корреляции с идеями западного экономического, политического, культурного господства.

Некоторые ученые обоснованно, на базе марксистской теории и методологии, выделяют такие этапы развития капитализма и основанного на его объективных реалиях модерна как:

– Этап первоначального накопления капитала.

– Этап развития и воспроизводства капитала на собственной основе на базе индустриального производства с соответствующими политэкономиями труда и капитала.

– Этап «заката» и самоотрицания капиталистической системы, в котором можно выделить подэтапы: экспансия капиталистических рынков и глобализация капиталистической системы переделки мира; самоограничение капитализма и введение государственного регулирования рынков, научно-техническая революция на фоне высоких темпов роста сферы услуг и формирования общества потребления, последствий «великой депрессии» в экономике; кризис «государственного регулирования и социального реформирования капитализма» [16], который совпадает с кризисом мировой социалистической системы, «что приводит к торжеству глобальной гегемонии капитала (более общеупотребимое название – неолиберальной глобализации). Материальной базой процесса становится экспансия информационных технологий, составляющих адекватную базу для опережающего роста сферы транзакций, финансовых спекуляций и т. п., приводящая к Мировому финансовому и экономическому кризису» [16]. Немаловажно, что глобальный «казино-капитализм» и «экономический империализм» при этом не отказывается от апологии западного модерна как идеала прогрессивного развития государств и обществ в контексте однополярного мирового порядка.

Следует отметить, что кризис мирового капитализма и основанного на нем западного модерна, помимо уже обозначенных факторов, сопровождался масштабным экологическим кризисом, что также подрывало обоснование западного модерна как прогрессивной модели общества. Согласимся, что «немаловажное место в изучении теории модернизации имеет теория экологической модернизации, которая зародилась в 80-х гг. и развивается в настоящее время в западной науке в рамках социально-экологической традиции. На постсоветском пространстве данная теория представлена работами О. Яницкого и И. Кулясова. Одним из первых эту теорию начал разрабатывать нидерландский социолог А. Мол, утверждающий, что данная теория ставит целью понять и интерпретировать, как модернистское индустриальное общество справляется с экологическим кризисом» [17].

Если опираться теории общества риска и рефлексивной модернизации У. Бека, а также на теорию позднего модерна Э. Гидденса [18], то сущность экологического аспекта модернизации в акцентуации проблемных дисфункций взаимодействия в системе «человек-природа», в глобальном масштабе порождающих кризис общественного развития и глобальные риски.

Следует отметить, что, с одной стороны, усиление темпов социально-технического развития и глобализация порождает глобальные экологические проблемы и риски, а, с другой стороны, – осмысление экологических проблем, экологическая парадигма модернизации также охватывает социально-гуманитарное знание в глобальном масштабе, требует соответствующего масштаба научно-философской и социально-политической рефлексии, адекватных политических решений лидеров государств по предотвращению экологической катастрофы.

Обсуждение и заключение. Итак, в доктринальном плане проведенный комплексный анализ позволяет выявить следующую логику и последовательность, репрезентирующую содержание этапов развития западного модерна:

– «эпоха Просвещения» и индуцируемый его модерн «первого поколения». Его преимущества и в практическом, и в идейно-когнитивном плане доказывались силой оружия, экономики расширенного производства первого индустриального цикла (по Н. Кондратьеву это I цикл и часть II цикла: 1815–1920 гг.).

– Начало нового модернизационного этапа. В доктринальном плане – утверждение нового понимания исторического процесса, в том числе и его модернизационной фазы, опирающееся на марксистскую и вебериянскую (как антитезу) методологию и формирование неклассических предпосылок гуманитарного модерна. В политико-практическом аспекте – первый кризис «колониального модерна», формирование предпосылок империалистической

фазы развития экономической платформы модерна, начало глобально-экономического передела и «вползание» в Первую мировую войну и начало социалистической модернизации как альтермодернизации. Соответственно менялась прежде всего в формате бифуркации и доктринальная база модернизации. Была обозначена траектория иного модерна – сочетавшего в себе компоненты западного индустриализма и незападного традиционализма.

В течение многих десятилетий такого рода бифуркацию репрезентовали то, как первую фазу в смене капиталистической социально-экономической формации, то, как подготовительную фазу в линейно-прогрессистском развитии технологического типа – ступень на пути от индустриализма к постиндустриализму. Однако на деле политико-экономические и социокультурные пробы во втором модернизационном цикле пошли по синергетическому сценарию: бифуркация на базовый и альтернативный тренды модернизации → пролиферация («тиражирование исходных образцов») в рамках «материнского» модернизационного кластера и кластера «постколониальной и суверенной модернизации». С образованием многоукладной глобально-социальной мир-системы.

На Западе быстро эволюционировала неклассическая модернистская парадигма (техноглобализм; киберглобализм, экоглобализм; NBJCS-глобализм и др.) и постмодернистская парадигма, эволюционирующая в пространство постмодернизма, метамодернизма и т.п. Однако эти поиски пока не дали значимых прорывов и имеют статус поисковых со статусом кратко- и среднесрочных. Так же, как и весьма продолжительная поисковая работа исследователей и экспертов «Римского клуба», которые за 50 лет пришли к выводу, что для моделирования динамики изменений современного глобального мира необходима и новая философско-методологическая и мировоззренческая платформа [19].

– Доминировавший более 200 лет тренд западничества в разных вариантах (домарксистском, марксистском, либеральном и др.) оттеснен и ревизуется.

Наиболее востребованный вариант экономико-технологической версии в последних своих форматах, начиная с 2000-х гг., базировался на инновационно-технологической платформе междисциплинарного типа (NBJCS-технологии) и приобрел ярко выраженные проектно-менеджеральные формы социально-технологического стратегирования и практического продвижения.

Список литературы / References

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва: Прогресс; 1990. С. 345–415.
Weber M. The 'Objectivity' of Knowledge in Social Science and Social Policy. *Collected Writings*. Moscow: Progress; 1990. pp. 345–415. (In Russ.)
2. Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну*. Москва: Прогресс Традиция; 2000.
Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress Tradizia; 2000. (In Russ.)
3. Комиссаров И. И. Моделирование в социально-гуманитарном познании: идеально-типические конструкции Макса Вебера. *Manuskript*. 2018;92(6):84–88. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-6.20>
Komissarov I.I. Modeling in Social and Humanities Cognition: Max Weber's Ideal-Typical Constructions. *Manuskript*. 2018;92(6):84–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-6.20>
4. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей социологии». Вебер М. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. Москва; СПб; 2014. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1981.tb00654.x>
Weber M. Some Categories of Interpretive Sociology. Weber M. *Selected works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. М.; СПб; 2014. (In Russ.) <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1981.tb00654.x>
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия. Вебер М. *Избранное*. Москва; 2015.
Weber M. Science as a profession and vocation. Weber M. *Selected works*. Moscow; 2015. (In Russ.)
6. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы филос. герменевтики*. Пер. с нем. Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс; 1988. 704 с.
Gadamer H.-G. *Truth and Method*. Trans. from German by B.N. Bessonova. Moscow: Progress; 1988. 704 p. (In Russ.)
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современная миросистема: политическая экономия и геокультура. *Дилеммы мирового политического развития и общественные науки*. Пер. с англ. изд. второе. 2024. 400 с.
Wallerstein I. World-Systems Analysis: The Modern World-System: Political Economy and Geoculture. *Dilemmas In Global Political Development and The Social Sciences*. Trans. from English. URSS. 2. 2024. 400 p. (In Russ.)
8. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. L., Newbury Park, New Delhi: SAGE Publications; 1992. 224 p.
9. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Москва: Весь Мир; 2004. 120 с.
Giddens A. *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves Mir; 2004. 120 p. (In Russ.)
10. Робинсон У. Теория глобального капитализма: производство, классовые отношения и государство в транснациональном мире. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9 Востоковедение и африканистика: реферативный журнал*. 2008;2:11–22.
Robinson W. A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World. *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 9 Oriental and African Studies: An Abstract Journal*. 2008;2:11–22. (In Russ.)

11. Терборн Й. *Города власти. Город, нация, народ, глобальность*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2020. 472 с.
- Therborn G. *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2020. 472 p. (In Russ.)
12. Терборн Й. *Мир: Руководство для начинающих*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. 336 с.
- Therborn G. *The World: A Beginner's Guide*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2015. 336 p. (In Russ.)
13. Фишман Л. Г., Мартьянов В. С. Модерн – это не Запад. *Россия в глобальной политике*. 2025;1:203–220. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-203-220>
- Fishman L.G., Martyanov V.S. Modernity Is Not The West. *Russia in Global Affairs*. 2025;1:203–220. (In Russ.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-203-220>
14. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем. К.А. Свасьяна. Москва: Мысль; 1993. 663 с.
- Spengler O. *The decline of the West. Essays on the Morphology of World History*. Vol. 1. Gestalt and Reality. Translated from the German by K. A. Svasyan. Moscow: Mysl; 1993. 663 p. (In Russ.)
15. Маркс К. Критика политической экономии. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. В 50 т. Т. 46. Ч. 1. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Москва: Госполитиздат; 1969. 618 с.
- Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. In: Marx, K., and Engels, F. *Collected Works*. Vol. 46, Part 1. Economic Manuscripts of 1857–1859. Moscow: Gospolitizdat; 1969. 618 p. (In Russ.)
16. Бузгалин А.В. Эволюция экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы. *Проблемы современной экономики*. 2013;48(4):88–89.
- Buzgalin A.V. Evolution of Economic Theories and The Stages of Genesis, Development and The Decline of Capitalist Market System. *Problems of modern Economics*. 2013;48(4):88–89. (In Russ.)
17. Матвеев Ю.И. Модернизация: теория и современность. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012;1–1:153–164.
- Matveenko U.I. Modernization: Theory and Modern State. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*. 2012;1–1:153–164. (In Russ.)
18. Гидденс Э. Последствия модернити. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Academia; 1999.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. *A New Post-Industrial Wave in the West. An Anthology*. Moscow: Academia; 1999.
19. Старостин А.М. *Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация*. Москва: Мини Тайп; 2021. 234 с.
- Starostin A.M. *A New Philosophy of Global World: Problematic Representation*. Moscow: Mini Type; 2021. 234 p.

Об авторе:

Керимов Олег Юрьевич, кандидат философских наук, Учебно-методический кабинет истории университета, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (Российская Федерация, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132), [SPIN-код, ug-igrushka@rambler.ru](mailto:ug-igrushka@rambler.ru)

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kerimov Oleg Yurevich, Cand. Sci. (Philosophy), Educational and Methodological Office of University History, Platov South-Russian State Polytechnic University (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation), [SPIN-code, ug-igrushka@rambler.ru](mailto:ug-igrushka@rambler.ru)

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 30.03.2026

Принята к публикации / Accepted 02.04.2026

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1 : 316 : 355.01

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-18-23>

Информационное противостояние в современных войнах

И.Ю. Партышев

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета,
г. Шахты, Российская Федерация

✉ ivanpartysev@gmail.com

Аннотация

Введение. Использование информации в качестве инструмента воздействия имеет древние корни. Информационные войны первой половины XX в. являлись своеобразным прологом к возникновению современных информационных войн. Разрушительное воздействие, наносимое информационными войнами как массовому общественному сознанию, так и человеку в отдельности, могут быть значительнее, чем открытые вооруженные столкновения. Цель статьи – анализ современного информационного противостояния, осуществляемого антагонистами, а также выявления его специфики и инструментария.

Материалы и методы. Теоретической и методологической основой исследования является комплекс общенаучных и социально-философских методов. Применяются методы анализа и синтеза, диалектический метод, сравнительный и системный анализ, историко-генетический подход.

Результаты исследования. Современная информационная война возникает в условиях развитого информационного пространства, поскольку именно в нем формируется сознание масс населения, настраивается эмоциональное состояние, создается смысловая нагрузка дальнейших агрессивных действий. К информационному давлению в современной войне относится интериоризация в массовое сознание определенных паттернов поведения, а также воздействия на информационные процессы, информационно-управляющие системы, информацию противника.

Обсуждение и заключение. Средства первого поколения ведения информационной войны были направлены на уменьшение стабильности систем управления соперника, средства второго поколения направлены на манипулирование сознанием масс. Средства третьего поколения актуализируют использование информационных сетей. Существуют четыре основные направления исследования информационного противодействия: психологическое, нормативистское, конфликтологическое и технологическое.

Ключевые слова: информация, информационная война, гибридная война, информационное противостояние

Для цитирования. Партышев И.Ю. Информационное противостояние в современных войнах. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):18–23. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-18-23>

Original Theoretical Research

Information Warfare in Modern Conflicts

Ivan Yu. Partyshev

Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University, Shakhty, Russian Federation

✉ ivanpartysev@gmail.com

Abstract

Introduction. The use of information as a tool of influence has ancient roots. The information wars of the first half of the 20th century served as a kind of prelude to the emergence of modern information wars. The destructive impact of information wars on both the collective public consciousness and the individual can be more significant than that of open armed conflicts. The purpose of this article is to analyze the modern information confrontation waged by adversaries, as well as to identify its specific characteristics and tools.

Materials and Methods. The theoretical and methodological foundation of this study is a set of general scientific and socio-philosophical methods. The methods employed include analysis and synthesis, the dialectical method, comparative and systemic analysis, and the historical-genetic approach.

Results. Modern information warfare arises in the context of a developed information space, since it is precisely within this space that the consciousness of the masses is shaped, emotional states are influenced, and the ideological framework for further aggressive actions is established. Information pressure in modern warfare includes the internalization of certain behavioral patterns into the mass consciousness, as well as the manipulation of information processes, information management systems, and enemy information.

Discussion and Conclusion. First-generation methods of information warfare were aimed at undermining the stability of an adversary's command-and-control systems, while second-generation methods are aimed at manipulating public opinion. Third-generation methods focus on the use of information networks. There are four main areas of research in information countermeasures: psychological, normative, conflict studies, and technological.

Keywords: information, information warfare, hybrid warfare, information confrontation

For Citation. Partyshev I. Yu. Information Warfare in Modern Conflicts. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):18–23. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-18-23>

Введение. Любая война начинается с информационной кампании. Любая война продолжается при информационном сопровождении. Любая война свершается, но еще долго раздаются победные реляции. Война и информация всегда взаимосвязаны. Эта неразрывность войны и информации неоспорима и в случае современных войн. Целью информационного противостояния является навязывание противнику дискурса, который представляет ситуацию в выгодном свете. Совершенно очевидно, что сейчас тема информационных войн крайне болезненна для российского общества. Информационная война всегда затрагивает все общество, и в ситуации проведения СВО эта информационная война еще далека от окончательного завершения.

Использование информации в качестве инструмента воздействия имеет древние корни и практика ведения информационных противостояний уходит вглубь истории на сотни и тысячи лет. Наиболее известным трактатом по «туману войны» является книга, написанная две с половиной тысячи лет назад китайским военачальником и стратегом Сунь-цзы «Искусство войны» [1]. Также в качестве иллюстрации можно привести Троянскую войну, датируемую XIII в. до нашей эры. Другой исторический прецедент демонстрирует тактику, применяемую армиями Чингисхана в XIII в. нашей эры. С целью деморализации противника и склонения городов к капитуляции монгольские завоеватели активно распространяли устрашающие слухи о тотальном уничтожении населения в случае отказа от сдачи. Такая психологическая атака позволяла значительно снизить сопротивление и ускорить процесс завоевания территорий, подчеркивая значимость информационного воздействия на исход военных кампаний

Но именно в XX в. информационное противодействие антагонистов экспоненциально возрастает. Сначала Первая мировая война продемонстрировала уникальные возможности информационного воздействия друг на друга. [2]. Противостоящие коалиции (как франко-англо-русская, так и австро-германо-итальянская) использовали средства и методы информационной войны в виде «ура-патриотизма», социальной и религиозной демагогии, изображая свое участие в военных столкновениях как вынужденное, носящее сугубо оборонительный характер действия. Вместе с тем несмотря на широкое применение пропаганды, дезинформации и печать миллионов листовок, официальную власть интересовали прежде всего антиправительственные настроения в войсках (это касается как Германии, так и Российской империи).

Вторая мировая война продемонстрировала миру беспрецедентный характер информационного давления друг на друга противоборствующих сторон, а также внутреннее информационное давление на население. Генерал Шарль де Голь писал так об этом времени в своих воспоминаниях «Сражающаяся Франция»: «Предстоит столкнуться с мощным врагом... Предстоят трудности морального и материального характера... Придется натолкнуться на уйму возражений, обвинений, клеветнических утверждений...» [3, с. 230]. Непрерывная психологическая обработка населения в Третьем рейхе дала свои негативные результаты. По воспоминаниям советского авиаконструктора А.С. Яковлева о пребывании его в предвоенной Германии, у всех немцев, с которым он встречался, независимо от социального статуса, чувствовалось «неизмеримое превосходство» над представителями других наций. Состояние социальной шизофрении и перманентной паранойи становится обычным и обыденным для жизни общества нацистской Германии. Всяческие проявления критической рефлексии и попытки рационального осмысления реальности подавляются репрессивным аппаратом. В 1927 г. Гарольд Лассуэлл, анализируя сложившуюся ситуацию, заявляет о приоритете пропаганды при воздействии на людей в условиях войны [4], он подчеркивает, что ее использование подразумевает систематическое распространение определенных идей, доктрин или сведений с целью формирования общественного мнения или манипулирования действиями отдельных лиц или групп.

В целом краткий экскурс в историю демонстрирует нам, что информационная война первой половины XX в. в контексте мировых войн выступала одной из составляющих идеологического противостояния и, используя различные технологии информационного воздействия для достижения своей основной цели, являлась своеобразным пролегоменом к возникновению современных информационных войн.

Эксплицируя интенсификацию информационных войн в XXI в., следует отметить, что основной средой их зарождения и развития является информационное общество. Собственно, информационное общество как новый вид общества создает новые формы конфликтов – информационные войны. Со второй половины XX в. информация превращается в мощный, реально осязаемый ресурс, который имеет даже большую ценность, чем природные финансовые, трудовые и другие ресурсы. Информация становится товаром, который продается и покупается. Информация превратилась в оружие, возникают и прекращаются информационные войны. Об этом активно рассуждали теоретики концепций информационного общества, в данном контексте необходимо акцентировать внимание на работы канадского профессора Маршалла Маклюэна, который утверждал, что под влиянием электронных средств массовой информации мир превращается из «глобальной деревни» в «глобальный театр», где каждый исполняет роли, назначенные ему структурами аудиовизуальной телекультуры. Более того, по мнению М. Маклюэна, эти структуры можно считать универсальными законами бытия и сознания, которые регулируют образ жизни, деятельность и мышление людей, живущих в разных странах, но в одни и те же эпохи [5, с. 199]. Именно М. Маклюэн одним из первых стал применять понятие «информационная война», предлагая инновационный тезис: «истинно тотальная война – это война с помощью информации». Он доказал, что разворачивание современных военных конфликтов преимущественно происходит в информационном пространстве.

В традиционной войне психологическая обработка (как показал опыт двух мировых войн) только сопровождает военные операции, обеспечивая мотивацию к борьбе и оправдывая ее необходимость. Зато в современных войнах психологическое противостояние приобретает доминирующее значение. Речь идет о существенном смещении центра тяжести противостояния и борьбы с его физически сильной составляющей на психологический и информационный, на процессы в сфере сознания и человеческих эмоций.

В современной войне информационная составляющая является ведущей. По своей сути информационное противостояние является составной частью идеологической борьбы. Ее особенностью является то, что это противостояние (часто именуемое в научной литературе и околонучном и политическом дискурсе информационной войной) не приводит непосредственно к кровопролитию, разрушениям и т.п. Однако при этом убытки, которые наносят информационные войны как психике отдельного человека, так и массовому общественному сознанию по масштабам и значению вполне соизмеримы с вооруженными войнами, а порой и превышают их последствия.

Целью статьи выступает анализ современного информационного противостояния, осуществляемого антагонистами в рамках проведения современных войн, а также выявления его специфики и инструментария.

Материалы и методы. Теоретической и методологической основой исследования является комплекс общенаучных и социально-философских методов, достижения мировой и отечественной научной мысли в обозначенной области. Методы анализа и синтеза были применены на всех этапах исследования, поскольку именно они обеспечили внутреннюю согласованность целого и его частей.

При исследовании информационных противостояний использовался диалектический метод, позволяющий анализировать информационные войны в их развитии, детерминированными внутренними противоречиями. Системный и сравнительный анализ дали возможность выявить закономерности разворачивания современного информационного противодействия, а также взаимосвязь и амбивалентность процессов, происходящих в социуме, предопределяющие развитие информационных войн.

Схемы информационных противостояний позволили выявить структурно-функциональный подход, артикулируя внимание на взаимосвязь информационной безопасности и современного информационного противостояния. Квинтэссенцию феномена информационного противостояния в исторической ретроспективе позволил выявить историко-генетический подход.

Результаты исследования. Особенностью современной войны является то, что она ведется в условиях глобализованного мира, когда мировое пространство сужено интенсивными коммуникациями, а более плотный характер взаимодействий народов способствует и росту противоречий между ними. Отечественные ученые – И.В. Гончарова, В.Ф. Ницевич, О.А. Судоргин отмечают, что «причинами перехода к войнам нового типа стали крушение биполярного мира, нарастание угрозы международного терроризма, размывание этнокультурной идентичности внутри самих США и ряда стран, следующих в кильватере ее политики» [6, с. 20]. Трудно не согласиться с данной мыслью, так как разворачивание современных информационных противостояний происходит в условиях социальной турбулентности, в условиях постоянной социальной и политической трансформации, в условиях метаморфоз киберпространства, являющимся ключевым полем для информационного противостояния.

Современная информационная война возникает в результате экспоненциального развития информационного пространства. Поэтому ряд современных ученых (С.И. Самыгин, А.М. Руденко, В.В. Котлярова) подчеркивает, что «в настоящее время информационно-психологические войны становятся основой и всяких других войн, предшествуя им или протекая параллельно, определяя успех или поражение их исхода» [7, с. 49]. Без социальных сетей, вне мирового коммуникационного пространства современная информационная война не имела бы смысла, поскольку именно в этом пространстве формируется сознание масс населения, настраивается эмоциональное состояние, создается смысловая нагрузка дальнейших агрессивных действий.

В современных условиях информационные технологии являются неотъемлемым компонентом способов ведения войны, отмечает И.Н. Панарин. Информационная война является важной составляющей современного про-

цесса глобализации, и без понимания ее сущности невозможно в полной мере оценить последствия глобализационного давления [8, с. 18]. И.Н. Панариным определены главные области ведения информационного давления, к которым ученым отнесены политическая и финансово-экономическая сферы, инновационное развитие экономики и общества, а также дипломатическая и военная. Вполне возможно, что фактически все сферы общества в информационной войне подвергаются воздействию, и выигрыш остается за информационно-сильным – за счет наличия новых технологий, творчества и креативности, технических средств и скорости реагирования.

Современные информационные технологии обеспечивают не только доступ к актуальной для реципиента информации, но и предоставляет возможности интерактивной коммуникации, в том числе и с лицами, которые эту информацию распространяют. Благодаря этому возможна коррекция информации, в зависимости от социально-психологической реакции, которую она вызывает. Ярче всего интерактивный характер обмена информацией проявляется в функционировании социальных сетей, часто способствующих нарастанию террористической угрозы (кибертерроризм), массовой истерии, ксенофобии и других негативных социальных феноменов.

Одной из ключевых черт информационного общества является «сетевая логика», что и объясняет концепцию «сетевого общества» [9, с. 42–43]. Сети связывают между собой посредством многочисленных связей людей, институты и даже целые государства. Они являются основой глобального сетевого общества, поскольку пронизывают всю социальную и экономическую структуру. Проводя философский анализ проблемы кибертерроризма в социальных сетях в контексте современных гибридных угроз, представители ростовской философской школы (Е.Е. Несмеянов, А.М. Руденко и В.В. Котлярова) подчеркивают, что «информация, осуществляя регулирующее воздействие на поведение людей через формирование мировоззренческих установок, может искажать истинные цели, интересы и потребности» [10]. Современные технологии имеют возможность влиять на информацию; современным технологиям свойственно эффект «повсеместного влияния»; все системы, используют информационные технологии, подчинены «сетевой логике», что позволяет им влиять на множество процессов и организации.

Эксперт американского Центра исследований терроризма Дороти Деннинг полагает, что информационная война является направленной прежде всего на технические ресурсы [11]. По мнению Д. Деннинг, интернет сегодня считается влиятельным рычагом информационного давления для изменения курсов внутренней и внешней политики любого государства и предусматривает в этом аспекте три вида деятельности: социальная активность, хактивизм и кибертерроризм. Ученый выводит свою типологию информационных войн, классифицируя их на оборонительные и наступательные, где каждой из них присущи свои механизмы, технологии, методы ведения и тому подобное. Так, для оборонительной информационной войны характерно наличие ряда фильтров, располагающихся на «путях наступления», а для наступательной информационной войны – наличие этих самых «путей наступления».

К информационному давлению в современной войне можно отнести следующие две довольно большие группы мероприятий:

- воздействие на военнослужащих и мирное население с целью интериоризация в массовом сознании определенных паттернов поведения;
- возможности технико-технологического влияния на информационно-управляющие системы, передаваемую информацию противника, независимо от применяемых средств.

Современная война имеет ряд основополагающих характеристик: формирование широчайшего социально-информационного и культурного пространства как мощного механизма моделирования реальности (реальным является то, что надлежащим образом подано, а истинные факты отвергают и умалчивают; своеобразное конструирование мнимой псевдореальности); противоречивая позиция государственной структур и/или их неспособность распознавать масштабы реальных угроз; отсутствие надежной и эффективной системы международной безопасности; возможность подавать информационную войну как конфликт ценностных моделей порядка и влиять на понимание современного состояния в мире как изменения парадигм стратегического мышления.

Информационный «шум», сопровождающий военные действия, – вытеснение, создание умышленных взаимоисключающих трактовок или просто замалчивание, – существенно затрудняет формирование определенного отношения к военным событиям. В качестве примера информационного давления стоит привести бомбардировки телецентра RTS югославского телевидения в 1999 г. [12]. Тогда представитель Североатлантического союза объявил, что они поразили «мозг» военного аппарата президента Слободана Милошевича, несмотря на то что погибли шестнадцать сотрудников телецентра. В современном информационном противостоянии во время проведения СВО, отмечает Т.Н. Расторгуева: «Методы, использованные геополитическими противниками России на Майдане, эффективны именно потому, что они опираются на глубокое понимание природы человека и его сенсорного восприятия» [13, с. 60]. Необходимо отметить, что в современном информационном противостоянии инициация наступательной тактики информационного воздействия проводится оппонентами Российской Федерации. Следовательно, критически важной точки зрения в данном аспекте является совершенствование политики информационной безопасности.

Обсуждение и заключение. В современной действительности из-за возрастания роли информации и способов ее передачи в жизни человека растет и количество методов и приемов ведения информационной войны. Эволюция такого рода методов указывает на постепенную смену поколений средств информационной войны. Средства первого поколения были направлены на уменьшение стабильности систем управления соперника, средства вто-

рого поколения направлены на манипулирование сознанием масс. В последние годы распространение получили средства информационной войны третьего поколения, которые характеризуются эффектом «быстрых решающих действий». Именно среди средств информационной войны третьего уровня нарастает сетевое противоборство.

Текущий этап исследования информационного противостояния характеризуется переоценкой и поиском новых концепций и формированием инновационных методологических подходов. Всего можно выделить четыре сформированных подхода. Нормативистское научное направление, одно из первых методологических подходов американской научной мысли по вопросам ведения информационных войн, интерпретирует информационную войну именно как информационное противостояние антагонистических сторон в контексте вооруженных столкновений.

Вторым направлением является психологическое направление, в соответствии с методологическими установками которого информационная война определяется как комплексное открытое или адресное имплицитное информационное влияние противоборствующих сторон, которое охватывает систему форм, средств и методов влияния на антагонистов.

Третьим направлением является конфликтологическое направление, представители которого рассматривают информационные войны сквозь призму военного и политического противостояния. Представители четвертого, технологического направления в своих исследованиях сосредоточили свое внимание на скрупулезном исследовании технической составляющей, поскольку они считают, что в информационной войне основным полем применения сил и ключевой мишенью станет техническое состояние противника.

Вышесказанное приводит к заключению о необходимости модернизации политики информационной безопасности, выступающей фундаментальным фактором, способным эффективно противостоять вызовам информационного воздействия.

Список литературы / References

1. Сунь-цзы. *Искусство войны*. Пер. с англ. М. Михайлова. Москва: Издательство АСТ; 2024. 256 с.
Sun Tzu. *The Art of War*. Translated from the English by M. Mikhailova. Moscow: AST Publishing House; 2024. 256 p. (In Russ.)
2. Дузь С. Информационное оружие стало «главным калибром» той, Первой, войны. *Еженедельник «Звезда»*. 12 января 2019. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2019191119-W7bIY.html/> (дата обращения: 06.10.2025).
Duz S. Information warfare became the “main weapon” of that First World War. *Zvezda Weekly*. January 12, 2019. (In Russ.) URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2019191119-W7bIY.html/> (accessed: 06.10.2025).
3. *Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра*. Сост. Е.Я. Трояновская. Москва: Политиздат; 1990. 558 с.
World War II as Recalled by W. Churchill, S. de Gaulle, C. Hull, W. Legu, and D. Eisenhower. Edited by E.Y. Troyanovskaya. Moscow: Politizdat; 1990. 558 p. (In Russ.)
4. Лассуэлл Г.Д. *Техника пропаганды в мировой войне*. Пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва: ИНИОН РАН; 2021. 236 с.
Lasswell H.D. *Propaganda technique in World War I*. Translated from the English by V.G. Nikolaev. Moscow: INION RAS; 2021. 236 p. (In Russ.)
5. Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва; КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле; 2003. 464 с.
McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. Translated from the English by V.G. Nikolaev. Moscow: KANON-Press-C; Zhukovsky: Kuchkovo Pole; 2003. 464 p. (In Russ.)
6. Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление*. 2024;11(1):19–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31>
Goncharova I.V., Nicevich V.F., Sudorgin O.A. Information Warfare as a Tool of Political Confrontation in the Modern Multipolar World. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):19–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31>
7. Самыгин С.И., Руденко А.М., Котлярова В.В. Историко-философское осмысление проблемы информационной безопасности. *Социум и власть*. 2016;58(2):47–51.
Samygin S.I., Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. Historical and Philosophical Understanding of the Problem of Information Security. *Society and Power*. 2016;58(2):47–51. (In Russ.)
8. Панарин И.Н. *Информационная война, PR и мировая политика*. Москва: Горячая линия-Телеком; 2006. 352 с.
Panarin I.N. *Information Warfare, PR, and World Politics*. Moscow: Moscow: Goryachaya Linia-Telecom; 2006. 352 p. (In Russ.)
9. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архиповой. Второе издание, доп. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2017. 590 с.
Castells M. *Communication power*. Translated from the English by N.M. Tylevich and A.A. Arkhipova. Second edition, revised. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2017. 590 p. (In Russ.)
10. Несмеянов Е.Е., Руденко А.М., Котлярова В.В. Социокультурный анализ кибертерроризма в социальных сетях в контексте проблем информационной безопасности российского общества. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2015;(4):1–5.
Nesmeyanov E.E., Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. Sociocultural analysis of cyberterrorism in social nets within the

problems of information safety of Russian society. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2015;(4):1–5. (In Russ.)

11. Denning D. E. Stuxnet: What Has Changed? *Future Internet*. 2012;3(4):672–687. <https://doi.org/10.3390/fi4030672>

12. Печуров С.Л. «Союзническая сила» агрессора: особенности военной акции против Югославии в 1999 году. *Военно-исторический журнал*. 2009;3:15–19.

Pechurov S.L. “Allied force” of the aggressor: features of the military action against Yugoslavia in 1999. *Military Historical Journal*. 2009;3:15–19. (In Russ.)

13. Расторгуева Т.Н. Информационная война как механизм деструкции общества: анализ манипулятивных технологий через призму эмоционального и смыслового восприятия. *Теории и проблемы политических исследований*. 2025;14(1A):52–64.

Rastorgueva T.N. Information Warfare as a Mechanism of Societal Destabilization: Analysis of Manipulative Technologies Through the Prism of Emotional and Semantic Perception. *Theories and Problems of Political Studies*. 2025;14(1A):52–64. (In Russ.)

Об авторе:

Паргышев Иван Юрьевич, аспирант, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (Российская Федерация, 346500, г. Шахты, ул. Шевченко 147), [ORCID](#), [SPIN-код](#), ivanpartysev@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Partyshev Ivan Yurevich, postgraduate student, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ivanpartysev@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 30.01.2026

Принята к публикации / Accepted 02.02.2026

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.018.43:004

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-24-28>

Информационные технологии как катализатор развития и поддержки творческого потенциала личности обучающегося

Е.Б. Ивушкина ✉, Н.И. Морозова , И.Б. Кушнир

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)

Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Российская Федерация

✉ ivushkina62@mail.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях происходит трансформация образовательной парадигмы под влиянием информационных технологий, смещающая фокус с репродуктивного усвоения знаний на раскрытие творческого потенциала обучающегося. Актуализируются ключевые технологические тренды, методы их интеграции в учебный процесс и связанные с этим вызовы и риски. Цель работы – выявить и охарактеризовать эффективные механизмы развития творческого потенциала личности через применение информационных технологий в обучении.

Материалы и методы. Методология исследования основана на анализе и синтезе существующих академических знаний с целью построения структурированного, аргументированного и критического обзора проблемы развития творческих способностей обучающихся в цифровую эпоху. Для формирования целостной картины работы применяется концептуальный синтез теорий из разных дисциплин. Проведен критический анализ с целью выявления рисков и ограничений, а не только преимуществ влияния информационных технологий на творческие процессы обучающихся.

Результаты исследования. В цифровую эпоху, переполненную информационным шумом и требующую постоянной адаптации, на первый план в понятии творческого потенциала личности обучающегося выходят открытость новому опыту, готовность к риску и толерантность к неопределенности. Двигателем экономического роста современных городов и стран являются не промышленные гиганты, а сообщества учёных, инженеров, дизайнеров, предпринимателей, представителей медиа и искусства. При этом цифровая среда активно формирует новые когнитивные паттерны, оказывающие двойственное влияние на творческий потенциал: с одной стороны, это тревога относительно формирования клипового мышления, с другой – культивация более продуктивной формы нелинейного, гипертекстового мышления. Несмотря на безграничный потенциал информационных технологий для раскрытия креативности, их внедрение в образовательный контекст сопряжено с рядом вызовов и рисков – цифровое неравенство, замещение творческого процесса работой с готовыми шаблонами, когнитивные перегрузки, противоречие между потенциалом искусственного интеллекта как партнера человека и угрозой потери авторства.

Обсуждение и заключение. Творческий потенциал личности в цифровую эпоху предстает как многогранный и динамический конструкт. Он эволюционировал от узко понимаемого дара к универсальной компетенции, необходимой для успеха в науке, инженерии и бизнесе. Развитие творческого потенциала сегодня – это не факультативная задача, а центральный вектор адаптации и реализации человека в стремительно меняющемся мире. Ключевая роль здесь отводится педагогу, который должен выступать не только как транслятор технических навыков, но и как наставник, помогающий обучающемуся сохранить свою уникальность, критическое мышление и способность к глубокому осмыслению информации.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровая среда, образовательный процесс, творческий потенциал

Для цитирования. Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И., Кушнир И.Б. Информационные технологии как катализатор развития и поддержки творческого потенциала личности. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):24–28. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-24-28>

Information Technology as a Catalyst for Developing and Nurturing Students' Creative Potential

Elena B. Ivushkina , Nelly I. Morozova , Irina B. Kushnir

Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University, Shakhty, Russian Federation

✉ ivushkina62@mail.ru

Abstract

Introduction. In today's environment, the educational paradigm is undergoing a transformation driven by information technology, shifting the focus from the rote acquisition of knowledge to the development of students' creative potential. Key technological trends, methods for integrating them into the educational process, and the associated challenges and risks are coming to the fore. The aim of this study is to identify and characterize effective mechanisms for developing an individual's creative potential through the use of information technology in education.

Materials and Methods. The research methodology is based on the analysis and synthesis of existing academic knowledge with the aim of constructing a structured, well-reasoned, and critical review of the issue of developing students' creative abilities in the digital age. To form a comprehensive picture of the work, a conceptual synthesis of theories from various disciplines is applied. A critical analysis was conducted to identify the risks and limitations, rather than just the benefits, of the influence of information technologies on students' creative processes.

Results. In the digital age, which is overflowing with information noise and demands constant adaptation, openness to new experiences, a willingness to take risks, and tolerance for uncertainty have come to the forefront in defining a student's creative potential. The engine of economic growth in modern cities and countries is not industrial giants, but communities of scientists, engineers, designers, entrepreneurs, and representatives of the media and the arts. At the same time, the digital environment is actively shaping new cognitive patterns that have a dual impact on creative potential: on the one hand, there is concern regarding the emergence of clip-based thinking; on the other, the cultivation of a more productive form of nonlinear, hypertextual thinking. Despite the boundless potential of information technologies to unlock creativity, its integration into the educational context is fraught with a number of challenges and risks – digital inequality, the replacement of the creative process with the use of ready-made templates, cognitive overload, and the tension between the potential of artificial intelligence as a human partner and the threat of losing authorship.

Discussion and Conclusion. In the digital age, an individual's creative potential is a multifaceted and dynamic construct. It has evolved from a narrowly defined talent into a universal competency essential for success in science, engineering, and business. Developing creative potential today is not an optional task, but a central vector for human adaptation and fulfillment in a rapidly changing world. A key role here is assigned to the educator, who must act not only as a transmitter of technical skills but also as a mentor, helping students preserve their uniqueness, critical thinking, and ability to deeply comprehend information.

Keywords: information technology, the digital environment, the educational process, creative potential

For Citation. Ivushkina E.B., Morozova N.I., Kushnir I.B. Information Technology as a Catalyst for Developing and Nurturing Students' Creative Potential. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):24–28. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-24-28>

Введение. Актуальность работы объясняется кризисом традиционной системы образования, ориентированной на стандартизацию, и изучением творческой составляющей личности как ключевой компетенции XXI в. в условиях нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. Гипотеза – информационные технологии являются не инструментом автоматизации рутины, а катализатором креативности, предоставляя новые средства исследования и коллаборации полученных результатов. Цель нашей работы – выявить и охарактеризовать эффективные механизмы развития творческого потенциала личности через применение информационных технологий в обучении.

Современная эпоха, определяемая стремительной цифровизацией всех сфер жизни, кардинально меняет собой процесс человеческой деятельности. На смену индустриальной парадигме, ценившей исполнительность и стандартизацию, приходит парадигма креативная, где ключевым ресурсом развития становится творческий потенциал личности. Однако сама природа творчества, его проявление и условия для его расцвета претерпевают трансформацию под влиянием информационных технологий [1]. Понимание этих изменений является основой для построения эффективных систем обучения и развития человека в XXI в.

Материалы и методы. В ходе исследования проводился аналитический обзор литературы для формирования теоретической базы. Использовался сравнительный анализ для противопоставления ключевых концепций (например, сравнение клипового и гипертекстового мышления). Для формирования целостной картины работы применялся концептуальный синтез теорий из разных дисциплин (педагогике, социологии, информатики). Наконец, был проведен критический анализ с целью выявления рисков и ограничений, а не только преимуществ влияния информационных технологий на творческие процессы обучающихся.

Результаты исследования. Творческий потенциал традиционно рассматривался через призму когнитивных процессов, главными из которых являются дивергентное мышление (способность генерировать множество разнообразных идей в ответ на проблему) и воображение (способность создавать ментальные образы, выходящие за рамки непосредственного опыта).

Однако современная педагогика смещает акцент на личностные характеристики, без которых когнитивные способности не могут быть реализованы в полной мере. В цифровую эпоху, переполненную информационным шумом и требующую постоянной адаптации, на первый план выходят открытость новому опыту, готовность к риску и толерантность к неопределенности.

Открытость новому опыту позволяет личности интересоваться новыми технологиями, незнакомыми кодами и нестандартными идеями. В контексте обучения это означает готовность осваивать новый софт, экспериментировать с цифровыми инструментами и воспринимать неудачу как ценный опыт. Цифровая среда поощряет эксперимент: выложить свой цифровой арт, запустить стартап, создать канал, – всё это связано с риском критики и неудачи. Творческая личность должна обладать достаточной психологической устойчивостью, чтобы этот риск принимать. В быстро меняющемся мире творческий процесс зачастую хаотичен и нелинеен, а цифровые технологии лишь усиливают эту хаотичность. Способность действовать в условиях отсутствия четких инструкций и алгоритмов становится критически важной [2].

Таким образом, творческий потенциал в цифровую эпоху – это сплав «жестких» когнитивных навыков (мышление, воображение) и «гибких» личностных качеств (открытость, готовность к риску), которые взаимно усиливают друг друга.

Исторически творчество ассоциировалось со сферой искусства – живописью, музыкой, литературой. XX век значительно расширил эти границы, признав творческий характер научного открытия и инженерного изобретения. В цифровую эпоху творчество проявляется в написании кода (создании эффективного алгоритма), в дизайне пользовательских интерфейсов (проектирование интуитивного взаимодействия человека с цифровым продуктом), в создании образовательных курсов (использование цифровых инструментов для подачи и объяснения сложного материала).

Р. Флорида в своей работе [3] довел эту идею до логического завершения. Он показал, что двигателем экономического роста современных городов и стран являются не промышленные гиганты, а сообщества учёных, инженеров, дизайнеров, предпринимателей, представителей медиа и искусства – всех, чья работа заключается в создании новых значимых форм. В своей работе [4] мы также говорили о том, что цифровые технологии являются и средой обитания, и основным инструментом современного человека. Творчество перестало быть делом избранных и стало массовой профессиональной компетенцией.

Цифровая среда активно формирует новые когнитивные паттерны, что оказывает двойственное влияние на творческий потенциал. С одной стороны, существует обоснованная тревога относительно формирования «клипового мышления». Этот термин, популяризированный философом Ф.И. Гиренком [5], описывает мышление, характеризующееся фрагментарностью, быстрым переключением внимания между короткими порциями информации (мемы, сторис, короткие видео). Опасность заключается в том, что клиповое мышление может подрывать способность к длительной концентрации, глубокому анализу и рефлексии.

С другой стороны, та же самая цифровая среда культивирует и более продуктивную для творчества форму – нелинейное, или гипертекстовое, мышление. Интернет по своей структуре является гигантским гипертекстом, где информация связана множеством ассоциативных связей. Навигация по нему требует и одновременно развивает способность сканировать большие объемы данных, быстро находить нужную информацию, устанавливать связи между разрозненными концепциями, собирать целостную картину из множества фактов.

Этот тип мышления крайне близок к дивергентному и ассоциативному мышлению. Пользователь, свободно перемещающийся по статьям, научным базам данных и видео в поисках решения проблемы, фактически тренирует те самые нейронные сети, которые отвечают за генерацию новых идей. Задача современного образования – не бороться с клиповым мышлением, а научить человека осознанно переключаться между ним и нелинейным мышлением в зависимости от задачи.

В прошлом быть грамотным означало уметь читать и писать. Сегодня этого недостаточно. Творческая самореализация в цифровом обществе требует овладения новой триадой грамотности: цифровой, медийной и визуальной. Цифровая грамотность – это базовая способность использовать цифровые устройства и платформы. Но на продвинутом уровне – это навык создания, а не только потребления контента [6]. Это умение работать с данными, понимать основы алгоритмов, создавать простые скрипты для автоматизации рутины.

Медийная грамотность – это критическое понимание природы медиа, способность анализировать сообщения, оценивать достоверность источников; это понимание аудитории, каналов распространения и этических последствий создаваемого контента [7]. Визуальная грамотность – в цифровую эпоху это умение считывать и создавать визуальные образы [8]. Это не только навык работы в графических редакторах, но и понимание композиции, цвета, типографики, монтажа.

В этом контексте творчество окончательно сливается с коммуникацией. Цифровой арт-проект, интерактивная инфографика, смонтированный видео-блог, продуманный пост в социальной сети – всё это является одновременно и актом творческого самовыражения, и актом коммуникации с аудиторией.

Несмотря на безграничный потенциал информационных технологий для раскрытия креативности, их внедрение в образовательный контекст сопряжено с рядом вызовов и рисков. Первый и наиболее фундаментальный вызов – цифровое неравенство: разрыв в доступе к технологиям и разрыв в цифровых навыках для их эффективного использования [9]. Пока одни студенты создают 3D-модели в VR-шлемах и обучают нейросети, другие лишены стабильного доступа в Интернет или современного компьютера. Это неравенство воспроизводит и усиливает существующие социальные диспропорции. Творческий потенциал, который призваны раскрывать технологии, оказывается привилегией для избранных, а не универсальным правом. Исследования [10] также показывают, что даже при обеспечении базового доступа к техническим средствам, ключевым становится вопрос совокупности именно навыков и компетенций. Учащийся, которому родители помогают освоить сложный программный продукт, изначально находится в привилегированном положении по сравнению с тем, кто осваивает технологии самостоятельно.

Второй риск – риск превращения творчества в манипуляцию готовыми цифровыми шаблонами. Современные платформы и программное обеспечение (такие как, например, Canva, конструкторы сайтов, библиотеки готовых 3D-моделей) часто построены на логике шаблонов и дают быстрый и приемлемый результат. Однако специалисты [11] предупреждают, что постоянное использование шаблонов ведет к снижению познавательной деятельности. Вместо того чтобы решать творческую задачу, обучающийся решает задачу по подбору наиболее подходящего шаблона. Это формирует иллюзию творчества, в то время как на деле происходит его симуляция. Процесс глубокого поиска, проб и ошибок, подменяется поверхностным выбором готового решения. В результате формируется поколение «цифровых ремесленников», виртуозно владеющих инструментом, но не способных к созданию принципиально новых форм.

С появлением генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, Midjourney, DALL-E) риски достигли новой качественной ступени. Возникает фундаментальное противоречие между потенциалом ИИ как партнера человека и угрозой потери авторства. Генеративные модели, обученные на обезличенных массивах данных, по своей природе склонны к усреднению и продуцированию стереотипных решений [12]. Обучающийся, использующий ИИ для написания эссе или создания визуального концепта, получает банальный, лишенный оригинальности продукт.

Главная опасность – не плагиат в классическом понимании, а девальвация авторского замысла и уникального личного опыта. Задача педагога в этой новой реальности – сместить фокус с запрета ИИ на обучение критическому диалогу с ним, где решение остается за человеком.

Наконец, существует риск когнитивной перегрузки, вызванной самим богатством выбора. Многофункциональность профессиональных программных продуктов (например, Adobe After Effects или Blender), постоянный поток обновлений и появление новых инструментов требуют колоссальных ресурсов внимания и памяти. Обучающийся может оказаться в ситуации, когда все его когнитивные силы уходят на освоение интерфейса, палитр и функций, не оставляя энергии и времени для решения поставленной задачи. Содержательная задача отходит на второй план, уступая место техническому перфекционизму и «увлечению инструментом ради инструмента».

Обсуждение и заключение. Таким образом, творческий потенциал личности в цифровую эпоху предстает как многогранный и динамический конструкт. Он эволюционировал от узко понимаемого дара к универсальной компетенции, необходимой для успеха в науке, инженерии и бизнесе. Развитие творческого потенциала сегодня – это не факультативная задача, а центральный вектор адаптации и реализации человека в стремительно меняющемся мире.

Цифровая среда создаёт для этого потенциала как вызовы в виде клипового мышления и инфоперегрузки, цифрового неравенства и кризиса авторства перед лицом ИИ, так и беспрецедентные возможности, тренируя нелинейное мышление и предоставляя мощные инструменты для самовыражения. Преодоление указанных рисков лежит не в отказе от технологий, а в их гуманитарном осмыслении и выстраивании такой образовательной системы, где технология служит человеку, а не человек – технологии. Ключевая роль здесь отводится педагогу, который должен выступать не только как транслятор технических навыков, но и как наставник, помогающий обучающемуся сохранить свою уникальность, критическое мышление и способность к глубокому осмыслению информации.

Список литературы / References

1. Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И. *Информационные процессы в развитии творческого мышления. Развитие творческого потенциала студентов в компетентностной парадигме высшего образования с использованием информационных технологий.* В: Труды международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодежи. Самара: СГАСУ; 2011. С. 80–84.

Ivushkina E.B., Morozova N.I. *Developing Students' Creative Potential in the Competency-Based Paradigm of Higher Education Using Information Technologies.* In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference with Elements of a Scientific School for Youth. Samara: SSUAE; 2011. pp. 80–84. (In Russ.)

2. Kaufman J.C., Sternberg R.J. (Eds.). *The Cambridge handbook of creativity.* New York: Cambridge University Press; 2023.

3. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее.* Пер. с англ. Москва: Классика–XXI; 2007. 421 с.

Florida R. *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Translated from the English. Moscow: Klassika–XXI; 2007. 421 p. (In Russ.)

4. Алиева Н.З., Морозова Н.И., Васенев С.Л., Грибова О.В. Проблематика изменения положения человеческого капитала в цифровой экономике. В: *Управление бизнес-процессами в условиях формирования цифровой экономики*. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь: АГРУС; 2019. С. 75–80.

Aliyeva N.Z., Morozova N.I., Vaseyev S.L., & Gribova O.V. Issues Surrounding the Changing Role of Human Capital in the Digital Economy. In: *Business Process Management in the Context of the Emerging Digital Economy*. A collection of scientific articles based on the proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Stavropol: AGRUS; 2019. pp. 75–80. (In Russ.)

5. Гиренок Ф.И. *Клиповое сознание*. Москва: Проспект; 2024. 256 с.

Girenok F.I. *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt; 2024. 256 p. (In Russ.)

6. Eshet-Alkalai Y. Digital literacy: A conceptual framework for survival skills in the digital era. *Journal of Educational Multimedia and Hypermedia*. 2004;13(1):93–106.

Potter W.J. *Media literacy (9th ed.)*. Londyn: SAGE Publications; 2020. 576 p.

8. Avgerinou M.D., Pettersson, R. Toward a cohesive theory of visual literacy. *Journal of Visual Literacy*. 2011;30(2):1–19. <https://doi.org/10.1080/23796529.2011.11674687>

9. Cosma M.L. The Digital Divide. Editura Polity Press, Cambridge, Regatul Unit, 2020. Jan van Dijk. *Sociologie Romaneasca*. 18. P. 244–248. <https://doi.org/10.33788/sr.18.2.25>

10. Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. Londyn and New York; 2017. URL: https://www.academia.edu/28983671/The_Third_Digital_Divide_A_Weberian_approach_to_digital_inequalities (дата обращения: 10.02.2026).

11. Runco M. *Creativity: Theories and Themes: Research, Development, and Practice*. Edition: 2ndPublisher. Academic Press; 2014. <https://doi.org/10.1016/C2012-0-06920-7>

12. Baidoo-Anu D. & Ansah, L. Education in the Era of Generative Artificial Intelligence (AI): Understanding the Potential Benefits of ChatGPT in Promoting Teaching and Learning. *Journal of AI*. 2023;7. <https://doi.org/10.61969/jai.1337500>

Об авторах:

Ивушкина Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Информатика», ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты (346500, Российская Федерация, г. Шахты, ул. Шевченко, 147), [ORCID](#), [SPIN-код](#), ivushkina62@mail.ru

Морозова Нелли Игоревна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Информатика», ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты (346500, Российская Федерация, г. Шахты, ул. Шевченко, 147), [ORCID](#), [SPIN-код](#), morozova-nelli-86@yandex.ru

Кушнир Ирина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информатика», ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты (346500, Российская Федерация, г. Шахты, ул. Шевченко, 147), [ORCID](#), [SPIN-код](#), inf_kush@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ivushkina Elena Borisovna, PhD (Advanced Doctorate) (Philosophy), Professor, Head of the Department of Computer Science, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ivushkina62@mail.ru

Morozova Nelly Igorevna, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Computer Science, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), morozova-nelli-86@yandex.ru

Kushnir Irina Borisovna, Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Department of Computer Science, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of Don State Technical University (147, Shevchenko St., Shakhty, 346500, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), inf_kush@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 14.02.2026

Принята к публикации / Accepted 15.02.2026

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.42

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-29-33>

Глобальные цифровые знаки и семиотическая культура молодежи Черноморского региона в условиях глокализации

Ю.А. Петрова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ julia-pp@yandex.ru

Аннотация

Введение. Данное исследование посвящено особенностям функционирования глобальных цифровых знаков в культуре молодежи Черноморского региона (Краснодарский край и Республика Крым) в условиях глокализации. Взаимодействие глобальных и локальных культурных форм через призму глокализации и высокая активность молодежи в цифровой среде позволили выявить особенности функционирования глобальных цифровых знаков в семиотической культуре молодежи Краснодарского края и Республики Крым. Молодежь Черноморского региона активно адаптирует глобальные цифровые знаки под локальные культурные контексты, формируя уникальные семиотические паттерны, отражающие процессы локализации в цифровой среде.

Материалы и методы. Использован семиотический подход и эмпирические данные о цифровой активности молодежи (статистика Росстата, данные Центра «Левада», региональные исследования). Методология сочетает анализ цифровой среды, процессы глокализации и выявление способов адаптации глобальных знаков к локальным культурным контекстам.

Результаты исследования. Результаты исследования показывают, что цифровая среда в Черноморском регионе функционирует не просто как набор технологий, а как пространство формирования и трансформации знаковых систем, отражающих социальные и культурные изменения. Анализ цифровой активности молодежи Краснодарского края и Крыма выявил различия в медиапредпочтениях и паттернах коммуникации, что формирует уникальные локальные коды и символические практики. Применение глокализации и семиотического подхода позволяет связать глобальные процессы с локальными культурными практиками, раскрывая взаимосвязь между цифровыми технологиями, молодежной культурой и глобальной семиотической динамикой.

Обсуждение и заключение. Исследование показывает, что цифровая среда молодежи Черноморского региона формирует уникальные локальные интерпретации глобальных знаков, влияя на ценностные ориентиры, поведенческие модели и региональную идентичность. Результаты работы открывают перспективы для дальнейшего изучения процессов глокализации и трансформации культурных практик молодежи в условиях цифровой коммуникации.

Ключевые слова: глобальные цифровые знаки, семиотическая культура, молодежь Черноморского региона, глокализация, цифровая среда, локальная идентичность

Для цитирования. Петрова Ю.А. Глобальные цифровые знаки и семиотическая культура молодежи Черноморского региона в условиях глокализации. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):29–33. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-29-33>

Global Digital Signs and Semiotic Culture of Youth in Black Sea Region in Conditions of Glocalization

Yulia A. Petrova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ julia-pp@yandex.ru

Abstract

Introduction. This study is devoted to the peculiarities of global digital signs' functioning in the culture of young people in the Black Sea region (the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea) in conditions of glocalization. The interaction of global and local cultural forms through the prism of glocalization and the high activity of young people in the digital environment made it possible to identify features of global digital signs' functioning in the semiotic culture of young people in the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea. Young people in the Black Sea region are actively adapting global digital signs to local cultural contexts, forming unique semiotic patterns that reflect localization processes in the digital environment.

Materials and Methods. Semiotic approach and empirical data on the digital activity of young people were used (Rosstat statistics, data from Levada-center, regional research). The methodology combines analysis of the digital environment, glocalization processes and identification of ways to adapt global signs to local cultural contexts.

Results. The results of the study show that the digital environment in the Black Sea region functions not just as a set of technologies but as a space for the formation and transformation of sign systems that reflect social and cultural changes. The analysis of the digital activity of young people in the Krasnodar Territory and Crimea revealed differences in media preferences and communication patterns, which forms unique local codes and symbolic practices. The application of glocalization and semiotic approach allows linking global processes with local cultural practices, revealing the relationship between digital technologies, youth culture and global semiotic dynamics.

Discussion and Conclusion. The study shows that the digital environment of the youth of the Black Sea region forms unique local interpretations of global signs, influencing value guidelines, behavioral models and regional identity. The results of the work open up prospects for further study of the processes of glocalization and transformation of cultural practices of young people in the context of digital communication.

Keywords: global digital signs, semiotic culture, youth of the Black Sea region, glocalization, digital environment, local identity

For Citation. Petrova Yu.A. Global Digital Signs and Semiotic Culture of Youth in Black Sea Region in Conditions of Glocalization. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):29–33. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-29-33>

Введение. В условиях глобализации цифровая коммуникация формирует новые знаковые системы молодежной культуры. Особенно интересно проследить, как глобальные символы трансформируются в региональном контексте Черноморья. Семиотика – это не просто изучение материалов независимо от участия человека. Она имеет дело со значением, и всякий раз, когда значение вступает в игру, задействуется разум [1, с. 13]. Согласно этой точке зрения, идентичность всего что существует в мире понимается с человеческой точки зрения. Признаки формируются и воспринимаются в сознании, а мир состоит из вещей и понятий, которые люди видят, знают или понимают под ними.

С этой точки зрения мир представляет собой код, состоящий из знаков и правил. Знаки – это все «вещи» и «концепции», которые люди знают или используют. Правила объясняют функции, положение и значение знаков, а также определяют их отношения с другими знаками. Данная часть исследования направлена на выявление изменений, связанных с глобализацией, исходя из формулировки «мир – это код». При этом не рассматриваются причины и инструменты глобализации, такие как рост международной торговли или технологические инновации, а именно конечные результаты этих процессов.

В общенаучном понимании семиотика включает «языковые единицы ценностно-смысловых категорий культуры», т. е. систему значимых знаков молодежной субкультуры [2, с. 160]. Рассмотрение проводится на примере языка цифровой культуры. Черты, навыки и поведение молодежи определяются исходя из когнитивных процессов и знаково-символических систем. Система знаков стала инструментом, позволяющим молодежи функционировать как в онлайн, так и в офлайн среде.

Актуальность исследования определяется тем, что Черноморский регион характеризуется высокой цифровой вовлеченностью молодежи, интенсивной миграцией и трансформацией локальных культурных практик под влиянием глобальных цифровых знаков. Цель исследования – выявить особенности функционирования глобальных цифровых знаков в семиотической культуре молодежи Краснодарского края и Республики Крым в условиях глокализации. В качестве объекта исследования рассматривается молодежь Черноморского региона Российской Федерации. Предметом исследования являются системы знаков и коммуникативные практики цифровой среды, формирующие семиотическую культуру молодёжи. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении

цифрового общения молодежи региона через призму глобальной семиотики и анализе взаимосвязи между глобальными информационными процессами и местной культурной средой.

Материалы и методы. Исследование молодежной культуры позволяет рассматривать цифровую среду не просто как набор технологий, но как пространство, в котором формируются и трансформируются знаковые системы. Молодежь активно взаимодействует с интернет-мемами, форматами обмена сообщениями, видео и личным общением, создавая и интерпретируя общие тексты коммуникативной практики, что отражает как повседневные обмены, так и культурные паттерны цифрового взаимодействия.

Применение семиотики требует обращения к когнитивным и социальным аспектам, поскольку знаки существуют не только в материальной форме, но и как конструкции в сознании участников коммуникации. В исследовании это проявляется через анализ того, как молодые люди воспринимают, используют и трансформируют цифровые символы в своей повседневной практике, а также через выявление закономерностей в их когнитивных и поведенческих моделях.

Анализ включает изучение частоты интернет-использования, активности в социальных сетях и мессенджерах, а также вовлеченность молодежи в мультимедийные и интерактивные форматы. Детерминированный аспект исследования учитывает условия, созданные технологическими средами, и их влияние на коммуникативное поведение молодежи. Анализ проводится в контексте локальных культурных особенностей Краснодарского края и Республики Крым, что позволяет выявить уникальные паттерны использования цифровых символов и практик смыслообразования.

Таким образом, методология исследования сочетает семиотический анализ с опорой на эмпирические российские данные и изучение цифровой среды. Данные о демографической структуре региона предоставлены Федеральной службой государственной статистики [3], а исследования цифровой активности и медиапредпочтений основываются на региональных эмпирических исследованиях [4, 5]. Что создает комплексное понимание того, как глобальные знаки адаптируются к локальным условиям и как молодежь использует цифровые технологии для выражения своей индивидуальной и региональной идентичности.

Результаты исследования. Данная работа направлена на изучение глобализации в исследовании молодежной культуры, что позволяет рассматривать цифровую среду не просто как набор технологий, но как пространство, в котором формируются и трансформируются знаковые системы, что позволяет лучше изучать социальные и культурные трансформации в Черноморском регионе.

На рисунке представлена цифровая активность и медиапредпочтения молодежи Краснодарского края и Республики Крым по данным Росстата [3] и Центра «Левада» [6].

Рис. 1. Цифровая активность и медиапредпочтения молодежи Краснодарского края и Республики Крым

Данный рисунок создан автором при использовании ИИ. Изображение отражает интернет-культуру как интегрированную часть современной культуры, где интерфейсы, алгоритмы и платформы становятся носителями разнообразия, инклюзивности и общедоступности в контексте локальных культурных особенностей регионов Причерноморья. Анализ данных показал, что молодежь Краснодара преимущественно использует социальные сети для обмена мультимедийным контентом, тогда как молодежь Крыма демонстрирует более активное вовлечение в онлайн-сообщества и игровые платформы, формируя уникальные паттерны цифровой коммуникации.

Семиотический анализ показывает, что молодежь Краснодара и Крыма активно интерпретирует и интегрирует глобальные цифровые знаки в повседневную коммуникацию, формируя собственные локальные коды и символические паттерны. Процессы локализованной глобализации в исследовании определены как состоящие «из

глобализации с точки зрения формы и локализации с точки зрения содержания» [7]. Наше исследование не ставит своей целью обобщение основных глобальных процессов. Глобализация с точки зрения формы существенно проще, чем глокализация с точки зрения содержания. Чтобы объект или концепция были глокализированы с точки зрения формы, необходимо, чтобы они стали видимыми для людей всего мира. Тогда люди могут захотеть импортировать, производить или использовать их. Видение других частей мира и импорт вещей и концепций – вот две характеристики нашего глобального мира сегодня. Изменения, вызванные глобализацией, отражаются на когнитивном и поведенческом уровнях, влияя на восприятие и использование знаков, которые регулируются правилами в социальной и культурной практике [8, 9].

Таким образом, глокализация и семиотический подход позволяет объединить анализ цифровых технологий и социальных практик, раскрывая взаимосвязь между знаковыми системами, культурой молодежи и глобальными процессами через призму цифрового мира.

Обсуждение и заключение. Природа мира с точки зрения семиотики очень отличается от природы мира физики или химии. Когда мир определяется как последовательность знаков, следует принимать во внимание как объекты, так и концепции. Знаки, которые формируют мир, являются одновременно наблюдаемыми символами и/или знаками, и символами и/или знаками, сформированными в уме. Изменения в мире, определенные с точки зрения интеллектуальной аудитории, могут быть как когнитивными, так и/или поведенческими. Другими словами, существующие объекты и концепции в обществе, которые можно изучать с двух точек зрения.

Когнитивный уровень связан с тем, что люди думают, знают или понимают. Исходя из сказанного, мир можно рассматривать как сложную комбинацию восприятий и поведений в отношении различных объектов и концепций. Поэтому любые изменения, происходящие в мире (в том числе изменения, вызванные глобализацией), обязательно будут связаны с изменениями в этих факторах. Интернет-культура описывается как внутренняя часть культуры, связанная с технологиями поисковых машин или как интерфейсная часть с характерными для нее разнообразием [10].

С целью анализа проблемы, которая определена случайной аудиторией, сформировавшейся на добровольной основе посредством Интернета, предоставившего как данные для исследования, так и ставшего инструментом для количественного анализа по проведенному социальному опросу. Детерминированный подход к исследованию молодежной культуры в цифровой среде дал возможность опустить условия как созданные технологиями, так и те, через которые они работают.

Согласно этой точке зрения, изменения в любой части мира могут быть вызваны следующими изменениями правил, связанных с этими знаками. То как мы используем вещи, то как мы думаем о различных концепциях, и то как вещи и концепции понимаются или воспринимаются в связи с другими знаками постоянно меняется. Каждый человек на планете делится культурными продуктами с узнаваемыми повсюду символами. Скорость и интенсивность глобальной сети, взаимосвязи и интеграции за последние двадцать лет вызвали серьезные дебаты о культурных и социальных последствиях. Нынешняя тенденция глобализации идет гораздо дальше, чем просто отношения между национальными экономиками и глобальными рынками. В самом деле глобализация производства, в основном за счет торговли между фирмами, широко распространена и глубоко укоренилась. Кроме того, этот процесс на его нынешнем этапе является как культурным, так и семиотическим, что имеет важные социальные аспекты для дальнейшего изучения данного вопроса.

Теоретический подход соединяет анализ знаков с изучением социальных и культурных практик молодежи. Это позволяет показать, как цифровые технологии формируют шаблоны коммуникации, влияют на ценностные ориентации и модели поведения, а также способствуют развитию региональной идентичности. Интернет-культура рассматривается как интегрированная часть современной культуры, где интерфейсы, алгоритмы и платформы становятся носителями разнообразия, инклюзивности и общедоступности.

Статья включает эмпирические данные и анализ литературы по теме исследования молодежных практик, глобализации, глокализации, цифровой вовлеченности и медиапредпочтений молодых людей. Данное исследование направлено на изучение семиотического значения глобализации в условиях глобализации, где цифровая коммуникация формирует новые знаковые системы молодежной интернет-культуры. Особый интерес вызывают глобальные символы, которые трансформируются в региональном контексте Черноморья, в частности, в Краснодарском крае и Республике Крым.

Модели цифровой коммуникации и медиапредпочтений отражают именно те особенности функционирования глобальных знаков, которые и были целью исследования, открывая возможности для дальнейшего изучения глокализации, трансформации ценностей и способов интерпретации глобальных цифровых знаков в локальном контексте на примере регионов Черноморья.

Список литературы / References

1. Lucy N. *Beyond Semiotics: Text, Culture and Technology*. London: Continuum; 2001. 167 p.
2. Петрова Ю.А. Особенности лингвокультурологического подхода к исследованию ценностей молодежной субкультуры. *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2012;3:159–165.
Petrova Yu.A. Features of the linguistic and cultural approach to the study of the values of the youth subculture. *Economic and humanitarian studies of the regions*. 2012;3:159–165. (In Russ.)

3. Молодёжь Краснодарского края на 1 января 2025 года. *Rosstat*. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20молодежи%2816%29.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
Youth of the Krasnodar Territory, data on the 1st of January, 2025. *Rosstat*. (In Russ.) URL: <https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20молодежи%2816%29.pdf> (accessed: 10.03.2026).
4. Миронцева С.А., Бориско О.А., Башмаков И.С. Интернет технологии формирования региональной идентичности молодежи в Краснодарском крае. *Общество: политика, экономика, право*. 2024;1:29–37.
Mirontseva S.A., Olga A. Borisko O.A., Bashmakov I.S. Internet Technologies of Regional Youth Identity Formation in the Krasnodar Krai. *Society: politics, economics, law*. 2024;1:29–37. (In Russ.)
5. Чигрин В.А., Зоткин А.А., Городецкая Е.Г., Узунов В.В. Динамика и структура предпочтений молодежи в информационном пространстве Республики Крым. *Вестник Института социологии*. 2022;13(2):184–199. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.801>
Chigrin V.A., Zotkin A.A., Gorodetskaya E.G., Uzunov V.V. Dynamics and structure of youth preferences in the information space of the Republic of Crimea. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022;13(2):184–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.801>
6. Пользование интернетом, социальными сетями, мессенджерами и другими онлайн-сервисами. *Центр «Левада»*. Март, 2025. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/24/polzovanie-internetom-sotsialnymi-setyami-messendzherami-iskusstvennym-intellektom-i-drugimi-onlajn-servisami-mart-2025/> (дата обращения: 14.03.2026).
Use of the internet, social networks, messengers, and other online services: March 2025. *Levada-center*. 2025. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/24/polzovanie-internetom-sotsialnymi-setyami-messendzherami-iskusstvennym-intellektom-i-drugimi-onlajn-servisami-mart-2025/> (accessed: 14.03.2026).
7. Beyer P. *Religion and Globalization*. London: SAGE Publications Ltd; 1994. 250 p.
8. Burgin V. *Photographic Practice and Art Theory*. London: Macmillan; 1982. P. 39–83.
9. Волошинов В.К. Марксизм и философия языка. Москва: Лабиринт; 1993. 196 с.
Voloshinov V.N. *Marxism and the philosophy of language*. Moscow: Labirint; 1993. 196 p. (In Russ.)
10. Hermeking M. Culture and Internet Consumption: Contributions from Cross Cultural Marketing and Advertising Research. *Journal of Computer Mediated Communication*. 2006;11(1):375–392. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.tb00315.x>

Об авторе:

Петрова Юлия Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Иностранные языки для экономических специальностей», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [ORCID](#), [SPIN-код](#), julia-pp@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Petrova Yulia Andreevna, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, “Foreign Languages for Economic Specialties”, Rostov State Economic University, (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), julia-pp@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 13.05.2026

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.923:378

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-34-41>

Структура профессионально-личностной подготовки педагогов к формированию диалогизации образовательного процесса

А.А. Кузубов

Институт сквозных технологий, Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ alexceyk@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальной задачей современного высшего педагогического образования является обеспечение диалогизации образовательного процесса будущих специалистов, необходимости подготовки педагогов, которые могли бы внедрять на практике образовательный диалог. Акцентируется внимание не только на важности усвоения будущими педагогами теоретических знаний, овладении навыками во время профессионального обучения, но и на становлении необходимых личностных качеств, которые бы способствовали созданию атмосферы доверия, взаимопонимания и сотворчества в образовательной среде. Целью статьи является определение и обоснование компонентов и критериев личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса.

Материалы и методы. Основными методами исследования, использование которых предполагает разработку структуры личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса, являются теоретический анализ, синтез, обобщение, сравнение, систематизация, контент-анализ.

Результаты исследования. Очерчено понятие личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса, которое определено как сложное динамическое образование. Разработана структура личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса. Особое внимание обращено на такие качества и личностные черты, как профессиональная направленность, эмоциональный интеллект, эмпатия, конгруэнтность, безусловное принятие, рефлексивность и потребность в саморазвитии. Комплексность структуры личностной готовности будущих педагогов до диалогизации образовательного процесса обеспечивается охватом всех этапов профессиональной деятельности: ориентировочного, исполнительного и контрольного.

Обсуждение и заключение. Разработанная структура может быть использована в качестве основы эмпирического исследования, результаты теоретического анализа будут полезны для разработки программ подготовки будущих педагогов, направленных на становление необходимых личностных качеств для эффективной реализации диалогического подхода в образовательном процессе.

Ключевые слова: диалогизация, образовательный процесс, концепция образования, эмоциональный интеллект, эмпатия, рефлексивность

Для цитирования. Кузубов А.А. Структура профессионально-личностной подготовки педагогов к формированию диалогизации образовательного процесса. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):34–41. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-34-41>

Structure of Teachers' Professional and Personal Training for the Formation of the Educational Process's Dialogization

Alexey A. Kuzubov

Don State Technical University, Institute of End-to-End Technologies, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ alexceyk@gmail.com

Abstract

Introduction. The urgent task of modern higher pedagogical education is to ensure the educational process's dialogization of future specialists, the need to prepare teachers who could introduce an educational dialogue in practice. Attention is focused not only on the importance of the assimilation of theoretical knowledge by future teachers, mastering skills during vocational training but also on the formation of the necessary personality traits that would contribute to the creation of an atmosphere of trust, mutual understanding and co-creation in the educational environment. The purpose of the article is to determine and substantiate the components and criteria of the personal readiness of future teachers to dialogize the educational process.

Materials and Methods. The main research methods, the use of which involves the development of a structure of personal readiness of future teachers to dialogize the educational process, are theoretical analysis, synthesis, generalization, comparison, systematization, content analysis.

Results. The concept of personal readiness of future teachers to dialogize the educational process, which is defined as a complex dynamic education, is outlined. The structure of the personal readiness of future teachers to dialogize the educational process is developed. Particular attention is paid to such personality traits as professional orientation, emotional intelligence, empathy, congruence, unconditional acceptance, reflexivity and the need for self-development. The complexity of the structure of personal readiness of future teachers before the dialogization of the educational process is ensured by covering all stages of professional activity: indicative, executive and control.

Discussion and Conclusion. The developed structure can be used as the basis of empirical research. The results of theoretical analysis will be useful for the development of training programs for future teachers aimed at establishing the necessary personality traits for the effective implementation of the dialogical approach in the educational process.

Keywords: dialogization, educational process, concept of education, emotional intelligence, empathy, reflexivity

For Citation. Kuzubov A.A. Structure of Teachers' Professional and Personal Training for the Formation of the Educational Process's Dialogization. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):34-41. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-34-41>

Введение. Современные тенденции в образовании все больше тяготеют к гуманистическим ценностям, к гуманитарной сущности школы. Достичь этой цели можно благодаря диалога-своеобразному инструменту, способствующему глубокому усвоению знаний и развитию личности. При этом для успешной диалогизации образования необходимы педагогические кадры, которые обладают не только теоретическими знаниями, но и соответствующими личностными качествами, что является основой готовности к профессиональной деятельности. Несмотря на значительный интерес исследователей к профессиональной подготовке учителей, вопрос личностной готовности остается недостаточно изученным, а в контексте внедрения образовательного диалога эта проблема вообще до сих пор не рассматривалась. Важно не только определить понятие готовности, но и операционализировать его, чтобы очистить от излишней абстрактности и эфемерности.

Материалы и методы. Теоретическим базисом исследования является компетентно-ориентированное обучение, концепции образовательного диалога, использованные как методологическая основа научного исследования, определяемые целью обучения в образовательной среде. Основными методами исследования являются теоретический анализ, синтез, обобщение, сравнение, систематизация, контент-анализ.

Результаты исследования. Диалогизация образования – это процесс переосмысления образовательной парадигмы, направленный на гуманизацию обучения, где взаимодействие между участниками (Учитель-Ученик, Ученик-Ученик) строится на принципах равенства, взаимоуважения, рефлексии и личностного развития.

Данное понятие активно разрабатывается в контексте гуманистической педагогики и психологии. Значительный вклад в исследование диалогизации образовательного процесса внесла А.Ю. Чистобаева [1]. Также вопросы диалогизации учебно-воспитательного процесса исследуют: А.А. Сомкин (формы диалогических умений), Л.С. Зникина, Д.В. Седых (диалог как лингводидактическая категория) [2; 3]. Поэтому данный вопрос издавна интересовал ученых, но не теряет своей актуальности и сейчас. Исследование личностной готовности будущих педагогов к внедрению образовательного диалога является продолжением сферы научного интереса и одновременно новым и малоисследованным аспектом.

Истоки образовательного диалога достигают древних времен, одним из первых таких примеров можно назвать маевтические беседы Сократа. Мыслитель сравнивал достижения человеком мудрости, истинного знания

со вторым рождением, но теперь не биологическим, а духовным, мировоззренческим, интеллектуальным и нравственным по своей сути. Задача наставника в этом процессе создать благоприятные условия подобно тому, как это делает повитуха. По мнению Сократа, истину нельзя передать, она должна родиться внутри человека через диалог, в котором нет конкретных ответов, но есть равноправные умы со своими вопросами. Как известно, философ не оставил после себя ни одного письменного произведения и считал любой текст ограниченным и даже вредным, ибо он неизменен и все ответы одни и те же.

В современном мире господство интернета и постоянного совершенствования электроники трудно представить мажорные беседы в их оригинальном виде, но сама концепция диалогического подхода Сократа актуальна как никогда.

Продолжая рассмотрение диалога (в широком его понимании) как онтологической характеристики отдельной личности, целесообразно вспомнить взгляды представителей гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, У. Франкл и др.). По их мнению, основной целью диалогического взаимодействия является достижение личностью уровня самоактуализации и аутентичного существования путем увеличения границ самоосознания личности. Логическим следствием этого есть хорошее психологическое самочувствие. С. Кауфман отмечает, что это не обязательно приятно переживания, но те, что связаны с появлением в жизни нового смысла, вовлеченности и роста – основных понятий гуманистической психологии [4].

Если образовательный диалог находится в модусе бытия, в соответствии с концепцией Э. Фромма, то традиционное образование – пример модуса владения. Психолог сравнивает образцовых отличников с хорошо информированными гидами в музее, которые могут воспроизводить большое количество запоминаемой информации, однако им не известно то, что выходит за пределы такого знания-собственности. Они не учатся задавать вопросы, понимать внутренние противоречия, различать истинные мысли автора от приписанных ему и многого еще [5].

Продолжается эта мысль и в работах М. Чиксентмихай. Создатель концепции потока отмечает, что многие люди перестают учиться, как только заканчивают школу, потому что тринадцать или даже двадцать лет принуждения к знаниям несут для них слишком много негативных эмоций. Их вниманием слишком долго руководили учителя и учебники, поэтому окончание образования они воспринимают как освобождение [6, с. 147].

Таким образом, в отличие от традиционной модели обучения, где знания передаются преподавателем в одностороннем порядке, образовательный диалог представляет собой значительно более сложный процесс.

Как отмечает Н. Павелко, для эффективного диалога недостаточно только формального акта коммуникации, потому что он «базируется на манипуляции сознанием другого человека, безлично – адресован всем, и практически сводит обучение к научению». Ученый рассматривает образовательный диалог как такой интенциональный акт общения, который «обращен к каждому индивидуально, обеспечивает возможность студенту самостоятельно и свободно строить свою систему ценностей в процессе переживания ценностных позиций, эмоционального и рефлексивного отношения к ценностям другого и своих собственных, что превращает ценностное отношение в целостно-духовное, а не в одностороннее – эмоциональное или рациональное» [7, с. 5].

Готовность к любому виду деятельности – залог успешной ее реализации и безболезненного процесса деятельности. Не является исключением и образовательный диалог, в частности, личностный компонент готовности специалиста.

Мы рассматриваем личностную готовность будущего педагога к диалогизации образовательного процесса как сложное динамическое образование личности будущего педагога, представленное внутренними установками на конгруэнтные, доброжелательные и смыслонасыщенные взаимоотношения в образовательной среде с целью становления целостной личности ученика [8].

Для анализа составляющих личностной готовности мы выделили 4 критерия, которые соответствуют 4-м обобщенным компонентам (рис. 1).

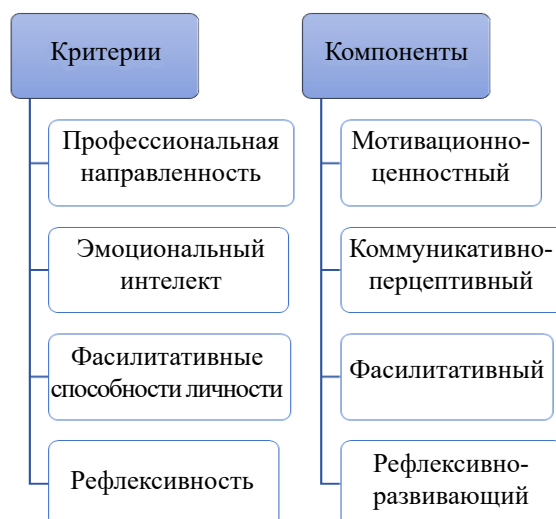

Рис. 1. Составляющие личностной готовности к диалогизации образовательного процесса

Среди критериев прежде всего важно рассмотреть профессиональную направленность. По мнению А. Кандаурова, в широком смысле профессиональная направленность – это система эмоциональных отношений, иерархическая структура мотивов, которые преобладают и побуждают личность к их воплощению в профессиональной деятельности. В узком смысле это профессионально важное свойство, занимающее центральное место в структуре личности специалиста и определяющее его индивидуально-типологическое своеобразие [9, с. 76]. В свою очередь С. Лушникова обращает внимание на профессиональную направленность как имеющийся у человека устойчивый интерес к определенному, отдельному виду деятельности и склонность заниматься ею [10].

Такие трактовки наталкивают на анализ ценностно-смысловых ориентаций личности. О. Березкина обращает внимание на то, что они проявляются, закрепляются и корректируются в профессиональной деятельности индивида. При этом процесс становления ценностно-смысловых ориентаций и профессиональная деятельность взаимно детерминированы [11].

Согласно этому утверждению, будущие педагоги уже во время учебы, в момент первого контакта со своей профессией, начинают вплетать в структуру собственной личности профессиональное «я» на основе устойчивого интереса к профессии, начинают свое профессиональное самосуществование.

Профессиональное самосуществование – одна из важнейших форм жизненного самосуществования. Для студентов актуальной является внутрипрофессиональная форма данного феномена (профессиональное самосовершенствование, направленное на повышение профессиональной компетентности и развитие профессиональных качеств).

На пути к диалогизации образования первыми ступеньками являются глубокая мотивированность в профессиональном обучении, заинтересованность в собственном личностном совершенствовании для способности в будущем воплощать на практике идеи гуманистического подхода к обучению. Поэтому первый проанализированный критерий соответствует мотивационно-ценностному компоненту. Далее, большее внимание обратим непосредственно на педагогическое общение, в основе которого субъект-субъектные отношения, опосредованные начальным предметом.

Специалисты в сфере социально-эмоционального обучения утверждают, что социально-эмоциональная компетентность и позитивное самочувствие учителей в значительной мере влияют на учебный контекст. Личностные качества учителей формируют характер их отношений с учениками. Группы с теплыми, доброжелательными взаимоотношениями между учителями и учениками способствуют глубокому усвоению знаний учащимися: дети, которые чувствуют себя комфортно со своими учителями и ровесниками, с большим рвением овладевают сложным материалом и настойчивее выполняют сложные учебные задачи. И наоборот, когда учителя плохо справляются с социальными и эмоциональными требованиями преподавания, учащиеся демонстрируют более низкую успеваемость и поведение при выполнении заданий [12].

Этот тезис, которым руководствуются в SEL, подтверждает важность личностного развития педагога, выработки у него внутренних черт, которые являются естественной частью личности, а не навязанными интросектами, которые изнутри будут разрушать как самого учителя, так и тех, кому он будет передавать эти «чужие» постулаты. Поэтому рассматривая следующие 2 критерия готовности к диалогизации образования, основное внимание обратим на концепцию учителя-фасилитатора.

Эмоциональный интеллект – основа коммуникативно-перцептивного компонента личностной готовности к диалогизации образовательного процесса (рис. 1). С. Шарафутдинова определяет это понятие как интегральное свойство личности, отражающее познавательную способность человека к пониманию эмоций и управлению ими путем когнитивной обработки эмоциональной информации и обеспечивает психологическое благополучие личности и успешность социального взаимодействия [13].

Тип социального взаимодействия в контексте нашего исследования-субъект-субъектное общение между учителем и учеником. Педагог может коммуницировать с учениками на тему учебного предмета, взаимодействовать с ними на личностном уровне, правильно интерпретировать их реакции, используя механизмы социальной перцепции, именно благодаря эмоциональному интеллекту.

Обращение к эмоциональному миру личности позволяет оживить образовательный процесс, добавить ему динамичности. В структуре эмоционального интеллекта особое внимание привлекает эмпатия, которая одновременно является одной из фасилитативных установок, выделенных К. Роджерс [14]. Способность проникнуть в эмоциональное состояние другого человека, коснуться его переживаний значительно улучшает качество общения, позволяет строить стабильные взаимоотношения. В образовании эмпатия особенно важна, поскольку эмоциями насыщены не только межличностные отношения, но и само знание, которое выстраивается в этих взаимоотношениях.

С. Кауфман уместно замечает, что несмотря на очевидную пользу эмпатии, она также может проявляться в нездоровой форме, когда настраивает на помощь только тем людям, с которыми у нас общие эмоциональные переживания. Чтобы этого не произошло, эмпатия должна сочетаться когнитивную и аффективную составляющие. Когнитивная эмпатия – это способность воспринимать чувства других, то есть ставить себя на чье-то место и «понимать чужое сознание». Аффективная же эмпатия – это способность разделять эмоциональные переживания людей и действительно чувствовать то, что и они [1, с. 53].

В отечественных исследованиях находим подобную и даже более широкую структуру эмпатии, рассмотренную непосредственно на примере педагога. Ученые выделяют когнитивные, поведенческие и эмоциональные

компоненты. Так, когнитивный компонент эмпатии педагога помогает анализировать поведение, мимику, жесты, интонации учащихся, чувствовать их состояние, настроение, прогнозировать дальнейшее развитие событий. Поведенческий компонент обеспечивает принятие позиции ученика, развивает способность к саморегулированию; помогает защищать личностное равноправие в установлении и поддержании контактов, способствует корректной оценке собственных действий на уровне взаимодействия; поддерживает активность, ответственность за собственные действия и принятие решений. Эмоциональный компонент эмпатии помогает учителю поддерживать эмоциональные контакты, способствует положительному эмоциональному отношению к чувствам учащихся, улучшает способность чувствовать их состояние, создает возможность сопереживания [15].

Эмпатичность крайне важное свойство личности педагога, однако недостаточное. Целесообразно отдельным критерием личностной готовности к диалогизации образовательного процесса выделить фасилитативные способности личности, обобщенные нами в фасилитативном компоненте.

Педагогическая фасилитация – специфический вид педагогической деятельности учителя, которая имеет целью помогать ребенку в осознании себя как самоценности, поддерживать его стремление к саморазвитию, самореализации, самосовершенствованию, способствовать его личностному росту, раскрытию способностей, познавательных возможностей, актуализировать ценностное отношение к людям, природе, национальной культуре на основе организации вспомогательного, гуманистического, диалогического, субъект-субъектного общения, атмосферы безусловного принятия, понимания и доверия [16]. Учитель должен стать проводником ребенка на его пути к познанию. Направлять, поддерживать, поощрять, содействовать и облегчать – все это включает понятие фасилитации.

Ученые, анализируя параллели между подходом К. Роджерса в терапии и образовании, конгруэнтность очерчивают как соответствие между внутренним осознанием терапевтом (учителем) собственных эмоций и их внешним выражением. В образовательном контексте конгруэнтный учитель – это человек, который показывает ученикам, кем он является на самом деле, тогда как ученики воспринимают своего педагога как настоящего, живого, а потому чувствуют к нему привязанность. Такое отношение способствует укреплению их отношений и заставляет учеников верить своему наставнику [17].

Прозрачность, реальность, правдивость или подлинность являются синонимами конгруэнтности. Существует два ее уровня: внутренний и внешний. К. Роджерс подчеркивает важность конгруэнтности между «Я» и опытом. В некоторых случаях переживания, которые не соответствуют «Я» и кажутся несовместимыми, отрицаются; им не разрешается становиться частью самосознания, что приводит к отсутствию синхронности, называемой внутренней неконгруэнтностью. Состояние внутренней неконгруэнтности – блок между «я» и опытом-ускоряет внешнюю ее форму. Внутренне неконгруэнтные люди привносят это свойство в отношения с другими людьми. Из-за этого большое количество опыта исключается из внутриличностного и межличностного общения. Таким образом, окружающие часто воспринимают таких людей как неаутентичных, фальшивых или скованных. Кроме того, следует подчеркнуть еще один важный вопрос: недостаточно быть внутренне конгруэнтным, это должно быть перенесено в межличностный контакт [18, с. 36].

Уверенность учителя в возможностях каждого ученика является фундаментом для безусловного принятия и позитивного отношения к нему – следующей установки фасилитатора, имеющего глубокие корни в гуманистической психологии и находит подтверждение в современных исследованиях.

Так, С. Кауфман рассматривает это понятие в контексте связей высокого качества, для которых присуща взаимная осознанность и социальное взаимодействие между участниками общения. Это возможно, в частности, благодаря безусловному положительному отношению, когда каждый участник отношений чувствует, что его замечают и ценят, что он может без опасений выражать свои переживания и мысли в полном диапазоне [1].

Развивая фасилитативные способности, важно помнить о необходимости не только совершенствовать свои коммуникативные навыки, но и работать над самопознанием. Как отмечает А. Ленгле, эффективный фасилитатор – это тот, кто не только понимает других, но и имеет глубокое понимание себя. Именно такие отношения с самим собой являются основой для построения прочных и доверительных взаимоотношений с окружением [19].

Поэтому последним, но не менее важным критерием личностной готовности к диалогизации образования, выделяем рефлексивность и потребность в саморазвитии, что соответствует рефлексивно – развивающему компоненту нашей концепции.

В анализе понятия «рефлексия» обратимся к толкованию А.Н. Панфилов, В.М. Панфилова ученые определяют его как продуктивную мыслительную деятельность индивида, направленную на собственное сознание, поведение, мысли, позицию, приобретенные знания, совершенные или задуманные действия и т.д. с целью осмысления, самопознания, самоанализа внутренних психических актов, состояний, качеств, процессов. Авторы также отмечают, что рефлексивный подход к преподаванию является важным фактором инновационной деятельности педагога, направленной на развитие готовности человека к динамическим социальным изменениям, способности воспринимать и реализовывать инновации, конструктивно взаимодействовать в социуме [20].

Г.В. Лобастов указывает, что рефлексивность включает в себя следующие аспекты: самоанализ (личность способна критически анализировать свои поступки, мысли, мотивации и взаимодействие с окружением); саморефлексия (способность личности сосредотачиваться на своих внутренних мыслях и чувствах); критическое мышление (рефлексивная личность способна распознавать подсознательные предубеждения и преодолевать их);

самосознание (рефлексивная личность понимает свои сильные и слабые стороны, свои ценности); способность к изменениям (рефлексивная личность готова адаптироваться к новым обстоятельствам, учиться на опыте и вносить изменения в свою жизнь на основе своего анализа) [21].

Заметим, что придерживаемся подхода по различению понятий «рефлексия – процесс» и «рефлексивность» – свойство личности (необходимое условие для целесообразного применения определенной рефлексивной стратегии в конкретной ситуации). Соглашаемся с мнением исследователей, что «рефлексивность как свойство, означает осмысление предпосылок, закономерностей и механизмов собственной деятельности, обращение к своему внутреннему миру, опыту, жизнедеятельности, постоянный анализ представлений о своем «Я» во взаимосвязи с усвоением позиции профессионала» [22].

Обосновывая рефлексивно-развивающий компонент личностной готовности к диалогизации образования, подчеркнем, что в подходах, рассмотренных ранее, обращается внимание на связь рефлексивности с готовностью к изменениям, адаптивностью к новым условиям и обстоятельствам. Это, безусловно, является условием саморазвития. Вместе с тем это тесно связано с концепцией положительного психологического капитала личности.

Психологический капитал объединяет четыре положительных психологических ресурса: Надежда, самоэффективность, резильентность, оптимизм (HERO: hope, efficacy, resilience, optimism). Действие психологического капитала в единстве всех четырех компонентов Ф. Лютенс демонстрирует в следующем примере. Оптимистично настроенные люди сочтут свои шансы на успех высокими. Будучи уверенными в себе (то есть, имея высокую эффективность), они сознательно будут выбирать сложные цели и иметь мотивацию для их достижения. Надежда будет способствовать созданию и использованию различных путей к этим целям, а устойчивость (резильентность) позволит восстанавливаться после неудач, когда пути будут заблокированы. Вместе эти ресурсы помогут поддерживать внутреннее чувство контроля и целеустремленности при достижении целей [23].

Люди с более высоким психологическим капиталом более открыты для обучения, воспринимают проблемы как возможность для роста и активно ищут возможности для саморазвития. Поскольку они также проявляют большую устойчивость, это побуждает их к непрерывному обучению, росту и личностной реализации.

Дополнительно с целью операционализации предмета исследования мы выделили показатели, в которых проявляется каждый из описанных критериев. Это позволило создать детальную структуру личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Структура личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса

Критерии	Компоненты	Показатели
Профессиональная направленность	Мотивационно-ценностный	– гуманистическая направленность, – потребность в самоактуализации, – направленность на педагогический процесс
Эмоциональный интеллект	Коммуникативно-перцептивный	– контактность, гибкость в общении, – способность понимать эмоции и уметь ими управлять, эмпатичность, – склонность к социальному взаимодействию, заинтересованность в других
Фасилитативные способности личности	Фасилитативный	– желание и способность оказать поддержку другому человеку, – сосредоточенность на бесполезной помощи
Рефлексивность	Рефлексивно-развивающий	– положительное самоотношение, – способность к самоанализу, – направленность на усовершенствование, – открытость новому опыту

Обсуждение и заключение. Диалогизация образовательного процесса – важная составляющая гуманитарной парадигмы образования, направленной на целостное развитие личности. Для реализации подхода на практике встает необходимость соответствующей подготовки будущих педагогов, в частности понимания личностных свойств и качеств их готовности.

Проведенное исследование позволило выделить в структуре личностной готовности будущих педагогов к диалогизации образовательного процесса четыре компонента. Мотивационно-ценностный компонент определяется профессиональной направленностью, предполагает то, что готовность к диалогу характеризуется устойчивым интересом к профессии, высокой мотивацией к саморазвитию и желанием воплощать гуманистические принципы в педагогической деятельности. Коммуникативно-перцептивный компонент предполагает развитые

эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки, поскольку способность понимать эмоции других людей, устанавливать доверительные отношения и строить эффективное взаимодействие является необходимым условием для успешного диалогического взаимодействия. Фасилитативный компонент ориентирован на помощь другим в их развитии путем создания благоприятных условий для самореализации и включает в себя такие фасилитативные установки как конгруэнтность, безусловное принятие и положительное отношение к личности ученика. Рефлексивно-развивающий компонент связан со способностью к самоанализу и самосовершенствованию для поиска новых путей развития.

Перспективы научного исследования усматриваем в эмпирическом исследовании личностной готовности будущих педагогов к внедрению образовательного диалога на основе выделенных компонентов и критериев исследования.

Список литературы / References

1. Чистобаева А.Ю. Диалогизация образовательного процесса как педагогическое условие успешного формирования компетенций в сфере профессионального общения выпускников педвуза. *Вестник педагогических инноваций*. 2020;60(4):30–38.

Chistobaeva A.Ju. Dialogization of the educational process as a pedagogical condition of successful development of competences in the sphere of professional communication graduates of pedagogical higher school. *Journal of Pedagogical Innovations*. 2020;60(4):30–38. (In Russ.)

2. Сомкин А.А. Личностно ориентированный подход в системе современного гуманитарного образования: от монолизма к диалогической модели обучения. *Образование и наука*. 2019;21(3):9–28. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-3-9-28>

Somkin A.A. Personally-oriented approach in the system of education in the humanities: From monologism to dialogical model of teaching. *The Education and science journal*. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-3-9-28>

3. Зникина Л.С., Седых Д.В. Полилингвальная образовательная среда вуза: особенности педагогического обеспечения обучения студентов. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2020;51:212–221. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-51-212-221>

Znikina L.S., Sedykh D.V. Polylingual educational environment of university: pedagogical providing of students' training. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2020;51:212–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-51-212-221>

4. Kaufman S.B. Le besoin d'autoréalisation, plus fort que l'adversité. *Cerveau & Psycho*. 2020;126(10):50–55. <https://doi.org/10.3917/cerpsy.126.0050>

5. Фромм Э. *Забывтый язык. Иметь или быть?* Пер. с нем. и англ. Москва: АСТ; 2009. 442 с.

Fromm E. *Forgotten language. To have or to be?* Translated from German and English. Moscow: AST; 2009. 442 p. (In Russ.)

6. Чиксентмихайи М. *В поисках потока: психология включенности в повседневность*. Пер. с англ. Е. Милицкая. Москва: Альпина нон-фикшн; 2012. 192 с.

Csikszentmihalyi M. *Finding flow: psychology of inclusion in everyday life*. Translated from English by E. Militskaya. Moscow: Alpina non-fiction; 2012. 192 p. (In Russ.)

7. Павелко Н.Н. Диалогическая педагогика в современной образовательной парадигме. *Вестник ИМСИТ*. 2023;96(4):3–6.

Pavelko N.N. Dialogic pedagogy in modern educational paradigm. *Journal "Vestnik IMSIT"*. 2023;96(4):3–6. (In Russ.)

8. Федотова О.Д., Светличный Е.Г. Моделирование, как инструмент познания и самосовершенствования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2025;88–2:353–356.

Fedotova O.D., Svetlichniy E.G. Modeling as a tool for cognition and self-improvement. *Problems of modern pedagogical education*. 2025;88–2:353–356. (In Russ.)

9. Кандаурова А.В. Профессиональная направленность студентов педагогических вузов: постановка проблемы. *Вестник Нижневартовского государственного университета*. 2023;2:69–84. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-2/07>

Kandaurova A.V. Professional orientation of students of pedagogical universities: problem statement. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2023;2:69–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-2/07>

10. Лушникова С.Р. Профессиональная направленность педагога: структура и компоненты. *Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. Спецвыпуск*. 2024;50(2–2):140–144.

Lushnikova S.R. Professional orientation of the teacher: structure and components. *Bulletin of Naberezhnye Chelny state pedagogical university. Special issue*. 2024;50(2–2):140–144. (In Russ.)

11. Березкина О.И. преемственность ценностных ориентаций будущих педагогов при переходе от допрофессиональной к профессиональной подготовке. *Проблемы современного педагогического образования*. 2024;82–1:50–52.

Berezkina O.I. Continuity of future teachers' value orientations during the transition from pre-professional to professional training. *Problems of modern pedagogical education*. 2024;82–1:50–52. (In Russ.)

12. Кушакова А.И., Зарипова Р.С. Роль социально-эмоционального обучения в современной педагогике. *Казанская наука*. 2024;3:114–116.

Kushakova A.I., Zaripova R.S. The role of social-emotional learning in modern pedagogy. *Kazan science*. 2024;3:114–116. (In Russ.)

13. Шарафутдинова С.Ф. Эмоциональный интеллект как фактор развития компетенции при реализации профессионального стандарта педагога. *Учитель Башкортостана*. 2021;1021(3):0–33.
Sharafutdinova S.F. Emotional intelligence as a factor in the development of competence in the implementation of the professional standard of a teacher. *Teacher of Bashkortostan*. 2021;1021(3):0–33. (In Russ.)
14. Роджерс К. *Гуманистическая психология: теория и практика*. Москва: Московский психолого-социальный университет; 2013. 456 с.
Rogers C. *Humanistic Psychology: Theory and Practice*. Moscow: Moscow Psychological and Social University; 2013. 456 p. (In Russ.)
15. Гончарова И.И., Васильева М.И. Развитие эмпатии как профессионально значимого личностного качества будущего педагога. *Сибирский учитель*. 2021;134(1):35–40.
Goncharova I.I., Vasilyeva M.I. The development of empathy as a professionally significant personal quality of the future teacher. *Siberian teacher*. 2021;134(1):35–40. (In Russ.)
16. Адонина Л.В., Вишнякова А.В., Кузема Т.Б. Педагогическая фасилитация и её составляющие. *E-Scio*. 2020;48(9):309–316.
Adonina L.V., Vishnyakova A.V., Kuzema T.B. Pedagogical facilitation and its components. *E-Scio*. 2020;48(9):309–316. (In Russ.)
17. Белокопытов Ю.Н., Панасенко Г.В. Психотерапия К.Р. Роджерса как управляющий параметр предотвращения профессионального выгорания. *Профессиональное образование в современном мире*. 2019;9(3):3112–3120. <https://doi.org/10.15372/PEMW20190323>
Belokopytov Yu.N., Panasenko G.V. Psychotherapy KR Rodgers as a governing parameter for prevention of professional ignition. *Professional education in the modern world*. 2019;9(3):3112–3120. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/PEMW20190323>
18. Долженко О.А., Исаев В.Д. Конгруэнтность культуры и менталитета. *Антропос: Логос и Теос*. 2023;9:32–40.
Dolzhenko O.A., Isaev V.D. Congruence of culture and mentality. *Anthropos: Logos and Theos*. 2023;9:32–40. (In Russ.)
19. Ленгле А. Самость во плоти. Экзистенция и психосоматика. *Консультативная психология и психотерапия*. 2015;84(1):7–69.
Laengle A. The self in the flesh existence and psychosomatics. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2015;84(1):7–69. (In Russ.)
20. Панфилов А.Н., Панфилова В.М. Педагогическая рефлексия будущего учителя в эпоху технологий искусственного интеллекта. *Современные проблемы науки и образования*. 2025;4:65. <https://doi.org/10.17513/spno.34215>
Panfilov A.N., Panfilova V.M. Pedagogical reflection of a future teacher in the era of artificial intelligence technologies. *Modern problems of science and education*. 2025;4:65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/spno.34215>
21. Лобастов Г.В. Критическая рефлексия диалогии. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2025;12(4). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-4-m12s02a15>
Lobastov G.V. Critical reflection on dialogics. *Economic and social research*. 2025;12(4). (In Russ.) <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-4-m12s02a15>
22. Сурьянинова Т.И., Фетисова А.С. Исследование диалогической позиции студентов-психологов в образовательном процессе. *Психологическая наука и образование*. 2021;26(4):80–90. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260407>
Suryaninova T.I., Fetisova A.S. Exploring dialogic position of psychology students in educational process. *Psychological science and education*. 2021;26(4):80–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260407>
23. Luthans F., Luthans K.W., Luthans B.C. Positive psychological capital: Beyond human and social capital. *Business Horizons*. 2004;47(1):45.

Об авторе:

Кузубов Алексей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент. Институт сквозных технологий, Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код](https://spina.org/), alexceyk@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kuzubov Alexey Alekseevich, Cand. Sci. (Economic Sciences), Associate Professor, Don State Technical University, (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code](https://spina.org/), alexceyk@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 04.05.2026

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 343.6

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-42-46>

Формирование правовой культуры через современную систему образования

О.Г. Казанцева^{1,2} , И.А. Семенцова^{2,3}

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ kazantseva10@mail.ru

Аннотация

Введение. В наши дни вопросы формирования правового сознания у отдельной личности и в обществе в целом обретают особую значимость и вызывают немало дискуссий. Право пронизывает все аспекты человеческой деятельности, и умение ориентироваться в законодательстве становится неотъемлемым навыком. Не только будущие юристы должны разбираться в правовых нюансах, владение основами законодательства будет полезным и для тех, кто выберет иной профессиональный путь. Цель исследования – рассмотреть содержание применяемых в настоящее время подходов для формирования правовой культуры, конечной целью которых является развитие у студентов понимания и уважения к правовым нормам и принципам.

Материалы и методы. В качестве методологической базы выступают широко распространённые в научной среде исследовательские методы. Их использование предполагает применение комплексного набора подходов – системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного – для детального анализа рассматриваемого вопроса.

Результаты исследования. Анализ научной литературы в области культурологии, педагогики и права позволил выявить тот факт, что на сегодняшний день не существует готовой модели формирования правовой культуры в современных условиях образовательной среды, которой бы придерживались учебные заведения. Это объясняется тем, что становление правосознания как элемента правовой культуры тесно связано с правовой идеологией, ключевую роль в формировании которой играет государство. Вместе с тем необходимо прикладывать усилия для разработки соответствующей модели не только со стороны государства, но и образовательных учреждений, а также социальных институтов общества. Правовая культура студентов определена как комплексное явление, преследующее своей целью формирование у учащихся высших учебных заведений надлежащего правового поведения, развитие глубинного понимания чувства ответственности, способности к самоанализу и самокритике. Установлена прямая зависимость между качеством правового образования, которое студенты получают в учебных заведениях, и уровнем сформированности их правовой культуры.

Обсуждение и заключение. Современная система получения высшего образования в настоящее время имеет огромный потенциал воздействия на студентов в положительном контексте: раскрытие личностных качеств, развитие навыков ораторского искусства и пр. В целях эффективного повышения правовой культуры учащихся преподаватели в юридических вузах используют комплексный подход, то есть используют как классические методы обучения, так и специальные. Однако относительно неюридических учебных заведений стоит отметить положительный опыт привлечения практикующих юристов к проведению тематических лекционных занятий.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовое воспитание, образовательные учреждения, социальные нормы, студенты, Конституция Российской Федерации, правовая идеология

Для цитирования. Казанцева О.Г., Семенцова И.А. Формирование правовой культуры через современную систему образования. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):42–46. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-42-46>

Formation of a Legal Culture Through a Modern Education System

Olga G. Kazantseva^{1,2} , Irina A. Sementsova^{2,3}

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Branch of the Moscow University named after S.Yu. Witte, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

 kazantseva10@mail.ru

Abstract

Introduction. Today, the development of legal awareness, both in individuals and in society as a whole, has taken on particular significance and is the subject of much debate. The law permeates every aspect of human activity, and the ability to navigate legislation has become an essential skill. It is not only future lawyers who need to understand legal nuances – a grasp of the fundamentals of the law will also be useful for those who choose a different career path. The aim of this study is to examine the content of currently applied approaches to fostering a legal culture, the ultimate goal of which is to develop students' understanding of and respect for legal norms and principles.

Materials and Methods. The methodological framework is based on research methods that are widely used in the academic community. Their application involves the use of a comprehensive set of approaches to conduct a detailed analysis of the issue at hand: systemic, activity-based, functional, and interdisciplinary.

Results. An analysis of the academic literature in the fields of cultural studies, education, and law has revealed that, to date, there is no established model for fostering a legal culture in today's educational environment that educational institutions adhere to. This is explained by the fact that the development of legal consciousness as an element of legal culture is closely linked to legal ideology, in the formation of which the state plays a key role. At the same time, efforts must be made to develop an appropriate model, not only by the state, but also by educational institutions and social institutions of society. The legal culture of students is defined as a complex phenomenon aimed at fostering proper legal behavior among students of higher education institutions, as well as developing a deep understanding of a sense of responsibility and the ability for self-analysis and self-criticism. A direct correlation has been established between the quality of legal education that students receive in educational institutions and the level of development of their legal culture.

Discussion and Conclusion. The modern higher education system currently has enormous potential to positively influence students: fostering personal qualities, developing public speaking skills, and so on. To effectively enhance students' legal literacy, faculty members at law schools employ a comprehensive approach, utilizing both traditional and specialized teaching methods. However, regarding non-law schools, it is worth noting the positive experience of engaging practicing lawyers to conduct thematic lectures.

Keywords: legal culture, legal awareness, legal education, educational institutions, social norms, students, the Constitution of the Russian Federation, legal ideology

For Citation. Kazantseva O.G., Sementsova I.A. Formation of a Legal Culture Through a Modern Education System. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):42–46. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-42-46>

Введение. В наши дни правовая культура прочно вплелась в ткань общечеловеческой культуры. В рамках современных образовательных реформ ключевым итогом обучения считается формирование, в том числе у выпускников школ, способности и готовности принимать на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за состояние социума в целом. Образовательный процесс направлен на то, чтобы у обучающихся сформировалось осознанное отношение к правовым нормам, развились навыки понимания и применения законодательства, появилось уважение к законам государства и умение защищать собственные права в различных жизненных ситуациях. Необходимость формирования правовой культуры обусловлена тем, что «высокая правовая культура является фактором достижения реальных гарантий прав и свобод человека как высшей ценности» [1, с. 228].

Формирование правовой культуры представляет собой комплексный процесс, который базируется на трёх ключевых элементах: когнитивном, ценностно-эмоциональном и прикладном [2, с. 282]. Правовая культура представляет собой комплекс представлений, компетенций и ценностных ориентиров, которые связаны с функционированием правовой системы в обществе, а также с умением грамотно использовать и отстаивать нормы права. Формирование высокого уровня правосознания среди студентов позволит им осмысливать свои юридические права и обязанности, эффективно защищать их и не допускать совершения противозаконных деяний.

Цель данного исследования – проанализировать, каким образом формируется правовая культура у студентов в рамках системы непрерывного образования в вузах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать насколько актуальны и эффективны современные теоретические концепции влияния правовой культуры на формирование гражданского общества в целом; исследовать как внешние, так и внутренние факторы, оказывающие влияние на становление правовой культуры студентов в вузах.

Материалы и методы. В качестве методологической основы для своего исследования авторы выбрали комплексный подход, включающий в себя сочетание универсального метода с широким спектром общенаучных инструментов (синтез и обобщение), а также специальные методы (социологический, статистический и психологический). Особый акцент сделан на междисциплинарный подход. Среди научно-научных методов ведущую роль играет психологический, что опосредованно фокусировкой на специфической группе – учащихся высших учебных заведений.

Результаты исследования. В настоящее время подход к образованию и воспитанию в высших учебных заведениях ориентирован на комплексное формирование личности студента, включая развитие его профессиональных качеств, а также осознание и принятие правовых норм и ценностей. Чтобы реализовать эти задачи, следует развернуть масштабную деятельность, направленную на расширение правового кругозора и повышение культурного уровня не только учащихся, но и педагогического состава, а также родителей студентов [3, с. 279].

Исследование материалов из области педагогики, юриспруденции, культурологии и психологии, а также анализ действующих правовых норм и документов, не позволил выявить готовую модель формирования правовой культуры студентов в современных условиях образовательной среды. Не обнаружено комплексного решения, которое одновременно предоставляло бы набор методов для влияния на правовое сознание и мировоззренческие установки учащихся и давало возможность оценивать степень сформированности их правовой культуры.

Современные вузы предоставляют студентам беспрецедентные возможности для активного участия в своём профессиональном становлении, самоорганизации и реализации творческого потенциала. Именно образовательная среда учебного заведения играет первостепенную роль в воспитании у студентов правовой культуры с первых дней их учёбы. Ведь именно благодаря грамотно организованной учебно-воспитательной работе вуз становится тем пространством, где первокурсники могут успешно адаптироваться к учёбе и интегрироваться в студенческое сообщество [4, с. 207].

Правовая культура неразрывно связана с развитым пониманием права, то есть с тем, насколько глубоко человек усвоил и принял правовые ценности. Это находит своё отражение в способе мышления, то есть в том, как он воспринимает право, а также в его опыте и практической деятельности в правовой сфере. Получается, правовая культура представляет собой многогранное явление, включающее в себя разнообразные аспекты правовой жизни: взаимоотношения, регулируемые правом, соблюдение законов, поддержание правопорядка и осознание правовых норм обществом.

Обсуждение и заключение. После изучения множества теоретических подходов становится очевидным, что независимо от различий в воззрениях, специалисты в данной области единодушны в том, что общество и государство играют ключевую роль в становлении и развитии правовой культуры. При этом под правовой культурой принято понимать комплекс правовых знаний, определённое отношение к законодательству и соблюдение законов в поведении [5, с. 188].

Следует учитывать, что степень освоенности правовых знаний у студентов, обучающихся на юридических и других факультетах, зачастую разительно отличается. Процесс подготовки будущих юристов обладает специфическими чертами, среди которых – необходимость освоения значительного объёма информации в сфере права. В связи с этим уже на начальном этапе обучения в высшем учебном заведении у первокурсников юридического факультета присутствует определённый базис правовых знаний, хотя уровень их осмысления и закрепления у разных учащихся может существенно варьироваться. Поэтому в процессе получения высшего образования крайне важно систематически работать над развитием и углублением правовой культуры среди студентов [5, с. 191–192].

В литературном дискурсе значительное внимание уделяется развитию одного из краеугольных камней правовой культуры – уважения к Конституции Российской Федерации [6]. Основы конституционного права представляют собой фундамент, на котором строятся все остальные области юриспруденции. В связи с этим крайне важно в процессе воспитания правовой культуры уделять должное внимание формированию у молодого поколения глубокого понимания и осознания значимости конституционных норм. Постигание основ конституционного права поможет каждому учащемуся осознать свою роль и место в российском обществе, проникнуться уважением к историческому наследию страны и почувствовать личную ответственность за её будущее. В современном обществе патриотическое воспитание выходит на первый план, и развитие конституционного правосознания станет эффективным инструментом для интеграции патриотических идеалов в систему ценностей молодого поколения [7, с. 83].

В наши дни общество сталкивается с серьёзной проблемой – распространением правового нигилизма и инфантилизма. Многие несовершеннолетние демонстрируют недостаточное понимание правовых норм, и даже пренебрежительное отношение к закону, что приводит к росту числа правонарушений и преступлений в этой возрастной группе. В связи с этим возникает острая необходимость в активизации работы по развитию правосознания и культуры у молодёжи. Образовательная программа в школах, хоть и включает изучение правовых аспектов, часто не выходит за рамки теории. В основном правовая культура формируется в школе благодаря курсу «Обществознание» [8, с. 142]. В результате выпускники не могут эффективно использовать полученные знания в реальной жизни и применять их на практике.

Формирование же правовой культуры у студентов невозможно без развития правового сознания, которое включает в себя правовую идеологию и правовую психологию. Появление правовой идеологии – процесс далеко не мгновенный. В современном мире идеология представляет собой сложное переплетение различных идейных

течений, объединений и партий. Государство, выступая в роли ключевого идеологического института, играет важную роль в формировании идеологии через законодательную деятельность. Вопрос о том, как воспитать у студентов правовую идеологию, не имеет однозначного ответа. Идеология – это неотъемлемый элемент духовной жизни молодёжи и значимая часть общей культуры. Условие для возникновения зрелой и стабильной идеологии – готовность государства поддерживать многообразие взглядов. Необходимо не только укреплять общепринятые идеологические установки, но и создавать условия для развития менее распространённых идей и концепций.

Правовое воспитание представляет собой многогранный и глубоко комплексный процесс, требующий согласованных усилий различных институтов и структур. Одной из главных задач правового воспитания принято считать совершенствование осознания гражданами своих прав и обязанностей, а также развитие уважительного отношения к закону на уровне каждого индивида, различных общественных объединений и социума в целом [9, с. 112]. В числе ключевых участников этого процесса – семья, учебные заведения, квалифицированные специалисты и специализированные организации в области права, а также государственные институты. Лишь при условии построения непрерывной и последовательной системы привития правовых знаний и ценностей, охватывающей длительный временной промежуток, можно говорить о достижении высокого уровня правового воспитания личности.

Правовая культура представляет собой подвижную систему, которая непрерывно трансформируется, реагируя на сдвиги в общественных настроениях и системе ценностей. От степени её развития зависит, какие именно социальные нормы и ценностные ориентиры будут доминировать в социуме. В сообществах, обладающих богатыми культурными традициями, осознание правовых аспектов бытия оказывается значительно более глубоким и комплексным, что в свою очередь облегчает восприятие и применение юридических норм. Образовательный уровень населения оказывает существенное воздействие на формирование правосознания. В тех социумах, где уделяется должное внимание правовой грамотности и юридическому просвещению, осознание значимости закона и правопорядка достигает более высокого уровня, что культивирует уважительное отношение к законодательству и правовым институтам [10, с. 41].

Изучение практик, применяемых в современной высшей школе, показывает, что для эффективного повышения правовой культуры учащихся преподаватели повсеместно прибегают к комплексному подходу. Они гармонично соединяют классические методы обучения и учебные задания с разнообразными формами внеклассной работы. В арсенал педагогических инструментов включаются интерактивные мероприятия: моделирование судебных процессов, ролевые игры, организация дебатов. Кроме того, значительную роль играет привлечение практикующих юристов к проведению лекционных занятий.

Таким образом, уровень правовой культуры служит индикатором благополучия правовой сферы в стране. Нацеленность образовательных учреждений на развитие правовой культуры обучающихся, должно представлять одно из перспективных направлений на ближайшие десятилетия.

Список литературы / References

1. Керимов А.А. Роль системы образования в формировании правовой культуры молодежи: европейский опыт. *Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2022;28(4):227–235. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.4.080>
Kerimov A.A. The role of the education system in shaping the legal culture of youth: European experience. *IZVESTIA Ural Federal University. Series 1. Issues in Education, Science and Culture Problems of education, science and culture*. 2022;28.4:227–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.4.080>
2. Селедцов В.А. Формирование правовой культуры современного школьника. *Молодой ученый*. 2021;385(43):281–283.
Seledtsov V.A. Formation of the legal culture of a modern schoolboy. *A Young Scientist*. 2021;385(43):281–283. (In Russ.)
3. Зорина Е.М. Концептуальная модель развития правовой культуры студента в информационной среде педагогических опор. *Современное педагогическое образование*. 2025;7:279–286.
Zorina E.M. A conceptual model for the development of a student's legal culture in the information environment of pedagogical cues. *Modern Pedagogical Education*. 2025;7:279–286. (In Russ.)
4. Петрова Т.Н., Павлова М.В., Курочкин А.М., Тимофеева О.В. Формирование правовой культуры студентов в условиях образовательной среды высшей школы. *Вестник Марийского государственного университета*. 2022;16(2):204–213. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-204-213>
Petrova T.N., Pavlova M.V., Kurochkin A.M., Timofeeva O.V. Formation of Students' Legal Culture in The Educational Environment of High School. *Bulletin of the Mari State University*. 2022;16.2:204–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-2-204-213>
5. Ибрагимова З.Н., Медведева К.В., Орлова Ю.Р. Формирование правовой культуры личности в образовательном процессе. *Век качества*. 2021;2:187–196.
Ibragimova Z.N., Medvedeva K.V., Orlova Yu.R. Formation of the legal culture of the individual in the educational process. *Century of Quality*. 2021;2:187–196. (In Russ.)
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.10.2025).

The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) (In Russ.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 07.10.2025).

7. Гогурчунов А.П. Особенности формирования правовой культуры в современном вузе. *Проблемы современного педагогического образования*. 2025;86(3):82–84.

Gogurchunov A.P. Features of the formation of legal culture in a modern university. *Problems of modern teacher education*. 2025;86–3:82–84. (In Russ.)

8. Аленькина А.Е. Воспитание правовой культуры учащихся на уроке обществознания. *Молодой ученый*. 2025; 585(34):142–144.

Alenkina A.E. Education of students' legal culture in a social studies lesson. *A Young Scientist*. 2025;585(34):142–144. (In Russ.)

9. Пеструилов А.С. Понятие и значение правового воспитания для современной России. *Вестник КРУ МВД России*. 2020;49(3):109–113.

Pestruilov A.S. The concept and significance of legal education for modern Russia. *Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*. 2020;49(3):109–113. (In Russ.)

10. Мартынова Н.А. Правосознание личности как отражение высокого уровня развития правовой системы. *Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова*. 2025;102(1):38–42.

Martynova N.A. Legal awareness of the individual as a reflection of the high level of development of the legal system. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2025;102(1):38–42. (In Russ.)

Об авторах:

Казанцева Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1); Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону (344018, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефёдова, 78), [ORCID](#), [SPIN-код](#), kazantseva10@mail.ru

Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология», Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (344019, Российская Федерация, ул. Советская, 32/2); Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону (344018, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефёдова, 78), [ORCID](#), [SPIN-код](#), irina_semen@inbox.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Kazantseva Olga Gennadievna, Cand. Sci. (Law), Professor, Associate Professor, Department of Procedural Law, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003, Rostov-on-Don, Russian Federation); Branch of the Moscow University named after S.Yu. Witte in Rostov-on-Don (78, Nefedov St., 344018, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), kazantseva10@mail.ru

Sementsova Irina Anatolyevna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (32/2, Soviet St., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation); Branch of the Moscow University named after S.Yu. Witte in Rostov-on-Don (78, Nefedov St., 344018, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-код](#), irina_semen@inbox.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 22.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 07.05.2026

Принята к публикации / Accepted 08.05.2026

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 349.6

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-47-52>

Комплементарность экологических прав человека и природы: концептуальное измерение прав окружающей среды в рамках международной системы и экологической политики РФ

Н.А. Ковтун

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ kovtun63@bk.ru

Аннотация

Введение. Концепция «прав природы» приобретает все большую популярность и акцентуализируется в правовых системах различных государств. Анализ зарубежного опыта признания и закрепления прав природы посредством конституционных, законодательных и муниципальных инициатив обуславливает синергетическую взаимосвязь прав человека на безопасную окружающую среду с экологическими правами Земли, что выступает катализатором практических действий со стороны человечества, направленных на поддержание и защиту природы. Целью исследования является изучение зарубежного опыта легитимизации субъектных прав природы и эффективность экологической политики разных стран в синергетическом согласовании прав человека и природы.

Материалы и методы. Методологическая база исследования основывается на данных международного Мониторинга Экологической Юриспруденции, Европейского проекта Horizon H2020, Европейского Зеленого пакта, законодательных документов стран Европы, Южной и Северной Америки. Оценка отечественных и зарубежных экологических решений выявляет преимущества и недостатки изучаемого подхода в области экологического менеджмента. Моделирование и прогнозирование позволяет систематизировать успешный зарубежный опыт и выявить пути совершенствования экологической политики РФ.

Результаты исследования. Анализ специфических нормативных подходов к определению и имплементации прав окружающей среды в экологическую политику разных стран позволяет определить ценность изучаемой концепции, а также ряд практических оснований (способы реализации, признание ответственных сторон, определение правосубъектности природы), регламентирующих отношения человека и окружающей среды. Исследование экологических подходов правовой защиты природы, реализуемых на территории Российской Федерации, позволяет переосмыслить концепцию прав Земли и выделить устойчивые правовые решения актуальных экологических проблем.

Обсуждение и заключение. Проведя сравнительный анализ эффективности зарубежного опыта реализации экологической политики с учетом многочисленных проявления прав природы: на уровне конституционных и законодательных изменений, нормативных постановлений, судебных решений, частных экологических проектов и т. д., сделан вывод о необходимости развития концепции экологической юриспруденции в России с разработкой положений о правосубъектности природы.

Ключевые слова: экологические права, правосубъектность природы, экологическое управление, эоцентризм, антропоцентризм

Для цитирования. Ковтун Н.А. Комплементарность экологических прав человека и природы: концептуальное измерение прав окружающей среды в рамках международной системы и экологической политики РФ. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):47–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-47-52>

Complementarity of Environmental Rights of Human and Nature: Conceptual Measurement of Environmental Law within the Framework of the International System and Environmental Policy of the Russian Federation

Nadezhda A. Kovtun

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ kovtun63@bk.ru

Abstract

Introduction. The concept of “rights of nature” is gaining popularity and being accentuated in the legal systems of various states. Analysis of foreign experience in the recognition and consolidation of the rights of nature creates a synergistic relationship between human rights to a safe environment and environmental rights of the Earth, which acts as a catalyst for practical actions on the part of mankind aimed at maintaining and protecting nature. In this regard, the purpose of the study is to find the optimal model of synergistic coordination of human rights and nature, taking into account the environmental, anthropological and axiological differences of society.

Materials and Methods. The methodological framework of the research is based on the data of the International Monitoring of Environmental Jurisprudence, the European project Horizon H2020, the European Green Pact, legislative documents of the countries of Europe, South and North America. Assessment of domestic and foreign environmental solutions reveals advantages and disadvantages of the studied approach in the field of environmental management. Modeling and forecasting allow us to systematize successful foreign experience and identify ways to improve the environmental policy of the Russian Federation.

Results. Analysis of specific normative approaches to the definition and implementation of environmental law in the environmental policy of different countries makes it possible to determine the value of the concept under study, as well as a number of practical grounds (methods of implementation, recognition of responsible parties, determination of the legal standing of nature) that regulate human and environmental relations. The study of environmental approaches to the legal protection of nature, implemented on the territory of the Russian Federation, makes it possible to redefine the concept of Earth’s rights and highlight sustainable legal solutions to pressing environmental problems.

Discussion and Conclusion. Having carried out the comparative analysis of the effectiveness of foreign experience in implementing environmental policy, taking into account numerous manifestations of nature rights: at the level of constitutional and legislative changes, regulatory decisions, court decisions, private environmental projects, etc., it was concluded that it is necessary to develop the concept of environmental jurisprudence in Russia with the development of provisions on the legal standing of nature.

Keywords: environmental law, legal standing of nature, environmental management, ecocentrism, anthropocentrism

For Citation. Kovtun N.A. Complementarity of Environmental Rights of Human and Nature: Conceptual Measurement of Environmental Law within the Framework of the International System and Environmental Policy of the Russian Federation. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):47–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-47-52>

Введение. Вопрос об экологических правах и обязанностях человека, а также их социально-политическом подкреплении уже несколько десятилетий находится во главе научных обсуждений, однако в системе отечественной юридической защиты фактически отсутствует понятие прав природы и окружающей среды.

На международной арене законодательное закрепление прав природы проведено в 24 странах [1], включая участие 23 государств в заключении международных соглашений в данной области [2]. Совокупное количество стран, рассматривающих права окружающей среды в качестве отдельной юридической категории, составляет 29 государств [2]. Признание прав природы, основанное на Всеобщей Декларации прав человека и Хартии Земли [3], определяет глубинную взаимосвязь человека с окружающей средой в качестве «неделимого сообщества разнообразных и взаимозависимых существ, с которыми мы разделяем общую судьбу и к которым мы должны относиться таким образом, чтобы приносить пользу нашей планете» [4].

Выделение прав окружающей среды в качестве отдельной юридической категории затрагивает вопрос о возможности применения концепция правосубъектности к природе [5] и планете Земля. Дифференциация природы как отдельного субъекта правовых отношений вызывает множество споров в современном научном сообществе. Приверженцы антропоцентризма, развивающего идеи научного объективизма, отклоняют данный подход, аргументируя свою позицию невозможностью реализации партнерских отношений между человеком и природой [5]. В противовес этому выступают сторонники натурацентризма, «уравнивающие человека с природными явлениями и отрицающими субъектность самого человека» [5, с. 75].

В отношении правовой системы Российской Федерации на сегодняшний день природа не выделяется как отдельный юридический субъект и не имеет собственного комплекса прав, что определяется прагматичным подходом к защите окружающей среды, формирующей ресурсы для человеческой жизнедеятельности.

В данной работе мы пытаемся оценить правомерность признания прав природы в качестве фактора поддержания устойчивой экосистемы и условия развития прав человека на благоприятную окружающую среду. В связи с чем целью исследования является изучение зарубежного опыта легитимизации субъектных прав природы и эффективность экологической политики разных стран в синергетическом согласовании прав человека и природы.

Материалы и методы. Данное исследование проведено на базе методологических данных международно-го Мониторинга Экологической Юриспруденции (Eco Jurisprudence Monitor) [6], Европейского проекта Horizon H2020 [7], а также целевого планирования Европейского Зеленого пакта (the European Green Deal) в области устойчивого развития и экологии [8]. Для понимания масштабов распространения концепции прав окружающей среды были изучены существующие правовые положений из различных документационных списков в США, странах Латинской Америки и Европы.

Анализ законодательных разработок и инновационных мер, используемых для реализации комплекса прав, присущих природе и человеку, нуждающемуся в благоприятных условиях окружающей среды, проводится через сравнение и структуризацию факторов, определяющих подходы разных стран к представлению природы как субъекта правовых отношений и описанию комплекса присущих ей прав в законодательстве, экологической политике и общественном представлении.

Оценка экологических решений, принятых в США, Эквадоре, Колумбии, Франции, Италии и других странах дает возможность выявить краткосрочные и долгосрочные преимущества изучаемого подхода, а также непроработанные аспекты, препятствующие развитию государственной правовой системы в целом.

Использование методов моделирования и прогнозирования позволяет теоретически воспроизвести успешный зарубежный опыт в рамках экологических норм отечественной системы устойчивого развития с выявлением наиболее эффективных путей совершенствования экологической политики РФ.

Результаты исследования. Идея о том, что неотъемлемым правом каждого человека является право на благоприятную окружающую среду, подразумевает поддержание экологической сохранности природных ресурсов, биологического разнообразия и различных компонентов экосистемы. Такой подход не может быть реализован без выполнения соответствующих обязанностей людей по отношению к окружающей среде, что находит отражение в различных международных и внутригосударственных документах: Конвенция о биологическом разнообразии ООН от 1992 г., Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных средств обитания в Европе от 1979 г., Федеральный закон РФ «Об экологической экспертизе» от 1995 г., Политические стратегии в области экологического развития России и других стран и т. д.

Эти и другие нормативные предписания сходятся в определении базовой задачи – «сохранение биологического разнообразия является общей заботой всего человечества» [8, с. 5], и поскольку биологическое разнообразие составляет природную ценность, не созданную человеком, возникает вопрос о наличии специфических прав природы, присущих правосубъекту, не обладающему собственной волей и способностью исполнять юридические обязательства, но в то же время отличающемуся индивидуальностью разнообразных составных элементов, нуждающихся в правовой защите от губительных внешних воздействий.

В этом направлении целесообразным является рассмотрение комплекса прав, присущих каждому живому существу, включая человека и представителей флоры и фауны: 1) право на существование и репродуктивность; 2) право на необходимое местообитание; 3) право на участие в постоянно обновляющихся процессах природы; 4) право сохранять свою идентичность и целостность в качестве отдельного саморегулирующегося вида; 5) право быть защищенным от разрушений, загрязнений, генетических модификаций структуры или способов функционирования, которые угрожают его целостности или здоровому существованию; 6) возможность взаимодействовать с другими существами и реализовывать биологические потребности [9] и т. д.

Принимая концепцию реализации прав природы, научное сообщество априори соглашается с постулатом о том, что природа не несет ответственности за содеянное (гибель людей и разрушение имущества в случаях природных катаклизмов), не участвует в двусторонних отношениях с человеком, и не поддерживает равноправие между участниками собственной экосистемы. Эта концепция применяется только в контексте взаимодействия человека с природой и возлагает обязанности только на людей [9].

Учитывая специфику правовых категорий, применяемых к окружающей среде, становится очевидно, что наиболее подходящим юридическим подходом в данном случае является защита собственных прав природы, что определяется как «требования, коррелирующие с обязанностями других лиц» [10, с. 18]. Другими словами, права природы мотивируют человечество к действиям, которые могут способствовать поддержанию и защите окружающей среды. Рассмотрим примеры того, как различные государства реализуют данный подход в практической юриспруденции.

Согласно результатам Мониторинга Экологической Юриспруденции, 64 % положений о реализации прав природы осуществляются в США на местном (субнациональном) уровне посредством работы таких организаций, как Фонд правовой защиты окружающей среды и общественности (CELD) и Центр прав Земли; а также правовые положения Земли появляются в ряде стран Европы (Бельгия, Франция, Нидерланды) и Латинской Америки (Колумбия, Бразилия, Эквадор, Перу, Мексика) и других территориях [1].

На территории США с 2015 г. было реализовано не менее 57 экологических инициатив по легитимизации прав окружающей среды [11]. В отличие от других западных стран, в США данное направление развивалось

на уровне отдельных штатов (Пенсильвания, Висконсин и т.д.), муниципальных распоряжений (которые подчиняются государственному и федеральному законодательству), хартий внутренних правил и племенных законов, некоторые из которых принимаются на уровне общегосударственного законодательства, другие аннулируются со временем или оспариваются в суде [11]. Впоследствии два штата ввели категорию прав природы на законодательном уровне и несколько государственных политических партий включили права природы в свою официальную платформу, кроме того, несколько базирующихся в США НПО в настоящее время сосредотачивают свою работу на отстаивании прав окружающей среды.

Подобные правовые постановления подразумевает переход от абстрактного декларирования прав экосистем к более осязаемому подходу, предусматривающему провозглашение возможностей отдельных природных субъектов (таких, как конкретные озера, реки, растения и животные) на обладание специфическими правами. Такой юридический ход акцентирует внимание на конкретных природных особенностях, имеющих значение для местных сообществ. Эффективность реализации племенных прав в рамках экологических инициатив США иллюстрируется практическими случаями судебных разбирательств, выигранных в пользу природы: в 2022 г. индейское племя Сауксуяттл подало иск против города Сиэтл в племенной суд с целью объявить, основываясь на племенном праве, что лосось, обитающий в водоёмах на данной территории «обладает неотъемлемыми правами на существование, репродуктивность и развитие, а также неотъемлемые права на восстановление собственного вида» [11, с. 161].

Обобщая, можно сказать, что в США нет единого законодательного принятия и регулирования прав Земли. Многие исследователи считают такую концепцию проигрышной в сравнении с систематизацией национального законодательства в направлении экологизации, принятой, например, в Панаме в 2022 г. в качестве закрепления прав природы с целью обеспечения их государственной защиты. Однако устойчивая инициативность в случаях отставания племенных экологических прав подтверждает практическую эффективность такого подхода.

В странах Латинской Америки большинство правовых положений национального уровня приходится на Эквадор, что отражает стабильное юридическое закрепление прав природы за последнее десятилетие. Конституция Эквадора в области защиты прав природы на сегодняшний день является самой обширной. Определение правового статуса Земли в преамбуле Конституции сводится к субъекту, воспроизводящему и поддерживающему жизнь [12]. Такое расширенное объяснение, не предлагающее никаких правовых уточнений, разработано осознанно и целенаправленно, чтобы показать масштабность прав природы, присущих всем экосистемам Земли, включая те, которые находятся за пределами границ Эквадора [12]. На текущий момент Эквадор остается единственной Латиноамериканской страной, конституционно утвердившей права окружающей среды в полной мере.

Чилийские избиратели отклонили предложенную инициативу по внесению в национальную Конституцию права природы в сентябре 2022 г. [2]. В Колумбии признание прав природы сводится к одному из необходимых условий защиты экологических прав человека. Практическим случаем защиты экологических прав Земли стало судебное разбирательство граждан против правительственных органов Колумбии в 2018 г. по делу вырубки лесов Амазонии, которая способствовала климатическим изменениям [13]. Истцы утверждали, что обезлесение нарушает их право на здоровую окружающую среду; Верховный Суд Колумбии объявил Амазонию правовым субъектом и обязал правительство разработать план действий по восстановлению лесов [14].

В 2019 г. Президент Панамы принял законодательство, провозглашающее права природы и обязанности правительства защищать национальную экосистему [11]. В странах Европы вопросы принятия и развития правового статуса Земли поднимаются во многих государствах (Франция, Великобритания, Швейцария, Эстония, Венгрия, Италия, Испания и т.д.). Так, например, в 2021 г. несколько членов Национального совета Швейцарии представили в швейцарский парламент инициативу о внесении в конституцию поправки, признающей права природы [2], однако этот процесс продолжается до сих пор и вопрос остается открытым.

В Испании действует Закон о природном наследии и биоразнообразии, раскрывающий понятие природных ресурсов, которые представляют собой любой компонент природы, подверженный использованию человеком для удовлетворения своих потребностей и имеющий текущую или потенциальную ценность, такую как природный ландшафт, водные объекты, почва, недра и земли для их эффективного использования [8]. Во Франции еще в 2004 г. была принята экологическая хартия, предусматривающая обязательства каждого гражданина по сохранению и улучшению окружающей среды (статья 2), что подразумевает предотвращение разрушительных действий со стороны человека и/или ограничение последствий подобных действий, а также возмещение ущерба, причиненного природе (статья 3–4) [15]. В Италии до 2022 г. правовая система прямо не обеспечивала правовую защиту в отношении природы и окружающей среды. До момента пересмотра Конституции Италии в 2022 г. охрана природы рассматривалась исключительно в контексте прав человека на здоровую окружающую среду [16], однако впоследствии законодательных изменений, природу наделили автономными правами на необходимую защиту биоразнообразия экосистемы [8], что привело к улучшению экологической обстановки в ряде регионов.

В рамках исследования особый интерес вызывает подход Нидерландов к легитимизации прав природы. Несмотря на то, что на уровне федерального законодательства правосубъектность природы не признается государством, в настоящее время проводится несколько крупных кампаний, основанных на законодательных механизмах правового регулирования, что способствует разработке экологической организации Zoënonic Foundation, которая фактически интегрирует права природы во внутренние процессы принятия решений различных организаций (частных или государственных, коммерческих или некоммерческих), которые соглашаются представлять интере-

сы окружающей среды [17]. Подобная модель управления основана на частном праве и направлена на включение экологических интересов в организационную систему, что включает в себе значительный потенциал, который может быть перенесен в другие правовые системы и использован в качестве альтернативы в политических контекстах рассмотрения прав природы на национальном уровне [17].

Из приведенных примеров видно, что не все страны принимают правосубъектный статус природы и законодательно закрепляют ее права и свободы, однако существует множество путей реализации прав окружающей среды и ее элементов посредством муниципальных распоряжений, деятельности экологических фондов и ассоциаций, наделения особым правовым статусом отдельных компонентов экосистемы, нуждающихся в дополнительных мерах защиты, привлечения общественности и т. д.

В отношении экологической политики РФ, не признающей правосубъектность природы, главным вопросом, требующим безотлагательного решения, является обозначение границ «владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами» [18, с. 43–44], разделяющих видение природы как автономного объекта национального достояния или собственности, находящейся в распоряжении человека. В качестве базового инструмента экологического регулирования в России применяется Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», однако даже в отечественном научном сообществе эти и другие способы государственного управления относятся к категории «природопользования», что противоречит глобальной тенденции отношения к природе как к равному партнеру. Выделение особо охраняемых природных зон (заповедников, национальных парков, природных комплексов и т. д.) не дает абсолютной правовой защиты локальным представителям флоры и фауны, малым природным объектам и иным компонентам экосистемы, прямо воздействующим на поддержание здоровой окружающей среды.

Для решения природоохранных и правовых проблем на территории России, необходимо совершенствовать существующую систему экологического управления, «определить четкие критерии и методы мониторинга биоразнообразия и общего состояния экосистем» [19, с. 485], а также уделить особое внимание традиционным юридическим подходам к вопросам правосубъектности природы.

Рассматривая человека как часть окружающего мира, природа представляется первичным субъектом глобальных экологических процессов, что подтверждает наличие неотъемлемых прав Земли, ответственность за исполнение которых в общей система права переносится на человека в качестве носителя фактической субъектности. Таким образом, партнерские отношения человека и природы являются подкреплением базового права на жизнь и безопасную окружающую среду для всех участников экосистемы, что в будущем позволит перейти к неантропоцентрическому подходу развития общества и науки.

Обсуждение и заключение. На сегодняшнем этапе развития цивилизационного общества, человечество находится на грани глобальной антропоцентрической катастрофы [20]. Изучая причины, последствия и возможные решения данной проблемы, исследователи по всему миру призывают государственных лидеров к формированию транснациональной правовой базы, присваивающей легальный юридический статус планете Земля и ее экосистемам. Защита природных объектов в суде набирает международную силу в качестве инструмента борьбы с экологическими угрозами. Наделение окружающей среды особым юридическим статусом способствует развитию осознанного взаимодействия человека и природы, направленного на выстраивание партнерских отношений и укрепление экологических позиций незащищенных групп.

Экологическая юриспруденция и судебная практика по защите прав Земли затрагивает многие области человеческой жизнедеятельности: социальную, культурную, экономическую, политическую, философскую и научную. Соответственно изучение подобных концепций дает возможность сравнительного анализа эффективности зарубежного опыта с учетом многочисленных различий проявления прав природы во всем мире [21], будь то конституционные и законодательные изменения (как в Эквадоре), нормативные постановления (США), судебные решения (Колумбия) или частные экологические проекты (Нидерланды).

Существующие представления о правовой системе, функционирующей исключительно для людей, – нереалистичны, по причине того, что все земные существа нуждаются в защите и неприкосновенности. Междисциплинарность экологического права, основанного на идее о том, что человек является лишь частью более обширного сообщества, поддерживает благосостояние каждого компонента этой системы, что направлено на благополучие всего человечества и Земли в целом [21].

Список литературы / References

1. Kauffman C. M. Mapping Transnational Rights of Nature Networks & Laws: New Global Governance Structures for More Sustainable Development (Report). *Harmony with Nature*. UN; 2020.
2. Kauffman C. M. Global Patterns and Trends in Rights of Nature Legal Provisions: Insights from the Eco Jurisprudence Monitor. *A Global Interdisciplinary Dialogue To Advance Rights Of Nature*. New York City, September 22–23, 2022.
3. Rockefeller S. C. *Universal Rights and Responsibilities: The Universal Declaration of Human Rights and the Earth Charter. The essay*. April, 2009.
4. *Peoples Conference on Climate Change and Mother Earth Rights, Draft Universal Declaration of the Rights of Mother Earth*. URL: <http://pwccc.wordpress.com/2010/02/07/draftuniversal-declaration-of-the-rights-of-mother-earth-2/> (дата обращения: 05.12.2024).

5. Фалько В.И., Лукманов Р.Р. Проблема прав и субъектности природы. *Forestry bulletin*. 2015;19(4):75–83. Falko V.I., Lukmanov R.R. The problem of rights and subjectivity of nature. *Forestry bulletin*. 2015;19(4):75–83. (In Russ.)
6. Kauffman C., Bajpai S., Leonard K., Macpherson E., Martin P., Pelizzon A., et al. Eco jurisprudence monitor. *Eco Jurisprud. Tracker*; 2023. URL: <https://ecojurisprudence.org/dashboard/> (дата обращения: 08.12.2024).
7. *Report from the Commission to the European Parliament and the Council. Ex post evaluation of Horizon 2020, the EU framework programme for research and innovation*. Brussels; 29.01.2024.
8. Alves F., Costa P.M., Novelli L., Vidal D.G. The rights of nature and the human right to nature: an overview of the European legal system and challenges for the ecological transition. *Front. Environ. Science*. 2023;11. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1175143>
9. Burdon P. Earth Rights: The Theory. *IUCN Academy of Environmental Law e-Journal*. 2011;1.
10. Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. *Yale Law Journal*. 1993;16:16–59.
11. Kauffman C., Martin P. How Courts Are Developing River Rights Jurisprudence: Comparing Guardianship in New Zealand, Colombia, and India. *Vermont Journal of Environmental Law*. 2019;20.
12. Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand. *Global Environmental Politics*. 2018;18(4). https://doi.org/10.1162/glep_a_00481
13. Fiorini E. Beckhauser. The synergies between human rights and the rights of nature: An ecological dimension from the Latin American climate litigation. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2023;42:12–34. <https://doi.org/10.1177/09240519231223672>
14. Kauffman C.M. Rights of Nature: Institutions, Law, and Policy for Sustainable Development. *The Oxford Handbook of Comparative Environmental Politics*. 2021. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197515037.013.19>
15. *Française République. Charte de l'environnement*. 2004. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/charte-de-lenvironnement> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Louvin R. Spaces and opportunities for climate justice in Italy. *Dirit. Pubblico Comp. Ed. Eur*. 2021;23:935–954. <https://doi.org/10.17394/102975>
17. *Païement Ph. Rights of Nature, Globalization and Legal Pluralism: The Netherlands Country Report*. September 14, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4218973> (дата обращения: 12.12.2024).
18. Бринчук М. М. Природа как национальное достояние или объект права собственности и Конституции Российской Федерации. *Юридический вестник ДГУ*. 2018;25(1):43–52.
Brinchuk M.M. Nature as a national treasure or object of property rights and the Constitution of the Russian Federation. *Legal Bulletin of DSU*. 2018;25(1):43–52. (In Russ.)
19. Русецкая Г.Д., Дмытерко Е.А. Особо охраняемые природные территории – инструмент устойчивого управления природопользованием. *Известия БГУ*. 2017;27(4):478–487.
Rusetskaya G.D., Dmyterko E.A. Specially protected natural areas are an instrument for sustainable environmental management. *News of BSU*. 2017;27(4):478–487. (In Russ.)
20. Viaene Lieselotte. Can Rights of Nature Save Us from the Anthropocene Catastrophe? Some Critical Reflections from the Field. *Asian Journal of Law and Society*. 22;9(2):187–206. <https://doi.org/10.1017/als.2022.2>
21. O'Bryan K. Future directions in legal education: Earth jurisprudence and rights of nature. *Bond Law Rev*. 2024;36(1):7–35. <https://doi.org/10.53300/001c.123146>

Об авторе:

Ковтун Надежда Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код](https://spiner.ru/), kovtun63@bk.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Kovtun Nadezhda Anatolyevna, Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, “Department of Procedural Law”, Don State Technical University, (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code](https://spiner.ru/), kovtun63@bk.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.03.2026

Принята к публикации / Accepted 22.03.2026

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 75.01

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-53-62>

Культурологическое значение анималистики советских мастеров живописи на примере уникальной экспозиции ДГТУ

И.П. Гуржиева^{1,2}✉, А.М. Ермаков^{1,2}

¹ Институт живых систем, Донской государственный технический университет,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Институт сквозных технологий, Донской государственный технический университет,

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ i.gurzheva@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу анималистической живописи советских художников XX в., представленной в экспозиции Института живых систем ДГТУ. Научная проблема исследования обусловлена отсутствием комплексных работ по культурологическому анализу произведений, раскрывающих тему единства человека и животных в советском искусстве второй половины XX в. Целью статьи является выявление историко-культурной, художественной и этической ценности данных произведений. Задачи включают атрибуцию неизвестных ранее полотен и определение их роли в контексте реалистической традиции академической школы, представленной именами Л.В. Туржанского, А.А. Пластова, В.С. Цигалья и др. Актуальность работы обоснована, с одной стороны, отсутствием исследовательских публикаций по данной теме, а с другой – возрастающим статусом анималистического вектора в современном культурном пространстве.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе живописных произведений из экспозиции ДГТУ, включающей работы выпускников и педагогов МГХИ им. В.И. Сурикова. В качестве научных методов применены описательный, историко-культурный, иконографический и стилистический аналитические методы. Такой подход позволил впервые ввести в научный оборот неизвестные ранее образцы изобразительного искусства и систематизировать их по художественной и тематической значимости.

Результаты исследования. Выявлено, что представленное живописное наследие советских мастеров анималистического направления раскрывает малоизученный культурный пласт в истории отечественного искусства. Определено, что ключевыми ценностными ориентирами в творчестве художников являлись единение человека с животными, развитие и сохранение живой природы как неотъемлемой части биосферы. Установлено, что отражение целостности природного мира в исследуемый период формировало новое этическое и эстетическое понимание духовных ценностей в творческом мировосприятии советских живописцев.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что исследуемые произведения обладают не только высокой художественной ценностью, но и значительным историко-культурным потенциалом. Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов для дальнейшего осмысления роли анималистики в контексте советского реализма. Перспективы исследования связаны с более глубоким изучением взаимосвязи художественных образов и этических идеалов эпохи, а также с интеграцией данных материалов в музейные и образовательные программы.

Ключевые слова: анималистика, советская живопись, реализм, экспозиция ДГТУ, этические ценности, академическая школа, культурное наследие, художественный образ

Для цитирования. Гуржиева И.П., Ермаков А.М. Культурологическое значение анималистики советских мастеров живописи на примере уникальной экспозиции ДГТУ. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):53–62. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-53-62>

Cultural Significance of Animalier Art of Soviet Painting Masters on the Example of the Unique Exhibition of DSTU

Irina P. Gurzhieva^{1,2}✉, Alexey M. Ermakov^{1,2}

¹ Institute of Living Systems, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ i.gurzhieva@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of animalier art of Soviet artists of the 20th century, presented at the exhibition of the Institute of Living Systems of DSTU. The scientific problem of the study is caused by the lack of comprehensive work on cultural analysis of works that reveal the theme of the unity of man and animals in Soviet art of the second half of the 20th century. The purpose of the article is to identify the historical, cultural, artistic and ethical value of these works. Tasks include attributing previously unknown canvases and determining their role in the context of the realistic tradition of the academic school, represented by the names of L.V. Turzhansky, A.A. Plastova, V.S. Tsigal and others. The relevance of the work is justified, on the one hand, by the lack of research publications on this topic, and on the other, by the increasing status of the animal vector in the modern cultural space.

Materials and Methods. The study is based on the analysis of paintings from the exhibition of DSTU, including the work of graduates and teachers of the Moscow State Art Institute named after V.I. Surikov. Descriptive, historical, cultural, iconographic and stylistic analytical methods were used as scientific methods. This approach made it possible for the first time to introduce previously unknown samples of fine art into scientific circulation and systematize them according to their artistic and thematic significance.

Results. It was revealed that the presented paintings of the Soviet animalier art masters reveal a little-studied cultural layer in the history of Russian art. It was determined that the key value guidelines in the work of artists were the unity of man with animals, the development and preservation of wildlife as an integral part of the biosphere. It was established that the reflection of the integrity of the natural world in the period under study formed a new ethical and aesthetic understanding of spiritual values in the creative worldview of Soviet painters.

Discussion and Conclusion. It was concluded that the studied works have not only high artistic value but also significant historical and cultural potential. The practical significance of the work lies in the possibility of using materials to further comprehend the role of animalism in the context of Soviet realism. Research prospects are connected with a deeper study of the relationship of artistic images and ethical ideals of the era, as well as with the integration of these materials into museum and educational programs.

Keywords: animalier art, Soviet painting, realism, DSTU exhibition, ethical values, academic school, cultural heritage, and artistic image

For Citation. Gurzhieva I.P., Ermakov A.M. Cultural Significance of Animalier Art of Soviet Painting Masters on the Example of the Unique Exhibition of DSTU. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):53–62. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-53-62>

Введение. Уникальная выставка «Жизнь советских животных», созданная на площадке Института живых систем ДГТУ, посвящена не только анималистике в творчестве мастеров социалистического реализма, но прежде всего жанровой живописи, в которой отражен труд советских животноводов, доярок, свинок, пастухов и ветеринаров, определивших благосостояние и рост послевоенного народного хозяйства СССР. Однако за этим внешним, производственным слоем открывается глубокое философское содержание: художники запечатлели не просто трудовые процессы, но особый тип бытия, в котором человек и животное существуют в нерасторжимом единстве. Этот симбиоз, уходящий корнями в тысячелетнюю крестьянскую культуру, в XX в. подвергся колоссальной трансформации под воздействием войн, индустриализации и урбанизации. Живопись стала способом сохранения памяти об этом исчезающем мире, где отношения человека и животного строились не на принципах эксплуатации, а на взаимном служении и совместном выживании. В сущности, перед нами уникальный визуальный архив, фиксирующий одну из фундаментальных форм человеческого присутствия в мире – форму, основанную на диалоге с иным, нечеловеческим бытием.

Если обратиться к истории жанра, то важно представить, что пятнадцать тысяч лет отделяют наскальные образы бизонов в пещерах Альтамира от близких по реалистическому исполнению быков Пабло Пикассо, восхищенного великим наследием родной Испании. Этот огромный временной разрыв свидетельствует об архетипической природе анималистического образа: животное было первым Другим, с которым человек вступил в диалог, первым объектом познания и первым зеркалом, в котором он пытался увидеть себя. Наскальная живопись – это не просто охота, это магический акт, попытка установить связь с силами природы, обуздать их, приручить. И в этом смысле советская анималистика, при всей ее кажущейся «производственной» направленности, наследует эту древнюю

магическую функцию искусства: она тоже пытается установить, восстановить связь человека с природным космосом, нарушенную войной и техническим прогрессом.

Анималистика как первый акт творчества в эпоху первобытного искусства, подарила человечеству удивительные воплощения эстетического переживания в мощном реализме форм и движения животных. Это переживание носило синкретический характер: в нем сливались утилитарное (успех на охоте), сакральное (почитание тотема) и эстетическое (радость от точного воспроизведения формы). Советские художники, возможно, сами того не осознавая, воспроизводили эту архаическую модель: их интерес к животным был далек от холодного академизма, в нем чувствовалось то же древнее удивление перед совершенством природных форм, та же попытка через изображение овладеть сущностью живого существа [1, 2].

Мастера Древней Греции создавали великолепные образы коней, которые были возрождены во всем своем величии в эпоху Ренессанса в монументальной скульптуре, мозаике и живописи. Замечательные изображения животных в произведениях великих художников эпохи Возрождения: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициана, Дюрера, Брейгеля являются вершиной жанра, так как в основу изображений легли кропотливые исследования анатомии, позволившие точно отразить красоту и повадки животных даже в картинах, где они становились стаффажем, несущим символ человеческих отношений. В ренессансной культуре животное выполняло сложную семиотическую функцию: оно могло быть символом порока (например, заяц у Тициана) или добродетели (агнец у ван Эйка), но всегда сохраняло свою материальную, телесную конкретность. Это равновесие между символом и реальностью, между идеей и плотью унаследовала и русская академическая школа. Однако в советском искусстве, особенно послевоенном, символический слой часто уступал место экзистенциальному: животное интересовало художника не столько как носитель отвлеченного смысла, сколько как живое, страдающее и радующееся существо, разделяющее с человеком его историческую судьбу.

В искусстве России нового времени определяющую роль в сложении школы анималистического жанра сыграло обучение русских художников в Академии всех знатнейших искусств на основе европейских художественных традиций. Первые русские художники обучались у приехавших в Россию иностранцев – И.Ф. Гроота, К.Ф. Кнаппе, гравера И.С. Клаубера в классе «Зверей и птиц» в последней трети XVIII в. Само выделение анималистики в отдельную учебную дисциплину было глубоко символично: оно означало признание за изображением животного самостоятельной художественной ценности, а не просто подсобного материала для исторической или батальной живописи. В XIX в. в русской живописи темы охоты, иппического жанра и «коннозаводского портрета» обрели профессиональный академический уровень [1].

Основоположник жанра анималистической скульптуры Петр Карлович Клодт определил метод изображения коней на основе работы с натуры, ставшей основополагающим принципом академического искусства. Его кони на Аничковом мосту – это не просто скульптурное убранство Петербурга, это философское размышление о природе власти, о покорении стихии, о соотношении античного идеала и российской действительности. Богатейшее наследие академиков-баталистов Николая Егоровича Сверчкова, Павла Осиповича Ковалевского и Николая Семеновича Самокиша оказало определяющее влияние на развитие батальной живописи и анималистического жанра в России и СССР, представляя образцы глубокого понимания природы в иппическом жанре. В их творчестве лошадь перестала быть просто «транспортным средством» война, она стала полноправным участником исторического действия, несущим на себе всю тяжесть русской военной истории.

В представленной экспозиции в картинах и малой пластике живет атмосфера эпохи послевоенных лет прошлого века, когда анималистика заняла равноправное место среди других жанров отечественного изобразительного искусства. Это было время глубокого экзистенциального перелома: война с ее тотальной дегуманизацией, с ее отношением к человеку и животному как к «пушечному мясу» или «тягловой силе», вызвала мощную компенсаторную реакцию. Художники стремились вернуть миру его утраченную целостность, и животное в этой системе координат выступало как носитель подлинности, как существо, не утратившее органической связи с бытием. В этом смысле послевоенная анималистика может быть осмыслена как форма экзистенциального искусства: она фиксирует момент, когда человек, переживший ужас небытия, пытается заново выстроить отношения с миром, начиная с самого простого и самого фундаментального – с отношения к живому существу. Во второй половине XX в. живописцы органично раскрывая образы животных в бытовых и пейзажных картинах, в первую очередь писали этюды с натуры как для батальных, так и для жанровых произведений. Увлеченные писанием с натуры лошадей и коров, раскрывая их роль в жизни человека, советские мастера емко передавали реальные сюжеты и темы, сегодня увиденные нами заново, через постижение далекого и трудного, но счастливого времени. Времени послевоенных десятилетий, когда истосковавшиеся по мирной жизни художники писали то, что они знали и любили – родную природу и ее обитателей [3].

Советская школа изобразительного искусства в анималистическом жанре представляет богатейшее наследие произведений Митрофана Грекова, Василия Ватагина, Константина Флёрва, Валентина Бельшева, Леонарда Туржанского, Сергея Герасимова, Владимира Стожарова, Алексея Грицаца, Аркадия Пластова. Актуальность статьи в том, что в ней впервые исследуются неизвестные образцы изобразительного искусства в контексте уникального экспозиционного материала. Картины известных и забытых советских мастеров открывают зрителю художественные воплощения тех человеческих ценностей, которые заново должны быть осмыслены в их непреходящей

эстетической и этической значимости. В эпоху тотальной цифровизации и виртуализации реальности эти полотна возвращают нас к тактильному, телесному, живому опыту взаимодействия с миром, напоминая о том, что человек – лишь часть огромного, сложно устроенного космоса, и его благополучие напрямую зависит от состояния этого космоса. Они ставят перед нами вопрос, который с особой остротой звучит сегодня: что значит быть живым среди живого? И возможно ли сохранить человеческое в человеке без диалога с иными формами жизни?

Материалы и методы. Исследование базируется на материале советских живописных произведений бытового и пейзажного жанров, включающих анималистическую тему, которые представлены на выставке «Жизнь советских животных», созданной на площадке Института живых систем Донского государственного технического университета. Исследуемый корпус материалов охватывает период от второй трети до конца XX в. и включает произведения, созданные в разных регионах СССР. В качестве научных методов применены описательный, исторический, иконографический, иконологический и стилистический методы исследования художественных произведений. Однако для достижения целей исследования потребовалось также обращение к методам философской герменевтики и феноменологии искусства, позволяющим рассматривать художественное произведение не просто как объект, но как событие встречи сознания художника с миром.

Описательный метод позволил зафиксировать внешние характеристики произведений: сюжет, композицию, колорит, технические приемы. Исторический метод дал возможность вписать эти произведения в контекст эпохи их создания, соотнести с социальными, экономическими и политическими процессами, происходившими в советском обществе. Иконографический и иконологический анализ, восходящий к традициям школы Аби Варбурга и Эрвина Панофского, был применен для выявления скрытых символических смыслов, которые могут стоять за образами животных. Этот метод позволил увидеть в казалось бы бытовых сценах отголоски древних мифологем, архетипических представлений о плодородии, жертве, воскресении. Стилистический анализ позволил определить принадлежность работ к тем или иным художественным течениям (социалистический реализм, «суровый стиль», импрессионистические тенденции) и проследить эволюцию творческой манеры отдельных мастеров.

Особое значение для данного исследования имело применение феноменологического подхода, разработанного в трудах Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти. С феноменологической точки зрения, изображение животного – это не копирование внешней формы, но попытка проникнуть в способ бытия животного, понять его «внутренний мир», его инаковость. Мерло-Понти в своих поздних работах размышлял о «плоти мира», объединяющей все живое, и о том, что животное не является просто объектом среди объектов, но представляет собой иной модус чувственности, иной способ ощущать и реагировать на мир. Советские анималисты, работавшие с натуры, интуитивно приближались к такому пониманию: их задачей было не просто нарисовать корову или лошадь, но уловить нечто неуловимое, особый ритм существования, особую телесность и отношение к пространству и времени.

Результаты исследования. В статье впервые исследуются неизвестные работы советских художников в контексте уникального экспозиционного материала. Картины как известных, так и несправедливо забытых советских мастеров открывают зрителю художественные воплощения тех человеческих ценностей, которые заново должны быть осмыслены сегодня в их непреходящей эстетической и этической значимости [4].

Редчайшим образцом творчества выдающегося живописца, Народного художника СССР Аркадия Александровича Пластова является монохромный живописный эскиз (с использованием протирки умброй) к картине «Кружка молока», созданный в 1942 г., представленный на выставке. Композиция наполнена теплом доброты, несмотря на суровый колорит зимнего дня в разоренном селе со сгоревшими избами. Этот аскетизм палитры глубоко символичен: война словно обесцветила мир, из него ушла радость, остались только базовые, экзистенциальные ценности – хлеб, молоко, жизнь. В этой работе есть осознание того, что в годы войны с судьбой человека были неделимы его преданные друзья – боевой конь и корова-кормилица, достоверно написанные с натуры. Пластов избегает сентиментальности, его животные не очеловечены, они сохраняют свою животную природу, но именно эта их «инаковость» делает их присутствие особенно значимым. Конь и корова в его эскизе – не символы, а живые существа, разделяющие с человеком его тяготы. Это отношение, далекое от современного потребительского взгляда на животных, восходит к архаическому, крестьянскому мироощущению, где животное – не ресурс, а член семьи, соучастник бытия. Война не дошла до родного села Аркадия Пластова, где он работал в эти суровые годы, но картины художника, такие, как «Фашист пролетел», наполнены болью о Великой Отечественной войне, перевернувшей мирную жизнь страны. В контексте всего творчества Пластова этот эскиз предстает как важное звено в его размышлениях о жизни и смерти, о том, что остается неизменным в эпоху катастроф [5, 6].

Замечательным произведением экспозиции является большая картина живописца Александра Васильевича Волкова «Корова, запряженная в сани», написанная в конце 1940-х гг. (Рис. 1). Счастье переживших войну женщин, сидящих в санях, читается в румяных от мороза, искрящихся весельем лицах. Мастерски написана фигура коровы на фоне зимнего леса, запряженная в сани. С вниманием изображены характерные женские образы. Парадоксальная композиция заставляет задуматься о безлошадном послевоенном хозяйстве и крепком русском характере тружениц, преодолевших невзгоды послевоенных лет. Однако философский подтекст картины глубже: корова в традиционной культуре – символ плодородия, материнства, космической женской силы. Запряженная в сани, она становится не унижительной заменой лошади, а носительницей сакрального начала, своеобразной богиней, ведущей за собой людей. В этом смысле картина Волкова может быть прочитана как аллегория возрождения жиз-

ни: женское начало (крестьянки) и животворящая сила природы (корова) объединяются, чтобы противостоять хаосу и смерти. В той же широкой живописной авторской манере, сближенными тональными отношениями созданы художником образы жителей деревни – ведущего под уздцы коня крестьянина в зимнем лесу в масштабной картине «Мужик, ведущий лошадь» и сидящего у подводы на заснеженном хозяйственном дворе крестьянина с быком, прильнувшим к сену, на полотне «На подворье». Здесь животные и человек образуют неразрывное пластическое и смысловое целое, демонстрируя архаическое, досовременное единство, где нет места иерархии и господству.

Рис. 1. Волков А.В. Корова, запряженная в сани. 1948. Х., м. 53 × 90 см

С тонким ощущением родной уральской природы созданы темпераментные по колориту и фактуре живописные этюды выдающегося русского советского живописца Леонарда Викторовича Туржанского [7]. Голодные мохлястые лошади и жилистые козы у околицы, ищущие первую травку на весенней земле, написаны импрессионистично, с выразительностью художественно-образной характеристики. Туржанский не идеализирует животных, он показывает их такими, какие они есть: усталыми после долгой зимы, голодными, но живучими. Эта правда жизни сообщает его работам особую убедительность. Но за этой внешней непритязательностью скрывается глубокое философское переживание: художник фиксирует момент пробуждения природы, тот пограничный статус между зимой и весной, когда жизнь едва теплится, но уже готова вспыхнуть в полную силу. Скромные лирические виды, в которых отражается жизнь деревенских поскотин, прославили художника как национального пейзажиста советской страны. В его работах животное – не главный герой, а неотъемлемая часть ландшафта, такой же естественный элемент, как дерево, облако или весенний ручей. Это свидетельство глубокого экологического сознания, основанного не на природоохранных лозунгах, а на органичном чувстве сопричастности природному целому.

Картина «Колхозный двор» Заслуженного художника РСФСР Льва Иосифовича Народицкого эпохи сурового стиля 1960-х гг. отмечена высоким художественным уровнем (Рис. 2). Произведение отражает традиции московской школы живописи и метод его учителя, тонкого русского импрессиониста, профессора МГХИ им. В.И. Сурикова, Народного художника СССР Сергея Васильевича Герасимова. Влияние пейзажного видения Валентина Александровича Серова раскрывается в тональной передаче световоздушной атмосферы серого дня в пространстве заснеженного подворья с голодной коровой, уткнувшейся в кормушку. В контексте «сурового стиля» этот образ приобретает почти эпическое звучание: это не жалоба, а мужественное приятие своей доли, стоическое несение креста. Корова Народицкого – не просто животное, а символ тяжелого, изнурительного труда, выпавшего на долю послевоенного поколения. Она стоит в центре композиции как монумент, как олицетворение всей послевоенной, выстоявшей и победившей России.

Рис. 2. Народицкий Л. И. Колхозный двор. 1960-е гг. К., м., 60 × 86 см

Великолепный образ коня в стойле «Жеребец в конюшне» написан с профессиональным знаточеством натуры (Рис. 3). Метод изображения отмечен вниманием к эстетической ценности живописи и восходит к авторству Петра Дмитриевича Покаржевского, известного педагога, художника-баталиста, учившего изображать лошадей студентов в МГХИ им. В.И. Сурикова, среди которых был и Борис Тихонович Спорыхин, ставший первым

народным художником РСФСР на Дону [8]. Картина была создана на Терском конезаводе в Пятигорье, где работали на летней практике студенты под руководством профессора Покаржевского. Статность и благородная красота терского жеребца, стоящего в сумраке конюшни, переданы в переливах коричневато-умбристой гаммы с мягкой лессировкой в тончайших нюансах светотени. В этом образе есть что-то вневременное, почти сакральное. Сумрак конюшни становится не просто бытовой деталью, а символом тайны бытия, из которой проступает совершенная форма. Жеребец Покаржевского напоминает античного коня, сошедшего с фриза Парфенона, — он столь же вечен и прекрасен [9].

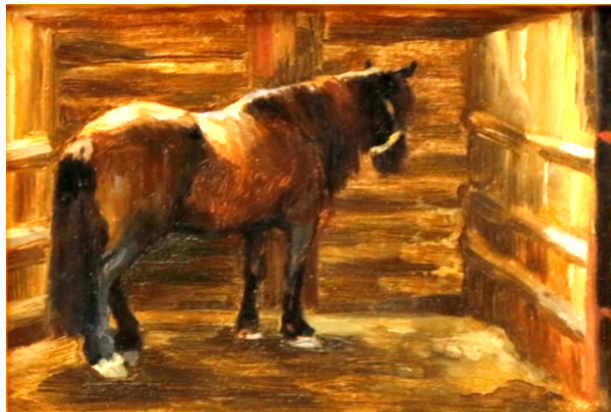

Рис. 3. Покаржевский П.Д. Жеребец в конюшне. 1950-е. К., м., 18 × 23 см

Не менее выразительна фигура коня в картине «Пегий мерин» кисти Народного художника СССР Тараса Гурьевича Гапоненко, окончившего Высший художественно-технический институт в Москве (мастерская Н.М. Чернышева) (Рис. 4). Всесоюзную славу и европейскую известность художнику принесла большая композиция «На обед к матерям» (1935), удостоенная Золотой медали на международной художественной выставке в Париже. Художник посвятил свои лучшие картины теме колхозного труда, животноводству и птицеводству («На птичьем городке» 1959), а также портретам лошадей, коров и коз. Образы животных, представленные на выставке, как и «Пегий мерин», написаны мастером на родной Смоленщине, где прошли детство и юные годы художника. В этом простом, непритязательном образе есть та достоверность, которая свойственна только искусству, выросшему из личного, кровного опыта. Гапоненко не стремится к эффектности, его конь – обычная рабочая лошадь, но в ее облике столько благородства и спокойной силы, что она становится символом всей русской земли, пережившей оккупацию и восстановленной из пепла [10].

Рис. 4. Гапоненко Т.Г. Пегий мерин. 1960-е гг. К., м., 26 × 39 см

Автор жанровой картины «На свиноферме» – ленинградский художник-монументалист Евгений Викторович Казьмин после обучения в Ростовском художественном училище им. М.Б. Грекова окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухомовой (Рис. 5). Особенность этой работы раскрывается в точно отраженном с натуры процессе выращивания поросят на ферме. Смело написан огромный, хорошо оборудованный зал с неутомимыми свинарками, ведущими уход, взвешивающими новорожденных и купающими свиноматок. Особую ноту юмора вносят, укрупненно показанные на первом плане, весело глядящие из яслей мамы, окруженные поросятами. Это очеловечивание животных, приписывание им человеческих эмоций, делает картину особенно теплой и привлекательной. Однако здесь есть и более глубокий философский подтекст: Казьмин

показывает торжество жизни в ее самом непосредственном, биологическом проявлении. Поросята, свиноматки, заботливые свиноводы – все это звенья единого процесса воспроизводства жизни, которому не страшны никакие идеологические бури. В этом смысле картина становится гимном витальности, той самой жизненной силе, которая, по мысли Анри Бергсона, пронизывает все сущее и является подлинной основой реальности.

Рис. 5. Казмин Е.В. На свиноферме. 1970-е гг. К., м., 46 × 66 см

В другом формате, в традициях русского крестьянского жанра с тонкой живописной пластикой в передаче движения животных, написана картина «Свинарник» Владимира Федоровича Токарева (Рис. 6), известного российского живописца, начинавшего творческий путь на Дону и возглавившего в послевоенные годы Дом творчества «Академическая дача» Союза художников СССР в Вышнем Волочке. В композиции раскрыто пространство темного глинобитного сарая с ищущими корм фигурками розовых поросят, высвеченных солнечными лучами, проникающими сквозь щели грубо сколоченной двери. Свет, пробивающийся сквозь щели, становится символом надежды, жизни, пробивающейся сквозь любые преграды. Токарев работает с контрастом света и тени почти в караваджистской манере, создавая почти осязаемую атмосферу крестьянского подворья. Его поросята – не просто сельскохозяйственные животные, а живые, трогательные существа, вызывающие у зрителя улыбку умиления. Но в этом умилении нет сентиментальности, оно основано на подлинном интересе к жизни как таковой, к ее мельчайшим проявлениям.

Рис. 6. Токарев В. Ф. Свинарник. 1960-е гг. Х., м., 18,5 × 19,5 см

Портрет коровы в живописной картине «Корова в хлеву» пластически выразительно, со знанием анатомии, создал саратовский живописец, Заслуженный художник РСФСР Петр Алексеевич Гришин. Его корова написана плотным, фактурным мазком, передающим тяжеловесность и мощь животного. Гришин словно лепит форму цветом, добиваясь почти скульптурной осязаемости. Импрессионистично, смелыми отношениями ярких цветовых пятен изображены коровы в картине «Стадо в летнем лагере» лауреата Сталинской премии Никиты Никаноровича Чебакова. Чебаков работает широко, декоративно, создавая праздничный, мажорный образ советской деревни. Красота тональных отношений раскрывается в этюде с натуры «На отдыхе» московского художника Василия Павловича Комардина, где фигуры отдыхающих животных вписаны в мягкую, лирическую среду русского пейзажа.

Нераздельно с донским пейзажем написано стадо коров на берегу реки в работе Народного художника Российской Федерации Бориса Тихоновича Спорыхина «У Дона». Спорыхин, ученик Покаржевского, блестяще передает состояние широкого, вольного донского пейзажа. Его коровы – часть этого простора, они словно вырастают из земли, из травы, из самой речной влаги. Яркими акцентами изображены фигуры буренок в этюдах донского пейзажиста, Заслуженного художника РСФСР Александра Васильевича Тимофеева. В звучании рыжих, коричневых и красноватых акцентов, нанесенных широким мазком, решена его картина «Когда наступает вечер (Возвращение стада)» с лавиной идущих в мареве знойного заката донских буренок. Это не просто стадо, это стихия, природная сила, неукротимая и прекрасная. На первом плане выразительно написан веселый казак с

длинной седой бородой, сопровождающий отряд коров на велосипеде. Этот жанровый мотив вносит ноту современности в традиционный пасторальный сюжет, создавая своеобразный мост между вечным и преходящим. Народный художник РСФСР Николай Константинович Соломин в ином стиле, на основе выразительного рисунка, академически тонко исполнил акварельную работу «Доеение коровы» (Рис. 7). Светлая гармония животных и природы, радость мирной жизни особой любовью наполняет послевоенное солнечное творчество художников. Животные в их работах – неотъемлемая часть этого счастливого, гармоничного мира, и их присутствие сообщает этому миру полноту и завершенность.

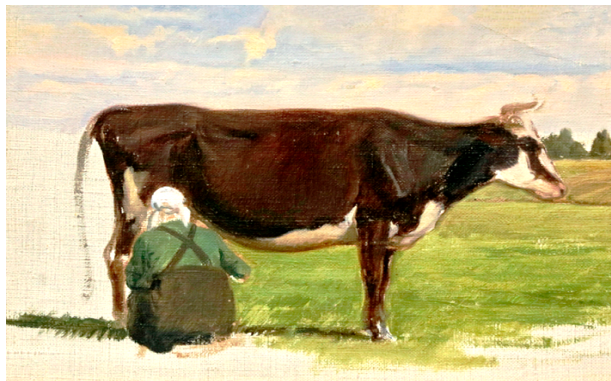

Рис. 7. Соломин Н. К. Доеение коровы. 1950-е гг. Х., м., 21,5 × 31,5 см

Образы единых с природой животных написаны в виде выразительного стаффажа в произведениях плеяды донских живописцев в период 1960–1980-х годов. Прекрасные живописные работы создали Яков Евсеевич Гуслистый («Табун лошадей»), Константин Иванович Арещенко (серия «Кавказские этюды») и Петр Иванович Глызин («Стадо коз на закате»). В этих работах животные выступают уже не как главные герои, но как необходимый элемент, связывающий человека с природным целым. Они напоминают нам о том, что мы не одиноки в этом мире, что мы окружены иными формами жизни, иными способами существования.

Ряд представленных в экспозиции произведений отражает задачи, обусловленные временем, в которое происходило активное развитие анималистического жанра, обретавшего новое социальное и культурное значение как в жанровой живописи, так и в баталистике. Особое внимание миру лошадей уделяли известные донские баталлисты Владимир Петрович Черноусенко и Арсений Макеевич Чернышев, чьи замечательные живописные и графические эскизы представлены в экспозиции. Их работы интересны тем, что показывают лошадь не в мирной, сельскохозяйственной ипостаси, а в стихии боя, где она выступает как боевой товарищ, верный спутник воина. Динамика, экспрессия, драматизм отличают эти эскизы, дополняя общую картину развития анималистического жанра на Дону.

Проведенное исследование, посвящённое анализу целого пласта неизвестных живописных произведений советских авторов, раскрывающих целостность жизни человека и животных, подчеркивает возрастающий статус анималистического вектора в современном культурном пространстве. Сегодня, в условиях нарастающего экологического кризиса и пересмотра антропоцентрической парадигмы, искусство, обращенное к теме животных, приобретает особое значение. Оно позволяет по-новому поставить вопрос о границах человеческого, о нашей ответственности перед иными формами жизни, о возможности диалога с природой не на языке господства, а на языке взаимности и сочувствия.

Обсуждение и заключение. Спустя долгие годы забвения тему жизни животных в мире советского послевоенного села возродила замечательная по своему художественному качеству выставка произведений живописи, поддержанная академиком Российской академии художеств и Российской академии образования, профессором Бесарионом Чохоевичем Месхи. Значимость кураторской и научной поддержки со стороны руководства института трудно переоценить: без этого проект мог бы остаться нереализованным, а многие шедевры – невостребованными.

Неиссякаемый интерес к миру животных, трепетная любовь к природе, содержательность и поэтичность образов родины раскрыты в уникальных полотнах замечательных мастеров, чье наследие вошло в золотой фонд советской станковой живописи. Представленные произведения имеют не только ценность профессионального художественного качества, но и историко-культурное и воспитательное значение. Этическое, нравственное начало определяли подвижничество авторов, работы которых были написаны в русской глубинке. Многие из этих художников вели аскетический образ жизни, сознательно отказываясь от столичных благ ради возможности жить и работать в непосредственной близости от своей природы – природы, крестьян, животных. Этот выбор сам по себе является актом высокого служения искусству.

Исследуемое живописное наследие мастеров советского изобразительного искусства анималистического направления открывает малоизученный художественно-культурный пласт в истории отечественной культуры и искусства, определяющий ценностные художественные и этические ориентиры, идейно важные в истории нашей страны. Такие, как единение человека с животными, которых он растит и использует в хозяйстве и на службе,

развитие и сохранение живой природы неделимой со средой обитания человека. С философской точки зрения, это наследие может быть осмыслено как свидетельство особого типа отношения к Другому – не антропоцентрического, не эгоцентрического, а основанного на признании самоценности любого живого существа. Советские анималисты, возможно сами того не осознавая, создали визуальную антологию этого отношения, столь редкого в современном мире. В результате глубокое осмысление получают социокультурная значимость и эстетическая ценность художественных образов, мастерски написанных с натуры и раскрывающих роль животных и природы в жизни человека. Представленные произведения, что особенно важно, сохранили радостный импульс нашей Родины, героически возрожденной народом из руин Великой Отечественной войны во второй половине XX в. Эта радость – не легковесная и бездумная, а выстраданная, завоеванная ценой невероятных усилий. Она и составляет, вероятно, главное содержание послевоенного искусства.

В новом тысячелетии, когда урбанизация общества обострила и нарушила связи человека с историко-культурными ценностями и природой, этические и эстетические достижения искусства эпохи социализма обрели сегодня новое понимание, зовущее к осмыслению роли личности в сохранении экологии, в непрерывающейся связи современности с наследием и традициями прошлого. Мы начинаем понимать, что технический прогресс, оторванный от нравственных оснований, может привести к катастрофе. И в этом смысле искусство советских анималистов возвращает нас к истокам, к базовым ценностям бытия, напоминая о том, что человек – лишь часть огромного живого космоса.

Важность уникальной экспозиции, представившей целостный, но позабытый пласт живописи русской академической школы, для наших современников, и прежде всего для студенческой молодежи, заключается в непреходящей художественной ценности произведений советских мастеров, образно осмысливших и отразивших жизнь природы и человека, что актуально сегодня в познавательном, эстетическом и этическом планах. Для молодых людей, выросших в виртуальном мире, живое общение с подлинными произведениями искусства становится важнейшим каналом связи с реальностью, с историей своей страны, с теми экзистенциальными основаниями, на которых держится человеческая жизнь. Социокультурный феномен единства человека, природы и ее обитателей в изобразительном искусстве советской эпохи второй половины XX в. требует специального глубокого исследования в контексте таких направлений современной мысли, как экологическая эстетика и постгуманизм, открывающих новые перспективы для понимания этого уникального художественного наследия.

Список литературы / References

1. Портнова И.В. *Анималистическое искусство в России XVIII – первой половины XX вв.* Москва: Спутник; 2013. 516 с.
Portnova I.V. *Animalier art in Russia of the 18th - first half of the 20th centuries.* Moscow: Sputnik; 2013. 516 p. (In Russ.)
2. Белогурова С.П. *Анимализм как культурологический и художественный феномен в общественной мысли рубежа XIX–XX вв.* Дис. канд. культурологии. Москва; 2011. 218 с.
Belogurova S.P. *Animalism as a cultural and artistic phenomenon in social thought at the turn of the 19th-20th centuries.* Dissertation of Candidate of Cultural Studies. Moscow; 2011. 218 p. (In Russ.)
3. Портнова И.В. Отечественная анималистика как культурный феномен XX века. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* 2017;79(5):157–160.
Portnova I.V. The domestic animal-painter as well as the cultural phenomenon of the 20th century. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts.* 2017;79(5):157–160. (In Russ.)
4. Портнова И.В. Вопросы развития современного отечественного анималистического искусства. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2011;13(2.2):484–489.
Portnova I.V. Problems of contemporary Russian animalistic art development. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science.* 2011;13(2.2):484–489. (In Russ.)
5. Костин В.И. *Аркадий Александрович Пластов.* Москва: Советский художник; 1956. 56 с.
Kostin V.I. *Arkady Alexandrovich Plastov.* Moscow: Soviet artist; 1956. 56 p. (In Russ.)
6. Пластова Т.Ю. *Аркадий Пластов «От этюда к картине»: статьи, воспоминания. Материалы.* Москва: Фонд «Связь эпох»; 2018. 416 с.
Plastova T.Yu. *Arkady Plastov “From study to picture”: articles, memoirs. Materials.* Moscow: Foundation “Connection of Eras”; 2018. 416 p. (In Russ.)
7. Станкевич Н.И. Туржанская И.Л. *Леонард Викторович Туржанский.* Л.: Художник РСФСР; 1982. 160 с.
Stankevich N.I. Turzhanskaya I.L. *Leonard Viktorovich Turzhansky.* L.: Artist of the RSFSR; 1982. 160 p. (In Russ.)
8. Гуржиева И.П. *Певец донской земли. Живописец Борис Спорыхин. Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова «Тихий Дон».* Ростов-на-Дону; 2024. 16 с.
Gurzhieva I.P. *Singer of the Don land. Artist Boris Sporykhin. The State M.A. Sholokhov Museum-Reserve “Quiet Don”.* Rostov-on-Don; 2024. 16 pp. Rostov-on-Don; 2024. 16 p. (In Russ.)
9. Беспалова Л.А. *Петр Дмитриевич Покаржевский.* Москва: Советский художник; 1959. 80 с.
Bespalova L.A. *Peter Dmitrievich Pokarzhevsky.* Moscow: Soviet artist; 1959. 80 p. (In Russ.)

10. Парамонов А.В. *Тарас Гурьевич Гапоненко*. Москва: Советский художник; 1961. 62 с.
Paramonov A.V. *Taras Gurievich Gaponenko*. Moscow: Soviet artist; 1961. 62 p. (In Russ.)

Об авторах:

Гуржиева Ирина Павловна, искусствовед, почетный член Российской академии художеств, эксперт Института живых систем, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1); Институт сквозных технологий, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код, i.gurzhieva@gmail.com](mailto:i.gurzhieva@gmail.com)

Ермаков Алексей Михайлович, доктор биологических наук, профессор, директор Института живых систем, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1); Институт сквозных технологий Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код, aermakov@donstu.ru](mailto:aermakov@donstu.ru)

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Gurzhieva Irina Pavlovna, art historian, honorary member of the Russian Academy of Arts, expert, Institute of Living Systems, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation); Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code, i.gurzhieva@gmail.com](mailto:i.gurzhieva@gmail.com)

Ermakov Alexey Mikhailovich, PhD (Doctorate) (Biology), Professor, Head of the Institute of Living Systems, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation); Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code, aermakov@donstu.ru](mailto:aermakov@donstu.ru)

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 30.03.2026

Принята к публикации / Accepted 02.04.2026

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 791.62

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-63-68>

Политический и эстетический контекст революционных праздников Советской России

Т.О. Бердник , Ю.С. Комаристая

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 tatiana@berdnik.me

Аннотация

Введение. Массовые праздничные мероприятия с момента своего возникновения самым эффектным образом осуществляли общественную коммуникацию. Принято связывать понятие праздника с культурным досугом, отдыхом, развлечением. Однако развлекательная функция не является не только единственной, но и доминантной целью организации праздничного мероприятия. Во все времена существования этого общественного феномена основной его миссией была идеологическая пропаганда. Суть внедряемой идеологии могла базироваться на религиозной, политической, социальной, морально-нравственной или художественной доктрине. Но в любом случае предлагаемая идея только тогда проникала в сознание масс, когда она была оформлена системно, понятно и привлекательно. Другими словами, идейное содержание, транслируемое праздничными действиями, становится эффективным лишь при условии его выразительной и убедительной визуализации.

Материалы и методы. Базовым методом стало библиографическое исследование, основанное на изучении архивных материалов и их осмысления современными учеными. Наибольший вклад в изучение проблемы внесли труды А.И. Пиотровского, советского литературоведа, драматурга, театрального критика. Реализация заявленной цели базировалась также на методе сравнительного анализа художественно-композиционных приемов дизайнерского оформления первых революционных праздников в контексте академического, футуристического и конструктивистского подходов.

Результаты исследования. Рассмотрены различные методы визуализации агитационно-пропагандисткой политики молодого советского государства, стремящейся через ярко оформленные праздничные мероприятия сформировать позитивное отношение масс к новой идеологии. В условиях экономической разрухи и жесткого политического противостояния с врагами советского строя правительство выделяло для организации праздников немалые финансовые и людские ресурсы. Зрелищные мероприятия должны были внести в сложную жизнь граждан Советской России ощущение радости и оптимизма, веры в превосходство нового государственного устройства. С этой целью к оформлению праздников привлекались лучшие художники, архитекторы и дизайнеры.

Обсуждение и заключение. Опыт использования художественно-выразительных подходов к формированию визуального пространства праздника обогатил экспозиционный дизайн богатым арсеналом средств образного воплощения идеологического содержания. Многие приемы создания праздничной атмосферы в городской среде с успехом применяются и в современной действительности. Важным фактором развития экспозиционной сферы деятельности художников в оформлении праздников было привлечение к выполнению государственного заказа студентов дизайнерских вузов. Превосходя ожидаемые результаты, синергия опыта и новаторского креативного мышления обеспечила эффективность решения задачи при использовании минимальных материальных средств.

Ключевые слова: революционные праздники, массовые праздничные мероприятия, праздничное оформление городской среды, идеологическая пропаганда, экспозиционный дизайн

Для цитирования. Бердник Т.О., Комаристая Ю.С. Политический и эстетический контекст революционных праздников Советской России. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):63–68. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-63-68>

The Political and Aesthetic Context of Revolutionary Celebrations in Soviet Russia

Tatyana O. Berdnik , Yulia S. Komaristaia

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 tatiana@berdnik.me

Abstract

Introduction. Since their inception, large-scale festive events have served as a highly effective means of public communication. It is customary to associate the concept of a festival with cultural leisure, rest, and entertainment. However, the entertainment function is not only not the sole purpose of organizing a festive event, but also not its primary one. Throughout the history of this social phenomenon, its primary mission has been ideological propaganda. The essence of the ideology being promoted could be based on religious, political, social, moral, or artistic doctrines. But in any case, the proposed idea only penetrated the consciousness of the masses when it was presented in a systematic, understandable, and appealing manner. In other words, the ideological content conveyed through festive activities becomes effective only if it is visualized in an expressive and convincing way.

Materials and Methods. The primary method employed was bibliographic research, based on the examination of archival materials and their interpretation by contemporary scholars. The most significant contribution to the study of this issue came from the works of A.I. Piotrovsky, a Soviet literary scholar, playwright, and theater critic. The achievement of the stated goal was also based on a comparative analysis of the artistic and compositional techniques used in the design of the first revolutionary celebrations within the context of academic, Futurist, and Constructivist approaches.

Results. This paper examines various methods used to visualize the propaganda and agitation policies of the young Soviet state, which sought to foster a positive attitude among the masses toward the new ideology through vividly staged festive events. Amid economic ruin and fierce political confrontation with the enemies of the Soviet system, the government allocated considerable financial and human resources to organizing these celebrations. These spectacular events were intended to bring a sense of joy and optimism, as well as faith in the superiority of the new state system, into the difficult lives of Soviet Russia's citizens. To this end, the best artists, architects, and designers were enlisted to design the celebrations.

Discussion and Conclusion. The experience of using artistic and expressive approaches to shaping the visual space of a holiday has enriched exhibition design with a rich arsenal of tools for visually conveying ideological content. Many techniques for creating a festive atmosphere in an urban setting are successfully applied in the present day as well. An important factor in the development of artists' exhibition activities in festival design was the involvement of students from design universities in fulfilling government commissions. Exceeding expectations, the synergy of experience and innovative creative thinking ensured the effective achievement of objectives while using minimal material resources.

Keywords: revolutionary holidays, large-scale festive events, festive decorations in public spaces, ideological propaganda, exhibition design

For Citation. Berdnik T.O., Komaristaia Yu.S. The Political and Aesthetic Context of Revolutionary Celebrations in Soviet Russia. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):63–68. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-63-68>

Введение. В 20-е гг. XX столетия после потрясений революции и гражданской войны молодое советское государство нуждалось в активных действиях, которые были бы направлены на формирование положительного имиджа и авторитета новой политической системы. Эта миссия была в значительной степени возложена на праздничные мероприятия, способные поднять дух общества и настроить его сознание на восприятие новых ценностей [1]. Поэтому в стране, которая переживала экономический и социальный катаклизм, множилось число массовых праздников и духоподъемных торжеств самой разной направленности – спортивной, военно-патриотической, социально-политической, художественно-культурной и т. п.

При необходимости жесткой экономии в других сферах общественной жизни на оформление праздников выделялись немалые финансовые средства, привлекались самые талантливые и прогрессивные художники. На время подготовки и проведения торжеств принципиально менялась архитектурная среда советских городов. Украшались дома, уличное и парковое пространство, транспорт. Повсеместно сооружались городские инсталляции, визуализирующие основную идеологическую концепцию праздника [2].

Материалы и методы. Основным методом при формировании знаний по изучаемой проблеме стал метод библиографического исследования, на котором базировался процесс поиска, отбора и систематизации данных с целью выявления закономерностей и тенденций в решении идеологических задач через эстетическую деятельность периода ранней советской государственности. Данное исследование основывается на изучении архивных источников и современных научных трудов. Среди них труды российских ученых А.И. Пиотровского, Э.М. Кустовой, А.И. Четчина, Н.А. Хренова, а также зарубежных исследователей феномена праздника Р. Шехнера, Г. Мазо, Н. Мюррей, М. Рольфа и других. Важным источником информации послужили исторические материалы с фотофиксацией праздничного убранства российских городов в 20–30-е гг. XX столетия.

В рамках исследования рассмотрены формальные приемы и инструменты идеологической пропаганды на примере оформления праздничных мероприятий раннего периода истории Советской России, когда основным художественным приемом в русском искусстве был конструктивизм. При этом использование метода сравнительного анализа помогло выявить эстетические особенности других стилевых направлений в визуализации праздничной среды, что дало более широкую картину изучаемого феномена.

Результаты исследования. Первое десятилетие Советской Власти представляло собой время расцвета искусства конструктивизма, но при оформлении праздников использовались разные стилевые подходы, каждый из которых имел свои символы, художественно-композиционные приемы, инструменты выразительности. Более консервативные художники отдавали предпочтение академическому стилю. Он опирался на классические композиционные средства выразительности, реалистическую манеру изображения и на привычные знаки-символы [2, 3].

Рис. 1. А. Веснин. Эскиз праздничного оформления Красной площади

На ранней стадии еще возможен был некоторый плюрализм, поэтому оформители-академисты наряду с новой символикой использовали традиционные классические образы, такие как изображения Георгия Победоносца, Пегаса, античных колесниц, хоругвей, лавровых венков, рогов изобилия и даже ангелов на ранних советских плакатах [4]. Так, например, в оформлении Красной площади к празднованию 1 мая Александр Веснин использует стяги, напоминающие хоругви на христианских праздничных шествиях [4]. Позже на фоне антирелигиозной и антибуржуазной борьбы эти символы, разумеется, стали запретными и исчезли с элементов оформления.

Альтернативную художественную позицию заняли оформители-футуристы. Эстетическая система футуристов использовала такие средства выразительности как гротеск, неожиданность, эпатаж. Это был тотальный отказ от прямого понимания смыслов, использование неологизмов, трансформированных или примитивно упрощенных изображений в стиле народного лубка. Излюбленной формой визуализации смысла и содержания праздника у футуристов были театрализованные акции и перформансы. При этом сценической площадкой служили самые необычные места, например, трамвай с грузовыми платформами в виде прицепа. Большое значение придавалось причудливым костюмам и гриму участников действия [6, 7, 8].

Акции футуристов были всегда эмоционально яркими, но зачастую бессмысленными. Описан факт, как художники-футуристы, мечтая превратить в цветущий сад безжизненное каменное пространство Марсова поля в Петрограде, к празднованию 1 мая 1920 года засадили его 60 тысячами кустов акаций и вербы. Но, как и многие другие акции футуристов, предприятие оказалось неудачным – к середине лета все кусты без научного подхода к правилам посадки и соответствующего ухода засохли [8, с. 74].

Самый успешный опыт праздничного оформления городов принадлежал конструктивистам. Они использовали правила композиционного построения объектов в контексте нового оформительского искусства – дизайна. Их произведения отличались инновационным подходом к выбору выразительных средств и знаковых систем. Дизайн экспозиционных решений конструктивистов был авангардным и с энтузиазмом использовал графические атрибуты новой идеологии – серп и молот, красная звезда, портреты революционных лидеров [9, 10]. Кроме того, конструктивистов отличал узнаваемый и отличный от всех остальных стиль пластического языка. Его признаки нашли отражение в стилизованной графике и в работе со шрифтами, в колористическом решении и в композиционной динамике. Стиль конструктивистов сочетал лаконизм функционализма и художественную страстную эмоциональность [11].

Объектами экспозиционного проектирования были все элементы пространственной среды – улицы, автомобили и повозки, построение масс в шествиях и колоннах, костюмы, грим, а порой и маски участников. Чтобы подчеркнуть идейный пафос мероприятия, конструктивисты создавали крупно-масштабные уличные композиции, которые либо стационарно устанавливались в кульминационных точках праздничных мероприятий, либо перемещались вместе с шествиями [9, 10, 11].

Рис. 2. Праздничная инсталляция на Театральной площади в Москве

Часто оформление дополнялись гигантскими фигурами и сюжетными инсталляциями. Так Адриан Пиотровский в статье «Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг.» описывает такие объемные уличные композиции как гигантская фигура буржуа с направленным на него кукишем, или слон с надписью «СССР» и Моська с надписью «Желтая пресса», Красный призрак коммунизма и многие другие [3]. Эти образы политической карикатуры привлекали внимание, веселили и, одновременно, несли идейно-политическую нагрузку.

Рис. 3. Инсталляция с автомобилем на физкультурном параде

Другим излюбленным объектом экспозиционного проектирования был транспорт. Чаще всего украшались автомобили, что выполняло не только эстетическую функцию, но являлось символом нового времени, прогресса и процветания, обеспеченного политикой советского правительства. Кроме автомобилей декорировались другие транспортные средства, такие как трамваи, повозки, передвижные мобильные сценические площадки для пропагандистских перформансов. Иногда автомобили как символ прогресса сами становились частью праздничной инсталляции [11].

Как и футуристы, художники конструктивистского направления отдавали предпочтение перформативным видам оформительского искусства, так как они были динамичными, процессуально-действенными и допускали самые смелые художественные эксперименты. Их новаторские приемы способствовали развитию не только экспозиционного и графического дизайна, но также искусства кино и театра [7, 12].

Самым доступным и популярным элементом праздничного оформления был агитационный плакат. Плакатное искусство художников-конструктивистов стало образцом авангардного графического дизайна, феномен которого является и сегодня предметом искусствоведческого исследования во всем мире. Праздничный агитационный плакат был пространством для творческого эксперимента. Графики-конструктивисты использовали в этой малой полиграфической форме все новации как технического, так и эстетического плана. Выразительность плакатов достигалась модернистской типографикой, включением в изображение фотомонтажа, необычной композиционной структурой, ярким колоритстическим решением, в котором всегда доминировал символический красный цвет. Важным элементом плакатного сообщения были запоминающиеся, зачастую стихотворные лозунги-слоганы, которые создавали эффект фундаментальности и целостности эстетики новой советской идеологии и помогали передать идею монументальности и простоты новой, но уже укоренившейся картины мира [13].

Ведущие графические дизайнеры, использующие метод конструктивизма, совмещали проектную практику с преподавательской деятельностью. Первым в России высшим учебным заведением, которое выпускало профессиональных дизайнеров, были Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). В этом вузе преподавали лидеры конструктивистского авангарда – Александр Родченко, Владимир Татлин, Эль Лисицкий, Александр Веснин, братья Владимир и Георгий Стенберги, Любовь Попова, Варвара Степанова и многие другие. Находясь в активном творческом эксперименте, эти художники-педагоги привлекали к оформлению праздничных мероприятий своих студентов. Совместно они разрабатывали концепции экспозиционного дизайна, писали сценарии, проектировали графическое обеспечение и сценографию, изготавливали костюмы.

Экспозиционно-оформительская деятельность педагогов и студентов ВХУТЕМАСа стала экспериментальной базой для поиска новых подходов к художественному проектированию среды проведения массовых городских праздников. Основой их метода были такие характеристики как масштабность, театральность, зрелищность и идеологический символизм. Это было новое направление не только в оформительской и в образовательной деятельности – студенты в рамках учебных занятий выполняли реальный социальный заказ, имеющий агитационную направленность [14, 15].

В 1921 г. во ВХУТЕМАСе на базе мастерской А. Родченко появилось Общество молодых художников (ОБМОХУ), члены которого создавали праздничное оформление для Москвы, Петрограда и других городов Советской России [14].

Другим примером студенческой деятельности активности был политический карнавал, организованный и проведенный в 1929 г. Мероприятие было посвящено годовщине открытия парка Горького и представляло собой впечатляющее зрелище, поразившее жителей Москвы. Из подсобных материалов были изготовлены инсталляции, в сатирической форме представляющие идеологических противников СССР. Их создание представляло собой синтез профессионального и самодеятельного искусства. Гигантские изображения, установленные на 54 автомобилях, торжественной процессией проехали по улицам города. При минимальных финансовых затратах агитационный эффект был оглушительный [15].

Обсуждение и заключение. Основная задача организаторов праздничных торжеств состояла в вовлечении в действие масс. Сопричастность к праздничным действиям простых людей помогала им проникнуться идеологическим пафосом мероприятия и воспринять коммунистическое мировоззрение как единственно возможное. В сознании граждан Советской России формировалась вера в новые неограниченные возможности «светлого будущего» несмотря на суровые реалии повседневной жизни.

Праздники были средством сублимации всех социальных, экономических и политических проблем, средством перенесения чувства психологической подавленности из-за бытовых и эмоциональных лишений на осознанную общественную деятельность, что давало ощущение значимости собственного существования и надежды на благополучие. Поэтому организация и подготовка массовых праздничных мероприятий были частью государственной политики.

В атеистическом государстве, наложившем строгий запрет на религиозное вероисповедание, важно было сформировать новые морально-нравственные критерии, новые цели и идеалы. Декларативный метод в решении этой задачи был абсолютно не эффективен, поэтому советское правительство заимствовало те методики воздействия на массовое сознание, которые в течении многих столетий использовали церковные институты. По сути, новые революционные праздники немногим отличались от традиционных религиозных по сценарным, визуальным и психологическим подходам.

Особую важность приобретало вовлечение молодежи, которая имела небольшой исторический опыт и легче отзывалась на различные новации. Именно поэтому она активно привлекалась к участию в праздничных мероприятиях в различных ролевых контекстах, в частности, к деятельности по визуализации городской среды. Ярким примером подобной политической интенции государственной власти было привлечение к оформительской деятельности студенческой молодежи ВХУТЕМАС. Это решало, как минимум, две задачи, с одной стороны, молодое поколение воспитывалось в парадигме новой идеологии, с другой – привносило в оформительскую деятельность смелый экспериментальный подход и не требовало дополнительных расходов за счет оплаты труда, что было позитивным с точки зрения как стратегии, так и тактики.

Список литературы / References

1. Кустова Э. Советский праздник 20-х годов в поисках масс и зрелищ. *Неприкосновенный запас*. 2015;101(3). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/?ysclid=mo1x6osyrr261808704 (дата обращения: 10.12.2025).
2. Kustova E. Soviet Celebrations of the 1920s: In Search of Masses and Spectacles. *Neprikosnovenny zapas*. 2015;101(3). (In Russ.) URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/?ysclid=mo1x6osyrr261808704 (accessed: 10.12.2025).
3. Кухер К. *Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941*. Москва: РОССПЭН; 2012.
4. Kucher K. *Gorky Park: Leisure culture in the Stalin era. 1928–1941*. Moscow: ROSSPEN; 2012. (In Russ.)
5. Чечетин А.И. *История массовых народных празднеств и представлений*. Москва: МГИК; 1976. 117 с.
6. Chechetin A.I. *History of Mass Folk Festivals and Performances*. Moscow: MGIK; 1976. 117 p. (In Russ.)
7. Хренов Н.А. *Зрелища в эпоху восстания масс*. Москва: Наука; 2006. 646 с.
8. Khrenov N.A. *Entertainment in the Age of Mass Uprisings*. Moscow: Nauka; 2006. 646 p. (In Russ.)
9. Rolf M. A Hall of Mirrors: Sovietizing Culture under Stalinism. *Slavic Review*. 2009;68(3): 601–630. <https://doi.org/10.1017/S0037677900019768>
10. Слесарь Е.А., Кибардин А.А., Тенденции жанрообразования в зрелищных искусствах. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2018;43:175–182.
11. Slesar E.A., Kibardin A.A. Trends of Genre Genesis in Performing Arts. *Bulletin of KemGUKI*. 2018;43:175–182. (In Russ.)

7. Пиотровский А.И. *Театральное наследие – исследования, театральная критика, драматургия: в 2 т.* Сост. А.А. Теплов. СПб.: Балтийские сезоны; 2019. Т. 2. 1104 с.
- Piotrovsky A.I. *Theatrical Heritage: Studies, Theater Criticism, and Dramaturgy: in 2 vols.* Edited by A.A. Teplov. St. Petersburg: Baltic Seasons; 2019. Vol. 2. 1104 p. (In Russ.)
8. Пиотровский А. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. Массовые празднества. В: *Сб. комитета социологического изучения искусств.* Ленинград: Academia; 1926. С. 56.
- Piotrovsky A.I. Chronicle of Leningrad Celebrations, 1919–1922. Mass Celebrations. In: *Collection of the Committee for the Sociological Study of the Arts.* Leningrad: Academia; 1926. p. 56. (In Russ.)
9. *Праздничный наряд Ленинграда: из опыта художественно-политического оформления. Фотоальбом.* Сост. и авторы текста Л.Н. Царев, Н.М. Быков. Ленинград: Лениздат; 1981. 120 с.
- Leningrad in Festive Attire: Insights from Artistic and Political Design: A Photo Album.* Compiled and written by L.N. Tsarev and N. M. Bykov. Leningrad: Lenizdat; 1981. 120 p. (In Russ.)
10. Художественное оформление массовых празднеств в Ленинграде 1918–1931 гг. Альбом из 48 таблиц (почтовых открыток). Москва–Ленинград: ОГИЗ-ИЗОГИЗ; 1932. URL: <http://www.raruss.ru/soviet-constructivism/3956-guschin-registration-mass-holidays.html> (дата обращения: 13.02.2026).
- Artistic Design of Public Celebrations in Leningrad, 1918–1931. An album of 48 plates (postcards). Moscow–Leningrad: OGIZ-IZOGIZ; 1932. (In Russ.) URL: <http://www.raruss.ru/soviet-constructivism/3956-guschin-registration-mass-holidays.html> (accessed: 13.02.2026).
11. Murray N. *Art for the Workers. Proletarian Art and Festive Decorations of Petrograd, 1917–1920.* Leiden: Brill; 2018. 303 p. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.217>
12. Шехнер Р. *Теория перформанса.* Пер. с англ. А. Асланян. Москва: V-A-C Press; 2020. 486 с.
- Schechner R. *Performance Theory.* Translated from the English by A. Aslanyan. Moscow: V-A-C Press; 2020. 486 p. (In Russ.)
13. Гирин Ю.Н. *КАРТИНА МИРА эпохи авангарда. Авангард как системная целостность.* Москва: ИМЛИ РАН; 2013. 400 с. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 30.02.2026).
- Girin Yu.N. *The Worldview of the Avant-Garde Era: The Avant-Garde as a Systemic Whole.* Moscow: IMLI RAN; 2013. 400 p. (In Russ.)
14. Галактионов А.А. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН. Педагогические принципы профессора Родченко. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. *Вестник МГХПА.* 2010;3:24–34.
- Galaktionov A.A. VKhUTEMAS-VKhUTIN. Professor Rodchenko's Pedagogical Principles. Decorative Arts and the Spatial Environment. *Bulletin of the Russian State University of Design and Applied Arts.* 2010;3:24–34. (In Russ.)
15. Ермолин Е.А. *Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930 гг.* Ярославль: Изд-во ЯГПУ; 1996. 141 с.
- Ermolin E.A. *The Materialization of a Ghost: Totalitarian Theater in Soviet Mass Events of the 1920s and 1930s.* Yaroslavl: YAGPU Publishing House; 1996. 141 p. (In Russ.)

Об авторах:

Бердник Татьяна Олеговна, кандидат философских наук, профессор кафедры «Дизайн», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код](https://spina.org/), tatiana@berdник.me

Комаристая Юлия Сергеевна, магистрант, кафедра «Дизайн» Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), komaristayaulia@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Berdnik Tatyana Olegovna, Cand. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Design, Don State Technical University, Rostov-on-Don (1, Gagarin Sq., 344003, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код](https://spina.org/), tatiana@berdник.me

Komaristaia Yulia Sergeyevna, master's student, Department of Design, Don State Technical University, Rostov-on-Don (1, Gagarin Sq., 344003, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), komaristayaulia@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 12.04.2026

Принята к публикации / Accepted 14.04.2026

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 338.48

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-69-75>

История и перспективы организации научно-популярного туризма в сельских районах Ростовской области

В.С. Макаренко , С.А. Чернова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 vadim251@yandex.ru

Аннотация

Введение. Для развития современной культуры большой интерес для исследователей представляют перспективы организации научно-популярного туризма на сельских территориях территории, содержательной стороной которого являются посещение научных объектов и участие в профильных активностях – мастер-классах, семинарах. Проблематика обусловлена необходимостью поиска «катализаторов» развития туризма на сельских территориях при одновременном задействовании новых видов ресурсов. Цель статьи – на основе анализа специфики научно-популярного туризма выявить перспективы развития научно-популярного туризма в сельских районах Ростовской области.

Материалы и методы. Концептуальная основа исследования заключается в гипотезе возможности развития сельских территорий за счет эскалации отдельных видов туризма, в частности, научно-популярного. Используются труды отечественных и зарубежных исследователей по проблематике статьи. При этом упор сделан на теоретические исследования содержания понятия «научно-популярный туризм» и региональный аспект проблематики его развития. В качестве методов исследования применяется ресурсный метод, метод системного анализа, а также пространственный и прогнозный методы.

Результаты исследования. В качестве объектов исследования авторы выбрали районы, располагающиеся на западе области – Каменский, Белокалитвенский, Тарасовский, Миллеровский, Чертковский, Верхнедонской, Шолоховский. Выбор данных районов был обусловлен их географическим положением, в частности, нахождением вблизи Федеральной трассы М-4 «Дон», что дает благоприятные возможности для притока потенциальных туристов. Для каждого из районов были определены потенциальные научно-популярные объекты, способные стать «точками роста» регионального научно-популярного туризма. При этом рассматривались объекты как природного, так и культурного характера (музеи, территории археологических раскопок и другие). Результаты представлены в таблице.

Обсуждение и заключение. На основе проведенного анализа выделены инфраструктурные преимущества исследуемых районов с позиций потенциального приема туристов. Показано, в том числе в табличной форме, количество гостиниц и других объектов туристской инфраструктуры. В результате, как основа для дальнейших исследований, предложены перспективные маршруты научно-популярного туризма в наиболее объектно и инфраструктурно обеспеченных в изучаемых сельских территориях. Результаты исследования можно адаптировать к другим территориям Российской Федерации с аграрной спецификой с целью активизации в них внутреннего туризма.

Ключевые слова: туризм, научно-популярный туризм, Ростовская область, сельские районы, ресурсы, маршруты, перспективные направления

Для цитирования. Макаренко В.С., Чернова С.А. Перспективы организации научно-популярного туризма в сельских районах Ростовской области. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(2):69–75. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-69-75>

History and Prospects of Popular Science Tourism's Organization in Rural Areas of Rostov Region

Vadim S. Makarenko , Sophia A. Chernova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vadim251@yandex.ru

Abstract

Introduction. For the development of modern culture, the prospects for organizing popular science tourism in rural areas of the territory are of great interest to researchers, the content side of which is visiting scientific facilities and participating in specialized activities, master classes, seminars. Scientific problems are caused by the need to search for “catalysts” for the development of tourism in rural areas while using new types of resources. The purpose of the article is to identify the prospects for the development of popular science tourism in rural areas of the Rostov region based on the analysis of the popular science tourism's specifics.

Materials and Methods. The conceptual basis of the study lies in the hypothesis of the possibility of developing rural areas through the escalation of certain types of tourism, in particular, popular science. The works of domestic and foreign researchers on the problems of the article are used. At the same time, emphasis is placed on theoretical studies of the content of the “popular science tourism's” concept and the regional aspect of the problems of its development. The resource method, the system analysis method, as well as spatial and predictive methods are used as research methods.

Results. The authors chose the areas located in the west of the region as the objects of research: Kamensky, Belokalitvensky, Tarasovsky, Millerovsky, Chertkovsky, Verkhnedonskoy, Sholokhovsky. The choice of these areas was due to their geographical location, in particular, being near the Federal Highway, M-4 “Don”, which provides favorable opportunities for the inflow of potential tourists. For each of the areas, potential popular science objects were identified that could become “growth points” of regional popular science tourism. At the same time, objects of both natural and cultural nature (museums, archaeological sites and others) were considered. The results are shown in Table.

Discussion and Conclusion. Based on the analysis, the infrastructural advantages of the studied areas from the standpoint of the potential tourists reception were identified. The number of hotels and other tourist infrastructure facilities is shown, including in tabular form. As a result, as a basis for further research, promising routes of popular science tourism have been offered in the most object and infrastructural provided rural areas. The results of the study can be adapted to other territories of the Russian Federation with agrarian specifics in order to intensify domestic tourism.

Keywords: tourism, popular science tourism, Rostov region, rural areas, resources, routes, promising destinations

For Citation. Makarenko V.S., Chernova S.A. History and Prospects of Popular Science Tourism's Organization in Rural Areas of Rostov Region. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(2):69–75. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-2-69-75>

Введение. Научно-популярный туризм является одним из относительно молодых, но динамично развивающихся видов туризма Российской Федерации. Поскольку он задействует туристские ресурсы, относительно не охваченные другими видами маршрутов, то можно признать, что он соответствует целям «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [1], в частности, комплексному развитию внутреннего и въездного туризма, усилению социальной роли туризма.

Истоки научно-популярного туризма в России прослеживаются с 1980 х гг., однако как самостоятельное направление с федеральной поддержкой он начал оформляться только в рамках Десятилетия науки и технологий (2022–2031). В 2022 г. появились первые туристские программы, включающие посещение лабораторий, вузов и научных центров, а к концу 2025 г. по всей стране было открыто уже 93 маршрута в 32 регионах.

Ростовская область включилась в эту инициативу одной из первых среди аграрных субъектов Юга России. В октябре 2025 г. здесь стартовала программа «Малый казачий круг» – единственный на сегодняшний день официально запущенный научно-популярный маршрут в регионе. Его разработали учёные Донского государственного технического университета совместно с туроператором «Судаков Тревел» [2]

Маршрут объединяет демонстрацию современных агропромышленных разработок (лаборатории «Виноделие и бродильные производства»), «Технологическая линия производства кормов» и индустриальной аквакультуры ДГТУ с погружением в традиционную культуру донского казачества (изучение говора, быта, истории). Таким образом, в нём впервые на практике реализована модель, соединяющая научно-популярную составляющую и культурно-исторический аспект территорий области, в том числе сельских.

До запуска «Малого казачьего круга» элементы научно-популярной деятельности, в том числе, сельских районах Ростовской области существовали лишь в виде разрозненных краеведческих музеев, археологических памятников (курганы, городища) и отдельных экскурсий, которые не были объединены в единую научно-популярную программу. Например, в 2023 г. на круглом столе в ЮФУ обсуждалась необходимость разработки детских научно-популярных туров, однако реального маршрута тогда создано не было. Лишь в 2025 г. удалось оформить первый полноценный продукт.

Таким образом, становление научно-популярного туризма в сельских районах Ростовской области находится на начальном этапе. Представленное в данной статье исследование базируется на выявленных в 2025–2026 гг. потенциальных объектах и предлагает первые перспективные маршруты, которые могут дополнить существующую инфраструктуру и расширить сеть научно-популярных программ региона.

Организация научно-популярных туров не только задействует в маршрутах относительно новые для туризма объекты, но и привлекает к туристско-экскурсионной активности дополнительные сегменты туристов, в частности, школьников и студентов, в чём проявляется его социальная роль. В то же время интеграция маршрута научных объектов и популярных туристских дестинаций позволяет формировать комплексные маршруты, ориентированные на междисциплинарность и разнообразие туристских активностей.

В то же время следует признать, что далеко не во всех регионах ресурсный потенциал исследуемого вида туризма изучен в достаточной степени. Существующие научно-популярные маршруты в основном включают в себя территории вузов и научно-исследовательских объектов, не всегда полноценно охватывая такие дестинации, как музеи, археологические раскопки и другие локации, расположенные на сельских территориях. Тем не менее данное направление представляется перспективным как для научного исследования, так и для практической реализации в туризме.

Ростовская область, являясь традиционным аграрным регионом, имеет значительную долю сельских территорий. Представляется, что на большинстве данных территорий можно идентифицировать потенциальные туристские ресурсы для включения в научно-популярные маршруты.

Материалы и методы. Авторы опираются на теоретические исследования российских и зарубежных ученых. Первая группа работ посвящена теоретико-методологическим аспектам научно-популярного туризма: А.В. Афанасьева, Е.В. Логвина, Т.Т. Христов [3]. В работе И.С. Шершовой и А.Я. Тамахиной рассматривается научно-популярный туризм как разновидность научного туризма [4]. Существенный вклад в исследование научно-популярного туризма внесли В.В. Верна, С.С. Скараник, А.В. Сорока [5], А.В. Фрыгин и И.Ю. Федорова [6]. С позиций образовательной составляющей выделим труды Е.П. Ананичевой и соавт. [7], А.В. Ханиной [8]. Вторая группа исследований – это региональные исследования развития научно-популярного туризма: И.Ю. Пономарева и В.Ю. Савинов [9], Р.И. Локтев и соавт. [10], Е.С. Малых, А.И. Сметанина [11], Я.С. Тестина, Н.Ю. Белякова, А.М. Воротников [12], исследования Е.Г. Кропиновой и соавт. [13], Д.Ю. Шишкиной [14].

Методическая база данного исследования: ресурсный метод, с помощью которого идентифицированы объекты, которые потенциально можно задействовать в научно-популярных маршрутах; метод системного анализа, позволивший сравнить между собой ресурсы научно-популярного туризма отдельных районов Ростовской области; пространственный метод, задействованный при сопоставлении локализации основных ресурсов; прогностический метод, с помощью которого определялись перспективные маршруты научно-популярного туризма на исследуемой территории.

Результаты исследования. Ростовская область традиционно является аграрным регионом, что является следствием природных условий – особенностей климата, сезонных распределений температуры и влажности, почвенного покрова и других. В частности, распаханность территории области составляет 64,7 % [13], что является довольно высоким показателем. Соответственно сельские территории в масштабах региона являются преобладающими, что актуализирует вопрос развития в них основных сфер жизнедеятельности, к которым можно отнести и туризм.

Традиционно к видам туризма, распространенных на сельских территориях, относятся агротуризм, этнографический, гастрономический, экологический. Тем не менее в целях реализации «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» представляется рациональным уделять дополнительное внимание видам туризма ранее активно неорганизованных в тех или иных регионах. К подобным видам туризма, в частности, относится научно-популярный.

В качестве объектов научно-популярных маршрутов выступают локации тем или иным образом связанные с научной деятельностью – вузы, научно-исследовательские институты, лаборатории и другие. При этом посещение подобных объектов дополняется интерактивной программой, включающей в себя мастер-классы, демонстрацию опытов, приобщение к научной деятельности. Подобные маршруты помимо познавательного несут воспитательный, образовательный и профориентационный характер, что определяет специфику данного вида туризма. Развитие научно-популярного туризма на территории нашей страны определяется Концепцией развития научно-популярного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [14].

Предполагается, что на территории сельских районов возможно задействование научно-популярных маршрутов, музеев, фермерских хозяйств, археологических раскопок и других объектов. Интегрируясь в развитие экономики подобных районов научно-популярные маршруты могут стать региональной «точкой роста».

Для анализа были выбраны районы, располагающиеся на западе области, в частности, Каменский, Белокалитвенский, Тарасовский, Миллеровский, Чертковский, Верхнедонский, Шолоховский. Выбор данных районов был обусловлен, помимо прочего, их географическим положением, в частности, нахождением вблизи Федеральной трассы М-4 «Дон», что дает благоприятные возможности для притока потенциальных туристов.

Потенциальные объекты научно-популярного туризма, выявленные в Каменском районе, носят в основном краеведческо-познавательный характер. Например, Каменский краеведческий музей, посвященный культуре донских казаков, истории и культуре города, а также Народный историко-краеведческий музей в станице Гундоровской, который направлен на сохранение памяти об истории станицы и событиях Великой Отечественной войны. Помимо культурно-исторических объектов, на территории района расположены объекты природного наследия и памятники археологии: курганы и городища, хранящие в себе древнюю историю края.

В Белокалитвенском районе имеются значимые культурно-исторические и природные объекты. В частности, Белокалитвинский историко-краеведческий музей им. М.А. Шолохова, который посвящен творчеству и жизни великого донского писателя, а также истории качества на Дону, картинная галерея в г. Белая Калитва, которая представляет произведения местных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, а также Белая скала и многочисленные пещеры на территории района.

Анализируя потенциальные объекты научно-популярного туризма в Тарасовском районе, можно выделить следующие туристские объекты – Тарасовский историко-краеведческий музей (п. Тарасовский), который посвящен событиям Великой Отечественной войны, а также быту сельчан и донских казаков. Музей Боевой Славы им. Героя Советского Союза В.А. Хальзунова (п. Тарасовский, в здании школы), данная экспозиция посвящена подвигу уроженца Тарасовского района, Героя Советского Союза Василия Александровича Хальзунова. Из памятников археологии присутствуют курганные могильники, свидетельствующие о древнем мире района.

Если говорить о Миллеровском районе, то можно отметить следующие культурно-познавательные туристские объекты – Миллеровский районный краеведческий музей (г. Миллерово), который посвящен Великой Отечественной войне, известных земляках и развития сельского хозяйства. Мемориальный дом-музей Героя Советского Союза А.М. Лихолетова (х. Верхнеталовка), посвященный жизни и подвигу Героя Советского Союза Александра Михайловича Лихолетова, а также музей истории казачества (ст. Мальчевская). Следует выделить наличие курганов, реки Калитва, Озера Большое и озера Лебязье.

Шолоховский район богат историко-культурными объектами, которые также необходимы для развития научно-популярного туризма в области. В частности, на территории района имеется Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова (ст. Вешенская), Мемориально-исторический комплекс «Кружилинский», подворье, воссоздающее быт казачьей семьи (таблица 1).

Таблица 1

Потенциальные объекты научно-популярного туризма в исследуемых районах Ростовской области

№ п/п	Название района	Объекты
1	Шолоховский район	1. Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова (ст. Вешенская). 2. Мемориально-исторический комплекс «Кружилинский»: Подворье, воссоздающее быт казачьей семьи. 3. Конюшенный двор, где содержатся лошади донской породы (ст. Вешенская).
2	Верхнедонской район	1. Музей истории и культуры Верхнедонского района (ст. Казанская). 2. Филиалы Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. 3. Памятники археологии: древние курганы 4. Памятник природы «Островной лес» (окрестности ст. Казанской): Уникальный лесной массив, расположенный на острове посреди реки Дон.
3	Чертковский район	1. Чертковский районный краеведческий музей (п. Чертково). 2. Музей истории и быта села Маньково-Березовское (с. Маньково-Березовское). 3. Природный заказник «Чертковские пески»: Уникальный природный объект, представляющий собой участок песчаной степи. 4. Памятники археологии: древние курганы.
4	Миллеровский район	1. Миллеровский районный краеведческий музей (г. Миллерово). 2. Музей истории казачества (ст. Мальчевская). 3. Памятники археологии: древние курганы.
5	Тарасовский район	1. Тарасовский историко-краеведческий музей (п. Тарасовский). 2. Памятники археологии: древние курганы.
6	Белокалитвинский район	1. Белокалитвинский историко-краеведческий музей им. М.А. Шолохова (г. Белая Калитва). 2. Белая скала (окрестности г. Белая Калитва): Скала, расположенная на берегу реки Калитва, сложенная из известняка. 3. Пещеры (в окрестностях г. Белая Калитва): В Белокалитвинском районе есть комплекс пещер, в частности, пещера «Скеля».
7	Каменский район	1. Каменский краеведческий музей (г. Каменск-Шахтинский, фактически находится на территории, административно подчиненной городу). 2. Народный историко-краеведческий музей в станице Гундоровской. 3. Памятники археологии: Курганы и городища.

В Верхнедонском районе имеется музей истории и культуры Верхнедонского района (ст. Казанская), экспозиции которого посвящены истории, обычаям и традициям Донского края, памятники археологии (курганы), памятник природы «Островной лес» (окрестности ст. Казанской), уникальный лесной массив, расположенный на острове посреди реки Дон.

Обсуждение и заключение. Научно-популярный туризм – вид туризма, основанный на знакомстве туристов с научными объектами: музеями, лабораториями, научными центрами. Названные выше районы Ростовской области обладают значительный потенциалом для развития научно-популярного туризма, так как имеет немалое количество важных и необходимых туристских ресурсов. Но есть определенные факторы, которые мешают полноценному развитию научно-популярного туризма в перечисленных районах южного региона: низкий уровень инфраструктуры (гостиниц, отелей), оборудования объектов для посещения туристами, транспортная доступность выделенных объектов и так далее. Количество гостиниц по исследуемым районам представлена в таблице 2.

Таблица 2

Количество средств размещения в исследуемых районах Ростовской области

№ п/п	Название района	Количество средств размещения
1	Шолоховский район	18
2	Верхнедонской район	3
3	Чертковский район	13
4	Миллеровский район	17
5	Тарасовский район	8
6	Белокалитвинский район	7
7	Каменский район	37

Из таблицы 2 видно, что в Каменском районе насчитывается 37 средств размещения, Белокалитвинском – 7, Тарасовском – 8, Миллеровском – 17, Чертковском – 13, Верхнедонском – 3, Шолоховском – 18. Анализ количества гостиниц в этих районах выявил заметную диспропорцию в числе средств размещения и, следовательно, дисбаланс возможностей приема больших групп туристов. В частности, наибольшие возможности имеются у Каменского района, в котором располагается наибольшее количество гостиниц. В то же время отдельные районы (Верхнедонской, Тарасовский, Белокалитвинский) имеют незначительное количество гостиниц и обладают более низким инфраструктурным потенциалом для реализации научно-популярных маршрутов.

Также можно выделить транспортный фактор. Несмотря на то что исследуемые районы располагаются вдоль федеральной трассы М-4 «Дон», связывающей центральную часть России и ее юг, отдельные объекты научно-популярного значения располагаются вдали от мест концентрации транспортных потоков. Так, например, некоторые населенные пункты, расположенные на западе Чертковского района, находятся вдали от основной трассы, при том, что в данных населенных пунктах находятся значимые для туризма объекты. Верхнедонской и Шолоховский районы также расположены вдали от трассы М-4 «Дон», что затрудняет создание научно-популярных маршрутов в данных регионах.

Помимо этого, сдерживает развитие научно-популярного туризма в исследуемых районах информационный фактор. Большинство местных объектов научно-популярного туризма почти не позиционирует себя в данном статусе и не реализует экскурсионные программы, мастер-классы, событийные мероприятия.

Следовательно, представляется рациональным формировать научно-популярные маршруты в исследуемых районах на территориях, в большой степени обеспеченных соответствующей туристской инфраструктурой. Также можно считать оптимальным проложение одного маршрута по территории нескольких соседних районов для увеличения концентрации потенциальных научных объектах в их содержании. В результате нами были предложены 3 потенциальных научно-популярных маршрута.

1. Научно-популярный маршрут «Каменский меридиан: от истории до природы» в Каменском районе. Предполагаемый проект маршрута:

- Каменский краеведческий музей (г. Каменск-Шахтинский, фактически находится на территории, административно подчинённой городу);
- Народный историко-краеведческий музей в станице Гундоровской;
- памятники археологии: Курганы и городища;
- Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества;
- объекты природного наследия: Живописные берега реки Северский Донец, степные ландшафты.

2. Научно-популярный маршрут «Белокалитвинское Наследие: Музеи, Скалы и Подземные Миры» в Белокалитвинском районе. Предполагаемый проект маршрута:

- Белокалитвинский историко-краеведческий музей им. М.А. Шолохова (г. Белая Калитва);
- Белая скала (окрестности г. Белая Калитва): Скала, расположенная на берегу реки Калитва, сложенная из известняка;
- пещеры (в окрестностях г. Белая Калитва): В Белокалитвинском районе есть комплекс пещер, в частности, пещера «Скеля»;
- река Северский Донец и ее берега;
- картинная галерея в г. Белая Калитва: представляет произведения местных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства.

3. Научно-популярный маршрут «Донские Перекрестки: Миллерово, Чертково, Верхнедонец – путешествие сквозь время». Предполагаемый проект маршрута:

- Миллеровский районный краеведческий музей (г. Миллерово);
- Музей истории казачества (ст. Мальчевская);
- Чертковский районный краеведческий музей (п. Чертково);
- Природный заказник «Чертковские пески»;
- Музей истории и культуры Верхнедонского района (ст. Казанская);
- филиалы Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова;
- памятники археологии: древние курганы (Верхнедонской район);
- памятник природы «Островной лес» (окрестности ст. Казанской).

Предполагается, что выделенные маршруты могут способствовать развитию сельских территорий Ростовской области. Научно-популярные маршруты в случае своей реализации могут не только стать «катализатором» развития туризма исследуемых районов, но и через мультипликативный эффект привести к развитию местной экономики.

Представляемое исследование может стать пионерным в аспекте проблемы организации научно-популярных маршрутов на сельских территориях и в перспективе может быть перенесено на другие районы Ростовской области и субъекты Российской Федерации.

Список литературы / References

1. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением от 20 сентября 2019 г. № 2129-р). *Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/strategiya_razvitiya_turizma_v_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2035_goda_utverzhdena_rasporyazheniem_ot_20_sentyabrya_2019_g_2129_r.html (дата обращения: 24.06.2025).

Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035 (approved by order of September 20, 2019 No. 2129-r). *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/strategiya_razvitiya_turizma_v_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2035_goda_utverzhdena_rasporyazheniem_ot_20_sentyabrya_2019_g_2129_r.html (accessed: 24.06.2025).

2. Запущен первый в Ростовской области маршрут научно-популярного туризма. *Официальный портал Правительства Ростовской области*. URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/news/zapushchen-pervyy-v-rostovskoy-oblasti-marshrut-nauchno-populyarnogo-turizma/> (дата обращения: 19.04.2026).

The first popular science tourism route is launched in the Rostov region. *Official website of the Government of the Rostov region*. URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/news/zapushchen-pervyy-v-rostovskoy-oblasti-marshrut-nauchno-populyarnogo-turizma/> (accessed: 19.04.2026).

3. Афанасьева А.В., Логвина Е.В., Христов Т.Т. Методологические основы научно-популярного туризма. *Сервис в России и за рубежом*. 2023;17(2/104):5–25. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8104849>

Afanasiyeva A.V., Logvina E.V., Khristov T.T. Methodological bases of popular science tourism. *Services in Russia and Abroad*. 2023;17(2/104):5–25. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8104849>

4. Шершова И.С., Тамахина А.Я. Научно-популярный туризм как разновидность научного туризма. В: *Актуальные проблемы технологии продуктов питания, туризма и торговли*. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конференции. Нальчик. 2023. С. 150–155.

Shershova I.S., Tamakhina A.Ya. Popular science tourism as a variety of scientific tourism. In: *Current issues in food technology, tourism and trade*. Materials of VI All-Russian scientific-practical conferences. Nalchik. 2023. pp. 150-155 (In Russ.)

5. Верна В.В., Скараник С.С., Сорока А.В. Современные аспекты развития научно-популярного туризма. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2023;9(2):141–50.

Verna V.V., Skaranik S.S., Soroka A.V. Modern aspects of the development of popular science tourism. *Geopolitics and ecogeodynamics of the regions*. 2023;9(2):141–50. (In Russ.)

6. Фрыгин А.В., Федорова И.Ю. Десятилетие науки и технологий: развитие научно-популярного туризма. *Вестник РМАТ*. 2024;1:23–30.

Frygin A.V., Fedorova I.Yu. Decade of science and technology: development of popular science tourism. *Bulletin of RIAT*. 2024;1:23–30. (In Russ.)

7. Ананичева Е.П., Гаприндашвили Р.Т., Набиев С.Р., Позднякова Е.А. Научно-популярный туризм в системе высшего образования Российской Федерации: правовой аспект. *Сервис в России и за рубежом*. 2024;18(3/112):73–86. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14262691>

Ananicheva E.P., Gaprindashvili R.T., Nabiev S.R., Pozdnyakova E.A. Popular science tourism in the higher education system of the Russian Federation: Legal aspect. *Services in Russia and Abroad*. 2024;18(3/112):73–86. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14262691>

8. Ханина А.В., Якименко М.В. Научно-популярный туризм, как вектор развития студенческого туризма в регионах России (на примере Южного федерального университета). *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. 2023;19(3):35–42. <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2023-19-3-35-42>

Khanina A.V., Yakimenko M.V. Popular science tourism as a vector of the development of student tourism in the regions of Russia (on the example of Southern Federal University). *Professorial journal. Series: Recreation and Tourism*. 2023;19(3):35–42. <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2023-19-3-35-42>

